

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 (28) 2006. Издаётся с 1999 г.

**Журнал теоретических
и прикладных исследований**
Выходит 1 раз в квартал

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная коллегия:

Поварич И. П., д-р экон. наук, профессор, академик МАН ВШ (главный редактор);
Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор, академик МАН ВШ (зам. главного редактора);
Рябова М. И., канд. хим. наук, ст. науч. сотр. (ответственный секретарь).

Члены редколлегии:

А. А. Араева, д-р филол. наук, профессор;
К. Е. Афанасьев, д-р физ.-мат. наук, профессор;
В. В. Бобров, д-р ист. наук, профессор;
В. А. Волчек, канд. ист. наук, доцент;
Н. Н. Данилов, д-р физ.-мат. наук, профессор;
В. В. Желтов, д-р филос. наук, профессор;
Э. М. Казин, д-р биол. наук, профессор;
Н. Э. Касаткина, д-р пед. наук, профессор;
Б. П. Невзоров, д-р пед. наук, профессор;
Е. А. Пименов, д-р филол. наук, профессор;
И. П. Поварич, д-р экон. наук, профессор;
А. С. Поплавной, д-р физ.-мат. наук, профессор;
М. И. Рябова, канд. хим. наук, доцент;
Б. А. Сечкарёв, д-р хим. наук, профессор;
В. П. Щенников, д-р филос. наук, профессор;
Н. А. Юркевич, канд. юрид. наук, доцент;
М. С. Яницкий, д-р. психол. наук, профессор.

Ответственные за выпуск:

Б. П. Невзоров, д-р пед. наук, профессор, первый проректор КемГУ;
М. И. Рябова, канд. хим. наук, зав. отделом аспирантуры и докторантуры КемГУ.

Редактор выпуска – З. А. Кунашева.
Компьютерная верстка – В. А. Шерина.

БИОЛОГИЯ

- Мальцева А. Т.* Геоботаническое описание территории Рудничного соснового бора и оценка его биологического состояния 3

ИСТОРИЯ

- Чигаева В. Ю.* Образ птицы в обрядовой практике народов Северной Азии (по данным археологии и этнографии) 10
Шуранов Н. П. Снаряды для «Катюш» 17

МАТЕМАТИКА

- Подкур П. Н.* Построение вейвлетов с коэффициентом масштабирования n на основе В-сплайнов 19
Славолюбова Я. В. Левоинвариантные контактные метрические структуры на пятимерной группе Ли Гейзенберга 24

ПЕДАГОГИКА

- Жиронкина О. В., Жиронкина Л. С.* Иностранный язык как средство профессиональной подготовки будущего экономиста 30
Коняева Л. А. К вопросу о коммуникативном подходе при обучении иностранному языку в русле инновационных технологий 34
Прокуденко Н. А., Ростова А. Н., Шапилова Н. И. Кафедра русского языка Кемеровского государственного университета (от истоков до наших дней) 38

ПСИХОЛОГИЯ

- Иванова М. Г.* Уровень тревожности как один из показателей психологического здоровья детей 45
Колесникова С. С. Развитие общения со взрослыми как условие проявления личностных новообразований у старших дошкольников 48
Михайлова В. П., Бритвина О. С., Корытченкова Н. И., Фокина И. А. Характеристика эмоциональной сферы младшего школьника 52
Михайлова В. П., Корытченкова Н. И., Ковтун О. Н., Хорошилова Л. С. Социально-психологические аспекты дезадаптации личности в современных условиях 56

**Журнал теоретических
и прикладных исследований**

Печатается по решению научно-методического
и редакционно-издательского советов ГОУ ВПО
«Кемеровский государственный университет».
Выходит 1 раз в квартал.

Ни одна из частей журнала либо издание в це-
лом не могут быть перепечатаны без письмен-
ного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 650043, ул. Красная 6, к. 213,
редакция журнала «Вестник Кемеровского го-
сударственного университета».
Телефон: (3842)58-13-01,
факс (3842)58-38-85,
E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Журнал зарегистрирован в Сибирской окруж-
ном межрегиональном территориальном
управлении Министерства РФ по делам пе-
чати, телерадиовещания и средств массо-
вых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ 12-2098

Со второго полугодия 2004 г. на «Вестник
КемГУ» открыта подписка. Подписной ин-
декс 51944.

ISBN 978-5-8353-0606-0

© ГОУ ВПО «Кемеровский государственный
университет», 2006.

Подписано к печати

Формат А 4.

Печать офсетная.

Бумага Sveto Copy.

Усл. печ. л. – 13,12.

Уч.- изд. л. – 11,88.

Тираж 500 экз.

Заказ № _____

Отпечатано в ООО «Компания «ЮНИТИ».

650099, Кемерово,

ул. Островского, 15.

Лицензия ПЛД 44-27

Осипова Т. Ю., Шушакова Е. В., Михайлова В. П. Исследо-
вание влияния оптимизма на учебную успешность подрост-
ков

61

Портнова А. Г., Джус К. Я. Динамические аспекты проблемы
становления альтруистической направленности личности

63

Семенихина В. К., Михайлова В. П. Приемы развития рече-
мыслительной деятельности на уроках иностранного языка

67

ФИЛОЛОГИЯ

Лозунов Т. А. Модальные оттенки аналитического будущего
английского и русского языков как реализация значения гипоте-
тичности

70

ФИЛОСОФИЯ

Казаков Е. Ф. От дочеловека к постчеловеку

76

Красиков В. И. Русская душа и русская философия: проблема
идентификации

85

ЭКОЛОГИЯ. ЗДОРОВЬЕ

Березина М. Г., Прохорова А. М. Оценка состояния здоровья
студентов

92

ЭКОНОМИКА

Жиронкин С. А. К вопросу об общности структурных преобра-
зований российской экономики и развития ее кредитной систе-
мы

97

Корчуганова Е. А. Анализ структуры взаимоотношений бизнеса
и власти в условиях транзитивной экономики России

100

Авторы выпуска 104

Правила оформления статей в «Вестник КемГУ» 105

БИОЛОГИЯ

УДК 502.5; 502.51; 571.17

ГЕОБОТАНИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ТЕРРИТОРИИ РУДНИЧНОГО СОСНОВОГО БОРА
И ОЦЕНКА ЕГО БИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ

А. Т. Мальцева

Сосновые травяные боры представляют сложную биологическую систему, структура которой в значительной мере зависит от состава и видового разнообразия растений. Видовые популяции, составляющие травяной покров этих лесов, могут служить показателями современного состояния сообщества, выступать индикаторами экологического режима мест обитания и быть показателем рекреационного использования фитоценоза.

В Западной Сибири сосновыми лесами занято 25,8 млн га – 35 % общей лесопокрытой площади России.

Биологические способности сосны таковы, что она может существовать в самых разнообразных экологических условиях. Большая пластичность корневой системы сосны, быстрота ее роста, ветроустойчивость, неприхотливость к минеральному питанию, дренированности и влажности почв – все это обуславливает успешное ее существование, рост и образование семян в условиях крайне неблагоприятных для развития других пород. Сосна хорошо растет на бедных песчаных, серых и подзолистых лесных почвах, где развивает мощный, глубоко проникающий в землю стержневой корень. Сосна может переносить довольно низкие температуры воздуха и почв.

Ареал сосны обыкновенной обширен. Ареал сосны можно разделить на районы сплошного и островного распространения. Наиболее обширные массивы сосновых лесов располагаются по древне-аллювиальным террасам крупных рек. Сплошной ареал охватывает лесную зону на 90 %. К островным сосновым лесам относятся ленточные боры, располагающиеся по древним ложинам стока.

По составу сосновые леса весьма разнообразны. Чистые сосновые леса формируются главным образом в экстремальных условиях – на сухих песках и на заболоченных почвах. Такие леса встречаются в таежных подзонах нашего региона. Широко распространены смешанные леса, в которых в качестве сопутствующих пород вместе с сосной включаются лиственница, кедр, ель, пихта. Большое количество насаждений образует сосна с мелколиственными породами, главным образом с березой и меньше с осинкой. Среди этих лесов значительный удельный вес принадлежит производным древостоям, возникшим как временная стадия в процессе восстановления коренных сосновых сообществ. Смешанные – мелколиственные сосновые леса естественного происхождения обычно формируются в долинах рек.

Структура и возрастной состав древостоев в сосновых лесах неоднородны и зависят как от среды обитания, так и от степени антропогенного воздействия.

Для большинства сосновых лесов характерно их восстановление без смены пород. Смешанные, с преобладанием березы, древостои обычно образуются на первых стадиях послепожарных смен и являются кратковременными в условиях лесовосстановительного процесса. Производные сосновые леса Западно-Сибирской равнины возникли после пожаров на месте коренных темнохвойных, кедровых и еловых лесов (1). Вторичные сосновые леса в большинстве случаев представлены сообществами смешанного состава, в которых наблюдается значительная примесь и подрост темнохвойных пород.

Сосновые леса в течение последних двух веков подвергались сильному антропогенному воздействию (интенсивные рубки, пастьба скота, лесные пожары), все чаще используются жителями прилегающих городов. Леса играют водоохранную, почвозащитную и рекреационную роль. Большинство их относят по народнохозяйственному значению к I группе. Наряду с необходимостью расширения зеленых зон городов и поселков, требуется строительство крупных лесопарков, природных и национальных парков на базе эстетически ценных лесных массивов.

Экологическая обстановка города Кемерово заставляет уделять все большее внимание состоянию зеленых зон города и перспективам их улучшения.

Целью нашей работы было обследование и картирование растительности на территории Рудничного бора и оценка его биологического состояния. Были поставлены следующие задачи:

- составить геоботанические описания различных участков соснового бора;
- отметить степень антропогенного влияния, нарушения соснового бора;
- наметить рекомендации по сохранению естественного состояния Рудничного бора с учетом рекреационного воздействия.

Работа выполнялась в течение 1998-2000 гг.

Рудничный сосновый бор г. Кемерово расположен на правом берегу р. Томи, которая является главной рекой области, пересекающей всю территорию в направлении с юго-востока на северо-запад, общая протяженность ее 839 км. Томь быстрая, на большей части своего течения типичная горная река, изобилующая многочисленными порогами и порожками, быстро повышающая свой уровень в дождливую погоду.

На территории Рудничного бора протекает ручей Журавушка в направлении с северо-востока на юго-запад, расположенный в логу. Ширина ручья местами достигает одного метра, глубина –

10 – 15 см. А также на территории бора находятся небольшие ключи.

Господствующими почвами Рудничного соснового бора г. Кемерово являются серые лесные почвы, темно- и светло-серые, на пониженных участках темно-серые глееватые, а также луговые оподзоленные и лугово-болотные почвы, часто характеризуются оржавлением и оглеением нижних горизонтов, вызванные наличием закисного и окисного железа, включением фосфора, а также избыточным увлажнением грунтовыми водами. На территории бора встречаются лугово-черноземные оподзоленные почвы, в них преобладает тяжелый механический состав. От HCl не вскипает, pH 5,3.

Рудничный сосновый бор входит в состав Кемеровского лесхоза. Общая площадь лесхоза 42,31 тыс. га, территория Рудничного бора занимает 490 га. Основную площадь (78 %) лесхоза занимают леса I группы, леса паркового характера. Главное направление лесхоза – сохранение и восстановление зеленой зоны вокруг города Кемерово с учетом улучшения лесного ландшафта. Сосновые леса на правом берегу реки Томи являются лесами 2-го и 3-го классов бонитета, по преимуществу разнотравного типа. Леса Кемеровского района – это места отдыха городского населения, особенно на лесных дачах. На окраине Рудничного бора построен детский санаторий «Журавлик». В 1965 году при лесхозе создана почвенно-химическая лаборатория областного значения, данные которой использованы в настоящей работе. Территория Рудничного соснового бора разделена на 12 участков, где нами проведены геоботанические описания (см. рис. 1).

Участок № 1. Березово-сосновая разнотравно-орляковая ассоциация. Эта ассоциация расположена на окраине северо-востока Рудничного соснового бора. Она характеризуется доминированием папоротника-орляка (*Pteridium aquilinum*). Ассоциация с разнотравно-орляковым покровом занимает равнинное место с темно-серыми лесными, лугово-черноземными оподзоленными почвами. В

древостое преобладает сосна (*Pinus sylvestris*). Отмечается участие березы (*Betula pendula*). Посадки березы и сосны 1:1.

Деревья сосны при среднем диаметре 60 см имеют высоту 25 – 30 м, возраст сосны около 40 лет. Деревья березы при среднем диаметре 50 см имеют высоту 18 – 20 м. Возраст березы 30 – 40 лет.

Подлесок изрежен, представлен единичными кустами *Crataegus sanguinea*, sp; *Sorbus sibirica*, sp; *Padus avium*, sp; *Sambucus sibirica*, sp; *Acer negundo*, sp; *Malus baccata*, sol.

Средняя высота подлеска около 6 м. Полнота насаждений варьирует от 0,4 до 0,6 баллов. Восстановительные процессы сосны протекают замедленно, при высоте 8 метров имеет возраст 15 лет.

Физиономически разнотравно-орляковая ассоциация характеризуется как низкотравная. Травостой густой – 60-70 %, высотой около 80 см. Травяной покров подразделяется на подъярусы. В первый подъярус входят: *Pteridium aquilinum*, сор; *Bupleurum aureum*, sp; *Crepis sibirica*, sp; *Thalictrum minus*, sp; *Aconitum septentrionale*, сор 1.

Во второй подъярус входят: *Urtica dioica*, сор; *Ranunculus propinquus*, sp; *Trollius asiaticus*, сор; *Geranium sylvaticum*, sp. высотой около 50 см.

В третий подъярус входят: *Majanthemum bifolium*, сор; *Fragaria vesca*, sol; *Trifolium pratense*, sp высотой около 15 см.

Содержание сорных растений 15 – 20 %. В этом описании и далее в других обилие видов приводится по шкале Друде.

Участок № 2. Сосновая разнотравно-орляковая ассоциация. Эта ассоциация занимает центральную часть территории Рудничного бора. Почва темно-серая, оподзоленная, тяжело-суглинистая, глееватая. Ниже приводим описание почвенного разреза, сделанного сотрудниками почвенно-химической лаборатории в 1998 году.

Почвенный разрез: в 250 м от угла забора лесхоза (табл. 1).

Таблица 1

Почвенный разрез 1

	Характеристика горизонта	Глубина взятия образца (см)
A ₁ 0-15	темно-серый, свежий, комковато-зернистый, тяжело-суглинистый, уплотненный	5-15
A ₂ , B ₁ 15-41	серовато-бежевый от кремнеземистой присыпки, комковато-ореховато-плотноватый, свежий, тяжело-суглинистый, переход постепенный	25-30
B ₁ 45-58	охристый с присыпкой кремнезема, комковато-крупноореховатый с примесью песка, плотный, влажный, глинистый, переход постепенный, встречается мелкий щебень	45-55
B ₂ 58-93	глина, более светлый с серыми и ржавыми пятнами, плотный, опесчаненная глина, влажный, переход постепенный	70-80
B ₃ 93-150	с большой примесью песка, влажный, непрочный комковатый, сильно оржавленный и оглеенный, переход заметный	110-120
Сд 150-180	влажный, плотный, неоднороден, пластичный, глинистый с большим количеством песчаника	160-170

Геоморфология: полого-увалистая равнина.
Макро- и мезорельеф: выровненный участок.

Микрорельеф: микропонижение.
Гумусовый горизонт: A₁, A₂, B₁, B₂.

В древостое преобладает сосна. Деревья сосны при диаметре 90 см, имеют высоту 32 м. Возраст сосны 60 – 80 лет, полнота насаждений варьирует от 0,3 до 0,5 баллов.

Возобновление сосны естественное, сосна высотой 8 – 10 метров в возрасте 16 – 18 лет.

Подлесок изрежен, представлен: *Padus avium*, сор; *Sorbus sibirica*, sp; *Cotoneaster melanocarpus*, sp; *Rubus idaeus*, сор₁; *Ribes nigrum*, sp₂; *Ribes spicatum* spr. Высота подлеска колеблется от 1,5 до 6 м.

Травяной покров густой – 60 – 80 %. Первый подъярус представлен лугово-лесным крупнотравьем: *Pteridium aquilinum*, сор₁; *Aegopodium podagraria*, сор₁; *Bupleurum aureum*, sp; *Ranunculus propinquus*, sp; *Aconitum volubile*, sp высотой 60 – 90 см.

Во второй подъярус входят: *Geranium sylvaticum*, sp; *Dactylis glomerata*, сор₁; *Viola uniflora*, sp; *Campanula glomerata*, sp; *Lilium pilosiusculum*, sol высотой 40 – 50 см.

Нижний подъярус слагают: *Trifolium repens*, сор₁; *Fragaria vesca*, sp; *Crepis sibirica*, sp; *Lathyrus vernus*, sp; *Trollius asiaticus*, sp, *Astragalus glycyphyllos*, sp высотой 10 – 30 см.

Содержание сорных растений – 10 – 20 %.

Участок № 3. Березово-сосновая разнотравно-коротконожковая ассоциация. Эта ассоциация расположена на окраине юго-востока Рудничного соснового бора. Почвы светло-серые, тяжело-суглинистые, а также дерновые сильно оподзоленные. В древостое, кроме сосны, присутствует береза. Древостой молодой, средний возраст 40 – 50 лет, отдельных сосен – 60 лет, диаметр стволов сосны 30 см при высоте деревьев 10 – 18 метров. Диаметр стволов березы 25 – 30 см, при высоте деревьев 15 – 20 метров. Сомкнутость древесного полога 0,4 – 0,6 баллов. Возобновление сосны протекает замедленно, при высоте сосны около 6 метров возраст 20 лет.

Подлесок развит слабо и представлен кустарниками *Spiraea media*, sp; *Rosa acicularis*, сор; *Caragana arborescens*, сор₁; *Sorbus sibirica*, sol; *Lonicera tatarica*, sp; *Acer negundo*, sp; *Padus avium*, sol. Подлесок высотой от 1 до 5 метров.

Основу травяного покрова составляют виды из группы лесного разнотравья и злаков. На полянах разрастаются *Crepis sibirica*, *Heracleum dissectum*. Отмечено расселение *Leucanthemum vulgare*, *Achillea millefolium* и других представителей луговой группы. Отдельными синузиями развиваются боровые растения *Rubus saxatilis*, *Orthilia secunda*, *Antennaria dioica*.

Первый подъярус слагается из *Brachypodium pinnatum*, сор₂; *Dactylis glomerata*, сор₁; *Phleum pratense*, сор₁; *Bupleurum aureum*, сор₁; *Ranunculus acris*, sp; *Heracleum dissectum*, sol высотой 1 м.

Второй подъярус слагается из: *Phlomis tuberosa*, сор₁; *Leucanthemum vulgare*, сор₁; *Achillea millefolium*, сор₁; *Carex macroura*, sp, *Crepis sibirica*, sp высотой около 50 см.

Третий подъярус слагается из *Plantago media*, сор₁; *Trifolium repens*, сор₁; *Fragaria viridis*, sp; *Veronica spicata*, sp; *Rubus saxatilis*, sp; *Antennaria dioica*, sp высотой около 20 см.

Содержание сорных растений 40 – 50 %.

Участок № 4. Сосновая снытьево-разнотравная ассоциация. Эта ассоциация занимает склон юго-востока Рудничного соснового бора.

Лиственнично-сосновые насаждения 1:1.

Ассоциация со снытьево-разнотравным покровом занимает склон с темно-серыми и луговыми оподзоленными почвами. Деревья сосны при среднем диаметре 50 – 60 см имеют высоту 17 – 20 метров, возраст 30 – 40 лет.

Деревья лиственницы (*Larix sibirica*) при диаметре стволов 40 – 60 см имеют высоту 20 – 23 метра, возраст такой же, как и сосны. Возобновление сосны в посадке, сосны высотой до 15 метров, 30-летнего возраста.

Подлесок представлен немногочисленными видами: *Sambucus sibirica*, sol; *Padus avium*, sp; *Caragana arborescens*, сор₁; самосевом воспроизводится *Acer negundo*, сор₁. Высота подлеска колеблется от 1,5 до 6 метров.

Под пологом посадки сосны формируется низкотравье. Низкотравье не богато видами и представлено лугово-лесным разнотравьем: *Aegopodium podagraria*, сор₂; *Leucanthemum vulgare*, sp; *Trifolium repens*, сор₁; *Crepis sibirica*, сор₁ и других видов. Отмечено расселение сорных видов: *Urtica dioica* сор₁; *Taraxacum officinale*, sp; *Sonchus arvensis*, сор₁; *Arctium tomentosum*, sp высотой около 50 см.

В этой ассоциации представлено и лесное крупнотравье. Первый подъярус занимают доминанты крупнотравья высотой около 1,2 метра: *Cirsium heterophyllum*, sp; *Sanguisorba officinalis*, сор₁; *Anthriscus sylvestris*, сор₁; *Bupleurum aureum*, sp₁.

Второй подъярус слагают: *Aegopodium podagraria*, сор₂; *Urtica dioica*, сор₁; *Carduus crispus*, сор₁; *Arctium tomentosum*, sp высотой 60 – 70 см.

Третий подъярус слагают: *Achillea millefolium*, sp; *Taraxacum officinale*, sp; *Plantago major*, сор; *Trifolium pratense*, sp высотой 20 см.

Содержание сорных растений – 40 – 50 %.

Участок № 5. Сосновая борцово-хвощевая ассоциация. Эта ассоциация занимает ровную поверхность юго-запада территории Рудничного соснового бора.

Почвы богатые, темно-серые лесные, а также лугово-болотные и подстилаемые глинами и суглинками.

Древесный ярус слагается сосной, единично березой и осиной (*Populus tremula*). Высота деревьев 20 – 23 м, при диаметре стволов до 80 см. В посадке сосны, высота деревьев 15 – 20 м при диаметре стволов 40 – 60 см, возраст 30 – 40 лет. Полнота насаждений варьирует: 0,4 – 0,6 баллов.

Встречаются отдельные пятна зеленых мхов *Pleurozium schreberi*, *Dicranum polysetum*.

Подлесок составляют: *Sorbus sibirica*, sp; *Padus avium*, сор₁, *Salix caprea*, sp; *Acer negundo*, sp; *Sambucus sibirica*, sp; *Crataegus sanguinea*, sp; *Cotoneaster melanocarpus*, sp; *Caragana arborescens*, sp высотой от 1 до 5 метров. В большом количестве встречаются *Rubus idaeus*, сор₁.

Травяной покров этой ассоциации флористически богат. В первом подъярусе *Aconitum septentrionale*, сор₁; *Thalictrum minus*, сор₁; *Anthriscus syl-*

vestris, сор₁; *Urtica dioica*, сор₁; *Artemisia vulgaris*, сор₁; *Sonchus arvensis*, сор высотой 70 – 90 см.

Во втором подъярусе господствуют: *Galium boreale*, сор; *Chelidonium majus*, сор; *Equisetum sylvaticum*, сор₂ высотой 30 – 40 см.

Нижний подъярус составляют: *Tussilago farfara*, сор; *Plantago major*, сор₁; *Arctium tomentosum*, сор высотой 20 см.

Содержание сорных растений – 20 – 30 %.

Участок № 6. Сосновая крапивно-снытьевая ассоциация. Эта ассоциация занимает центральную часть Рудничного бора с темно-серой лесной почвой.

Древесный ярус слагает сосна высотой 20 – 25 м при диаметре стволов 50 – 60 см, возраст 50 – 60 лет. Посадка сосны высотой 15 – 20 м, возраст 20 – 30 лет. Полнота насаждений 0,5 – 0,7 баллов.

Подлесок изрежен, представлен единичными кустами *Sambucus sibirica*, сор; *Padus avium*, сор; *Rosa majalis*, сор; *Ribes nigrum*, сор. Кустарниковые синузии представлены *Rubus idaeus*, сор₂; *Ribes spicatum*, сор₂, проективное покрытие 60 – 70 %. Высота подлеска колеблется от 1 до 6 м.

Травяной покров характеризуется пестрым составом жизненных форм. Первый подъярус образован лугово-лесным крупнотравьем, которое в этом фитоценозе представлено: *Urtica dioica*, сор₁; *Aegopodium podagraria*, сор₂; *Aconitum septentrionale*, сор; *Bupleurum aureum*, сор; *Thalictrum simplex*, сор высотой до 1,2 м.

Во второй подъярус входят: *Chelidonium majus*, сор; *Stellaria palustris*, сор; *Hypericum perforatum*, сор высотой около 70 см.

Нижний подъярус слагают: *Stellaria bungeana*, сор₁; *Plantago major*, сор₁; *Arctium tomentosum*, сор высотой около 30 см.

Содержание сорных растений – 30 – 40 %.

Участок № 7. Лиственнично-сосновая крапивно-разнотравная ассоциация. Окраина северной стороны территории бора.

Почвенно-химической лабораторией произведены исследования почвы на этом участке соснового бора. Почва темно-серая оподзоленная, тяжелосуглинистая.

Почвенный разрез: 145 м от развилки дороги на юго-восток (табл. 2).

Таблица 2

Почвенный разрез 2

	Характеристика горизонта	Глубина взятия образца (см)
A ₁ 0-18	темно-серый, свежий, уплотненный слабо, комковато-зернистый, тяжело-суглинистый, переход постепенный	5-15
A ₁ , A ₂ 18-43	более светлый от кремнеземистой присыпки (SiO ₂), уплотненный, комковатый, ореховатый, переход ясный	25-35
B ₁ 43-75	грязно-бурый, плотный, увлажнен, ореховатый, глинистый, переход заметный	55-65
B ₂ 75-149	комковато-ореховатый, охристый, влажный, плотный, глинистый с присыпкой песка, гальки, глинистый	100-120

Геоморфология: увалисто-рассеченная равнина.

Макро- и мезорельеф: нижняя часть увала.

Микрорельеф: слабо покатый.

Древесный ярус слагают лиственнично-сосновые насаждения 1:1, доминирует сосна, посадки кедра (*Pinus sibirica*), ели (*Picea obovata*), лиственницы (*Larix sibirica*).

Высота сосны 20 м при диаметре стволов 40 – 50 см, возраст 40 – 60 лет. Высота лиственницы 25 м при диаметре стволов 40 см, возраст 40 лет.

Посадка ели с рябиной (*Sorbus sibirica*) вдоль аллеи, высотой около 2 м, возраст 6 – 8 лет. Посадка кедра высотой 1,5 м, возраст 6 – 8 лет.

Подлесок представлен: *Sorbus sibirica*, сор; *Padus avium*, сор₁; *Sambucus sibirica*, сор; *Salix caprea*, сор; *Rosa acicularis*, сор; *Rosa majalis*, сор; *Rubus idaeus*, сор₁ высотой от 1 до 5 метров.

Травостой представлен лесолуговым разнотравьем, в первом подъярусе *Urtica dioica*, сор₁; *Dactylis glomerata*, сор₁; *Thalictrum minus*, сор; *Aconitum septentrionale*, сор высотой около 80 см.

Во втором подъярусе *Crepis sibirica*, сор₁; *Achillea millefolium*, сор; *Leucanthemum vulgare*, сор высотой около 60 см.

Нижний подъярус слагают: *Trifolium repens*, сор₁; *Plantago media*, сор₁; *Taraxacum officinale*, сор₂; *Tussilago farfara*, сор высотой около 20 см.

Содержание сорных растений – 40 – 50 %.

Участок № 8. Сосновая борцово-крапивно-злаковая ассоциация. Эта ассоциация расположена на окраине южной стороны Рудничного бора, занимает пологий склон с темно-серыми и луговыми оподзоленными почвами.

Древесный ярус слагает сосна высотой 20 – 25 м при диаметре стволов 50 – 60 см, возраст 40 – 60 лет.

Возобновление сосны замедленное, сосна при высоте 10 м имеет возраст 20 – 30 лет. Полнота насаждений 0,4 – 0,6 баллов.

Подлесок изрежен, представлен *Crataegus sanguinea*, сор; *Padus avium*, сор; *Ribes spicatum*, сор; *Cotoneaster melanocarpus*, сор. *Rubus idaeus*, сор₁ и *Caragana arborescens*, сор₁ образуют заросли. Высота подлеска варьирует от 80 см до 5 м.

Травостой флористически богат. В первый подъярус входят: *Dactylis glomerata*, сор₂; *Aconitum septentrionale*, сор₁; *Urtica dioica*, сор₁; *Thalictrum simplex* сор; *Sanguisorba officinalis*, сор высотой до 1,5 м.

Второй подъярус слагают: *Hypericum perforatum*, сор₁; *Aegopodium podagraria*, сор₁; *Chelidonium majus*, сор₁; *Pteridium aquilinum*, сор₁ высотой около 60 см.

В третий подъярус входят: *Arctium tomentosum*, сор₁; *Plantago major*, сор₁; *Melandrium album*, сор₁; *Rubus saxatilis*, сор₁ высотой 20 см.

Отмечено расселение *Taraxacum officinale*, сор₁; *Achillea millefolium*, сор₁.

Содержание сорных растений 30 – 40 %.

Участок № 9. Сосновая хвоево-разнотравная ассоциация. Эта ассоциация расположена в центральной части территории бора, на серых и дерновых сильно оподзоленных почвах.

Древесный ярус слагает сосна высотой 25 – 30 м при диаметре стволов 70 см, возраст около 80 лет. Возобновление естественное, сосна высотой 2 метра, возраст 8 – 10 лет. Полнота насаждений 0,4 – 0,5 баллов.

Подлесок представлен *Padus avium*, сор₁; *Sorbus sibirica*, сор₁; *Sambucus sibirica*, сор₁; *Crataegus sanguinea*, сор₁; *Ribes spicatum*, сор₁ высотой от 1 до 6 метров. *Rubus idaeus*, сор₁ и *Rosa majalis*, сор₁ образуют заросли.

Травостой густой – 70 – 90 %. Первый подъярус слагают: *Anthriscus sylvestris*, сор₁; *Hypericum perforatum*, сор₁; *Ranunculus acris*, сор₁; *Conium maculatum*, сор₁ высотой около 80 см.

Второй подъярус слагает доминант травостой *Equisetum sylvaticum*, сор₂; *Geranium sylvaticum*, сор₁; *Vicia sepium*, сор₁; *Capsella bursa pastoris*, сор₁ высотой около 40 см.

Нижний подъярус слагают: *Plantago major*, сор₁; *Trifolium pratense*, сор₁; *Pulmonaria mollis*, сор₁ высотой 20 см.

Содержание сорных растений – 15 – 20 %.

Участок № 10. Сосновая крапивно-злаковая ассоциация. Эта ассоциация занимает окраину юго-запада соснового бора. Почвы светло-серые, луговые, сильно оподзоленные, тяжелосуглинистые.

Древесный ярус слагают сосна и единично береза. Сосна при диаметре стволов 40 – 50 см имеет высоту 15 – 18 м. Возраст сосны 40 – 50 лет. Возобновительные процессы протекают замедленно, сосны высотой 1,5 метра имеют возраст 10 – 15 лет. Полнота насаждений 0,4 – 0,6 баллов.

Подлесок представлен разнообразно: *Crataegus sanguinea*, сор₁; *Salix caprea*, сор₁; *Acer negundo*, сор₁; *Ulmus laevis*, сор₁; *Padus avium*, сор₁ высотой от 90 см до 5 метров. *Rubus idaeus*, сор₂; *Rosa acicularis*, сор₁; *Cara-gana arborescens*, сор₁ образуют заросли.

Травостой густой, местами с задернованностью 60 – 80 %. Первый подъярус слагают: *Urtica dioica*, сор₁; *Chelidonium majus*, сор₁; *Dactylis glomerata*, сор₁; *Solanum kitagawae*, сор₁; *Melilotus albus*, сор₁; *Melilotus officinalis*, сор₁; *Chamerion angustifolium*, сор₁ высотой до 1,5 м.

Во второй подъярус входят: *Pteridium aquilinum*, сор₁; *Vicia cracca*, сор₁; *Geranium sylvaticum*, сор₁; *Leonurus tatarica*, сор₁; *Potentilla argentea*, сор₁; *Ori-ganum vulgare*, сор₁ высотой 60 см.

Нижний подъярус слагают: *Glechoma hederacea*, сор₂; *Prunella vulgaris*, сор₁; *Plantago major*, сор₁; *Arctium tomentosum*, сор₁; *Achillea millefolium*, сор₁;

Matricaria perforata, сор₁; *Taraxacum officinale*, сор₁; *Lappula squarrosa*, сор₁ высотой около 30 см.

Содержание сорных растений – 40 – 50 %.

Участок № 11. Березово-сосновая крапивно-снытьевая ассоциация. Эта ассоциация расположена на окраине северо-запада территории бора. Занимает склон со светло-серыми лесными и луговыми оподзоленными почвами.

Древесный ярус слагают сосна и береза, а также тополь (*Populus nigra*) и осина (*Populus tremula*). По мере удаления в глубь территории примесь березы становится незначительной. Высота березы 20 – 25 м при диаметре стволов 50 см. Высота сосны 25 м при диаметре стволов 40 – 50 см. Возраст березы и сосны 50 – 60 лет. Тополь высотой около 30 м при диаметре стволов 40 – 50 см, возраст такой же. Незначительная примесь *Populus tremula* по берегам речки Журавушка. Сомкнутость насаждений 0,4 – 0,7 баллов.

Подрост сложного состава с преобладанием лиственных пород. Береза высотой 6 м имеет возраст 20 – 25 лет, сосна высотой 2 – 3 м, возраст 10 – 15 лет.

Подлесок изрежен, образован *Padus avium*, сор₁; *Crataegus sanguinea*, сор₁; *Sambucus sibirica*, сор₁; *Ulmus laevis*, сор₁; *Salix caprea*, сор₁; *Acer negundo*, сор₁; *Rubus idaeus*, сор₁ и *Rosa majalis*, сор₁ образуют заросли.

Высота подлеска колеблется от 1 до 6 м.

Встречаются отдельные пятна зеленых мхов *Pleurozium schreberi*, *Dicranum polysetum*.

Травяной покров представлен лугово-лесным крупнотравьем, средняя высота 60 см. Первый подъярус слагают: *Urtica dioica*, сор₁; *Aegopodium podagraria*, сор₁; *Anthriscus sylvestris*, сор₁; *Lathyrus pratensis*, сор₁; *Dactylis glomerata*, сор₁; *Bunias orientalis*, сор₁ высотой около 80 см.

Второй подъярус слагают: *Lepidium rudera-le*, сор₁; *Galium boreale*, сор₁; *Vicia cracca*, сор₁; *Lathyrus sylvestris*, сор₁; *Melilotus officinalis*, сор₁; *Erysimum cheiranthoides*, сор₁; *Delphinium elatum*, сор₁; *Turritis glabra*, сор₁ высотой 30 – 50 см.

Нижний подъярус слагают *Linaria vulgaris*, сор₁; *Plantago major*, сор₁; *Taraxacum officinale*, сор₁ высотой 30 см.

Содержание сорных растений – 40 – 50 %.

Участок № 12. Сосновая борцово-крапивно-злаковая ассоциация. Эта ассоциация занимает западную часть территории бора с темно-серой почвой. Преобладает сосна возрастом 60 лет, высотой 20 метров, при диаметре стволов 30 – 40 см. Посадка *Picea obovata* высотой до 2 метров, 25 экземпляров.

Возобновление замедленное, сосны высотой 1,5 – 2 м имеют возраст 15 – 20 лет.

Подлесок изрежен, представлен: *Padus avium*, сор₁; *Sambucus sibirica*, сор₁; *Crataegus sanguinea*, сор₁; *Sorbus sibirica*, сор₁; *Salix caprea*, сор₁; *Rubus idaeus*, сор₁; *Ribes spicatum*, сор₁; *Rosa majalis*, сор₁ высотой от 80 см до 5 метров.

Травяной покров подразделяется на подъярусы. В первом подъярусе: *Aconitum septentrionale*, сор₁; *Urtica dioica*, сор₁; *Anthriscus sylvestris*, сор₁;

Chelidonium majus, sp; *Hypericum perforatum*, sp; *Delphinium elatum*, sp высотой 80 – 100 см.

Второй подъярус слагают: *Carum carvi*, sp; *Equisetum arvense*, сор₁; *Thalictrum minus*, sp; *Ranunculus acris*, sp; *Geranium sylvaticum*, sp; *Pulmonaria mollis*, sp; *Myosotis krylovii*, sp; *Scutellaria galericulata*, sp высотой 50 см.

Нижний подъярус слагают: *Lappula squarrosa*, sp; *Prunella vulgaris*, sp; *Arctium tomentosum*, sp; *Plantago major*, сор₁; *Trifolium pratense*, сор₁ высотой 15 – 30 см.

Содержание сорных растений – 30 – 40 %.

Рекреационное использование, как и другие виды пользования, протекает не без ущерба для леса. При интенсивном посещении отдыхающими ухудшаются условия жизни растений. Ослабляются их санитарно-гигиенические функции, уменьшается эстетичность, понижается устойчивость насаждений, постепенно происходит деградация древостоя.

Изучение закономерностей использования лесов для отдыха с учетом перспектив экономического и социального развития позволит прогнозировать рост потребностей в лесных рекреационных угодьях, а также резервировать лесные массивы для будущего. Емкость рекреационных ландшафтов, как и всякая другая норма природопользования, относится к группе хозяйственно-организационной, и для рационального использования рекреационных лесов она имеет большое значение. Для парков – от 30 – 150, для лесопарков – 9 – 20, для лесов – от 1 до 10 чел./га (2). Оптимальная средняя рекреационная нагрузка в разнотравных сосновых лесах составляет 6 чел./га.

В лесостепной зоне на лучших по продуктивности участках разнотравной группы сосновых лесов допустимые нагрузки при рекреационной деятельности может составлять 10 чел/га в день при условии равномерности посещений леса в течение весенне-летнего сезона отдыха (до 5 дней в неделю не более 80 – 100 дней за сезон), допустимая норма в лесу в одно посещение не более 5 – 6 часов.

Выводы

1. В растительном покрове Рудничного соснового бора выделено 12 ассоциаций, из них 8 относится к формации сосновых лесов, 3 – к формации березово-сосновых лесов и одна – к формации лиственнично-сосновых лесов.

2. Степень антропогенного влияния на фитоценозы определена по одному критерию – процентному содержанию сорных растений в ассоциации.

Наиболее нарушенными фитоценозами являются 9:

– сосновая крапивно-злаковая ассоциация;

- сосновая борцово-крапивно-злаковая ассоциация;
- сосновая борцово-крапивная;
- березово-сосновая крапивно-снытьевая;
- сосновая крапивно-снытьевая;
- лиственнично-сосновая крапивно-разнотравная;
- березово-сосновая разнотравно-коротконожковая;
- сосновая хвощево-разнотравная;
- сосновая снытьево-разнотравная.

В этих ассоциациях сорные растения составляют от 30 до 60 % общего числа видов.

Наименее нарушенными фитоценозами являются 3:

- березово-сосновая разнотравно-орляковая ассоциация;
- сосновая разнотравно-снытьево-орляковая;
- сосновая борцово-хвощевая.

В них сорные растения составляют от 10 до 30 % от общего обилия видов.

3. Доминантными видами в травяном покрове ассоциаций соснового бора являются: *Pteridium aquilinum*, *Aegopodium podagraria*, *Brachypodium pinnatum*, *Aconitum septentrionale*, *Equisetum sylvaticum*, *Urtica dioica*, *Dactylis glomerata*. В подлеске доминантными видами являются: *Padus avium*, *Sorbus sibirica*, *Crataegus sanguinea*, *Sambucus sibirica*, *Rosa majalis*, *Rubus idaeus*, *Ribes spicatum*.

4. Процесс естественного возобновления в сосновых лесах является важным показателем их биологического состояния. В Рудничном сосновом бору возобновление сосны в ассоциациях составляет от 2 до 5 экземпляров на кв. м. – удовлетворительное, из чего следует, что сосновый бор может восстановиться естественным путем, если не повышать рекреационную нагрузку и внедрять специальные природоохранные мероприятия.

5. Регулируемая рекреационная деятельность в лесостепной зоне на лучших по продуктивности участках разнотравной группы сосновых лесов допускает нагрузку 10 чел./га в день при условии равномерности посещений леса. В течение весенне-летнего сезона отдыха нагрузка возрастает до 5 дней в неделю, однако следует допускать нагрузку не более 80 – 100 дней за сезон, с пребыванием в лесу в одно посещение не более 5 – 6 часов. Оптимальная средняя рекреационная нагрузка в разнотравных сосновых лесах составляет 6 чел./га.

Литература

1. Ильина, И. С. Растительный покров Западно-Сибирской равнины / И. С. Ильина, Е. И. Лапшина, Н. Н. Лавренко. – Новосибирск, 1985. – 104 с.
2. Казанская, Н. С. В рекреационных лесах / Н. С. Казанская, В. В. Ланина. – М., 1977. – 96 с.

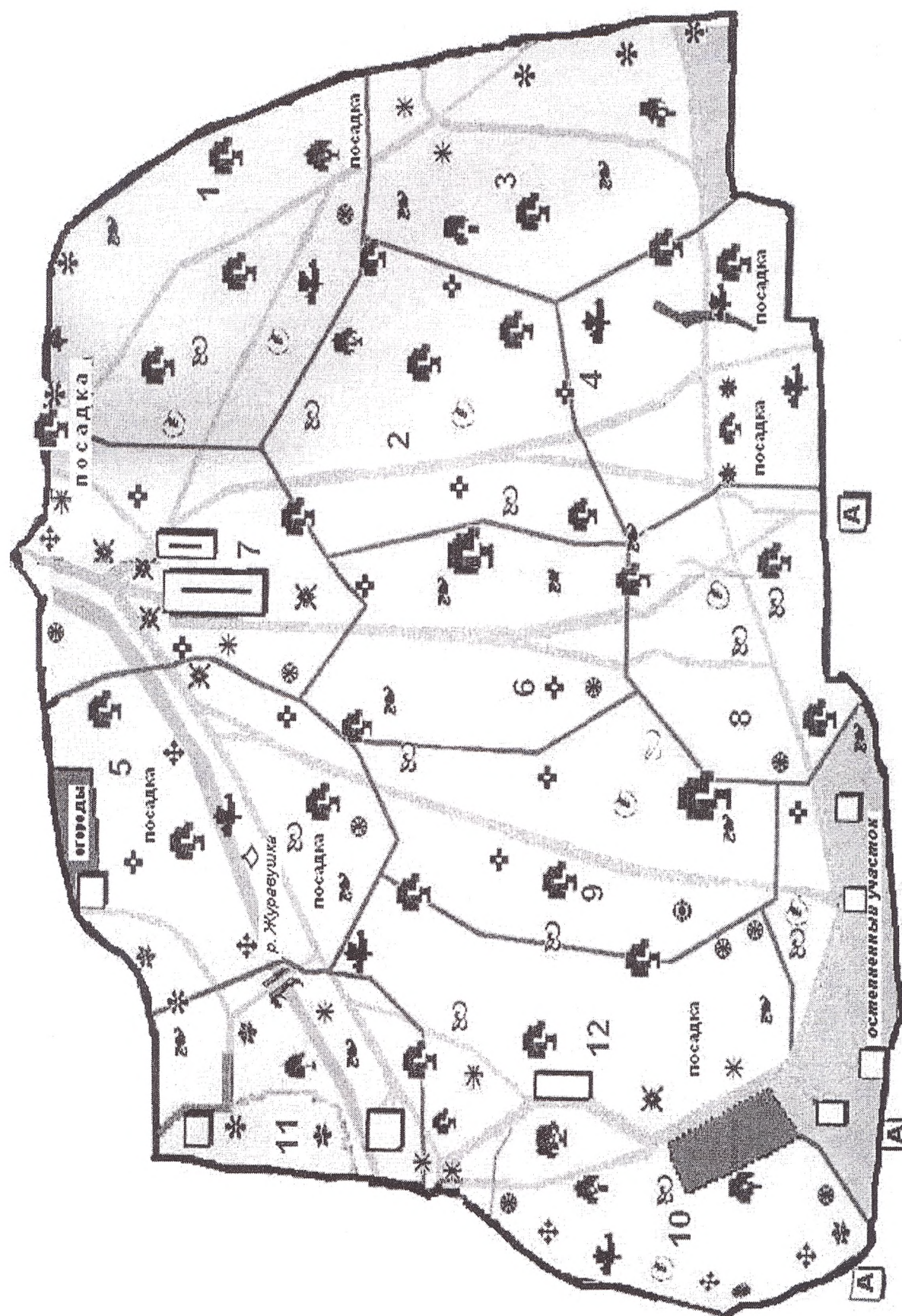

Рис. 1. Карта Рудничного соснового бора г. Кемерово

ИСТОРИЯ

УДК [7.042:598.2](571.5)

ОБРАЗ ПТИЦЫ В ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

(по данным археологии и этнографии)

В. Ю. Чигаева

Птица – один из наиболее популярных образов мировой культуры. Ещё с древнейших времён человек, обладая образным мышлением и мифологическим сознанием, постоянно обращался к различным образам окружающего его объективного мира. Это нашло своё выражение в наскальном искусстве, изобразительном и устном творчестве, обрядовой практике. В большинстве случаев обращение к образу птицы в обрядовой практике связано с такими древними религиозными направлениями, как шаманизм и тотемизм, сведения о которых дошли до нас через этнографические материалы, но иногда и наскальное искусство проливает свет на эту сферу человеческой деятельности и роль птиц в ней.

Мифы, поверья и обряды, посвящённые животному миру, а также эпос, в котором фигурирует образ птицы, начали складываться у людей на ранней истории человеческого общества и прослеживаются на всех этапах эволюции мифологического сознания и религиозных верований, претерпевая при этом значительные изменения.

Согласно данным археологии, в наскальном искусстве Северной Азии образ птицы появляется с эпохи неолита (Томская и Новоромановская писаницы и др.), а среди предметов материальной культуры, в мелкой пластике, фигурки водоплавающих птиц встречаются уже с палеолита (стоянки – Мальта, Буреть и др.), что свидетельствует о почитании священных птиц народами Северной Азии как помощников шаманов или посредников человека с другими мирами (40, с. 34, 36) со времени появления самого человека и на протяжении всей его истории до наших дней. Пережитки шаманизма и тотемизма присущи традиционной культуре североазиатских этносов и по сей день.

Птица – общечеловеческий символ неба и солнца. В представлениях североазиатских народов птица также являлась и воплощением души, и переносчиком душ в загробный мир (20). Это обстоятельство нашло своё выражение в сюжетах наскального искусства Южной Сибири (Алтай – Гачурт). Основное значение таких композиций заключалось в передаче обрядовых действий, связанных с идеей реинкарнации, «перехода» душ жертвенных животных как необходимого условия существования кочевников и душ умерших людей в загробный мир (34, с. 205). По определению Бернштама, – это наскальные композиции культово-генеалогического цикла (6). Кроме того, этот сюжет можно рассматривать и как своеобразную демонстрацию обряда

захоронения и отражение представлений о загробной жизни.

В наскальном искусстве различные духи и души умерших были представлены в виде птиц, не имеющих характерных видо-родовых признаков. Свидетельством тому являются изображения птицы-стрелы и птицы-креста на писаницах Северной Азии. С одной стороны, у алтайцев и якутов крест воспринимался как символ птицеподобной души шамана (19, с. 15; 26, с. 39), с другой – прямой крест среднеленских (якутских) писаниц мог изображать летящую птицу, иногда солнце (жар-птицу). В то же время у якутов существовали представления и о воплощении души противника в птицу и охоте за ней с помощью шамана. При этом оружие иногда перед боем смазывалось кровью птицы (13, с. 107), вероятно, в знак частичной и грядущей окончательной победы над врагом.

Крест с крючкообразно загнутыми в одну сторону концами монголы и буряты называют словом «хас», то есть по-тюркски «гусь», «птица». Этот крест считался у них символом благополучия и счастья, означал «благоположение – милость неба» (24). Помимо всего прочего, крест является олицетворением пространства между землей и небом. Этот знак был космограммой, сакрализовавшей различные предметы и ситуации, в которых они функционировали. Знак символизировал власть царя-бога над космосом (1, с. 156). Это в который раз подтверждает мысль о наделении птиц божественной сущностью и обожевления их.

Образ птицы, переданный в виде креста, также являлся на протяжении веков оберегом от сил зла и тьмы, залогом счастья и благоденствия общины. Вероятно, с этим связаны многочисленные птицевидные кресты на писаницах североазиатского региона (23, с. 128). Нанесение крестообразных изображений было своего рода обрядом защиты от зла.

В обрядовой практике народов Северной Азии фигурируют и птицы, обладающие различной видо-родовой принадлежностью: орёл, коршун, филин, глухарь, гусь, сойка и др. В зависимости от ситуации, в которой так или иначе задействованы эти птицы и всё, что с ними связано, семантика образов варьируется.

Например, гром и молния, буря и ветер представлялись древним жителям Северной Азии в образе орла. Другие хищные птицы – коршун, ястреб, копчик – также принимались у разных народов для символического обозначения ветров и вихрей.

Отсюда возникло общее верование, что хищные птицы криком своим вызывают бурю (5, с. 148). Возможно, этим и объясняется наличие среди многих народов практики гадания по крику и полёту птиц (5, с. 151).

Орёл (беркут) не только являлся символом стихии и живой природы у народов Северной Азии. Например, беркут был одним из кызыльских тотемов. Кызыльцы, найдя раненого или больного беркута, должны были кормить его. У них записана легенда об охотнике, который кормил беркута, пока тот не поправился. Впоследствии беркут стал помогать спасителю в промысле. Как известно, человек, нашедший раненого или обессилившего тотема, был обязан проявить о нём заботу как о родственнике (23, с. 55). Это тоже своего рода обряд умиловости природы.

Учёный-орнитолог В. Плотников отметил, что у соседей североазиатов, киргизов и казахов, прилёт орла сопровождался древним обрядом жертвоприношения, смысл которого заключался в испрашивании у орла-божества всяческого плодородия и плодovitости на время до отлёта птицы в тёплые края на зиму. Очевидно, что культ орла как «возрождителя» природы и вестника нового плодородного сезона тесно переплетался с пережитками тотемистических представлений, в частности, о запрещении убийства орла вблизи гнезда. В факте зарывания гнезда орла, находящегося под угрозой разрушения, в землю видна та же магия плодородия (гнездо – символ плодородия) (38, с. 27). Эти обряды «испрашивания плодородия» у птицы-тотема нашли выражение и в наскальном искусстве, в частности, Забайкалья (39).

Важные данные о связи изображений хищной птицы, орла, на писаницах с этнографическими фактами обнаружены и в материалах по старинной культуре бурят и монголов (орёл – тотем). У якутов каждый род имел своего покровителя, в числе которых встречается и орёл. Орла считали тотемом якуты степной части, якуты-хоринцы. В их культуре орёл носит название «айыы», буквально – «творец», «творящий». Как творец он иногда является предком, родоначальником того или иного конкретного рода (у кангаласских родов – орёл и ворон, у намских – лебедь и ворон) (2, с. 140). С этими представлениями связана традиция вешать в юрте когти этой птицы (38, с. 44). Также в исследуемом нами регионе, на Енисее, существует культ орла, согласно которому орёл выступает как символ бессмертия (43, с. 170). У тувинцев-тоджинцев (Сумон Ак), как и у хакасов-качинцев, одним из тотемов тоже был орёл.

Значение образа орла в алтайском шаманстве разъясняется материалами по телеутскому шаманству, где орла называют «Ульгень-кужу-бай моркут» – Ульгень птица, большой беркут, то есть птица хозяина неба. Орёл – непременный спутник и помощник шамана (23, с. 117). В шаманских призываниях алтайцев беркут – помощник шамана описывается таким же, как на писаницах, с луновидными крыльями: «С луновидными крыльями, чёрный мой

беркут...» (4, с. 46 – 49). Шаманы называли орла (беркута) Суйла-ханом и считали духом, помогающим доставлять жертву на небо или в подземный мир. Причём представляли беркута с конскими глазами, подобными солнцу или луне (31, с. 107). В алтайском эпосе образ птицы Кан-Кереде-кус, свившей гнездо на вершине дерева, является не чем иным, как поздним наслоением на шаманский культ орла (35, с. 64).

По верованиям якутов, на девятом небе обитает Айы-тойон – господин света, создатель мира и людей. Он вырастил священное дерево, на ветвях которого живут светлые духи – дети Айы-тойона, прекрасные орлы. Сам Айы-тойон тоже орёл, только двуглавый. Его изображение обязательно украшает одежду и бубен каждого шамана. У эвенков же двуглавый орёл носит имя Уксуки. Он так огромен, что в полёте затмевает солнце, а когда садится, обхватывает когтистыми лапами вершины семи деревьев (21, с. 42). Орёл у якутов также является родоначальником и творцом шаманов, первоучителем колдовства, призывания духов и врачевания (23, с. 120). Образ же двуглавого орла запечатлён и в наскальном искусстве Северной Азии («Архара» – Приамурье).

В своей работе «Культ орла у сибирских народов» Штернберг выделил семь основных черт, присущих культу орла у народов мира и у североазиатских народов в частности:

- 1) орёл – хозяин и повелитель Солнца;
- 2) орёл – хозяин огня;
- 3) орёл – возродитель природы, а также бог плодородия и плодovitости;
- 4) орёл – творец всего сущего;
- 5) орёл – типичный тотем;
- 6) орёл – родоначальник и творец шаманов;
- 7) связь орла с так называемым мировым или шаманским деревом (38, с. 23).

Другим тотемом народов Северной Азии был ворон. Поедание вороном падали делало его посредником между жизнью и смертью. Возможно, с этим связано то, что у якутов-тойонов по углам могилы вбивали шесты, с насаженными на них деревянными изображениями птиц, которые назывались ёлюю суора-тураага («вороны – вороны смерти»). Они якобы сопровождали душу покойника в иной мир (2).

У якутов, наряду с тем, что ворон был тотемом (у намских родов), в то же время прослеживается устойчивая неприязнь к нему как к птице, связанной с «нечистой» силой. Якуты верили, что ворон живет 300 лет и обладает даром предвидения, знает судьбу людей. Они боялись встреч с этой птицей. Если ворон встретится на дороге или полетит к юрте, и будет каркать, то обязательно должно случиться какое-нибудь несчастье (2, с. 99). Однако семантика этого образа не однозначна. Например, хакасы-качинцы, также наделяющие некоторых птиц сверхъестественными свойствами, считали, что желчь ворона – ценное лекарство при ожогах, ранах и других болезнях. Хакасы не трога-

ли жилые гнезда воронов: верили, что ворон может наслать на человека страшное проклятье (2, с. 100).

Мифо-ритуальная практика Саяно-Алтая, ориентированная на поддержание связи с верховными патронами, доносит до нас сохранённую сквозь века атрибутику их внешнего облика через наконечники украшений. Среди женских наконечников украшений у обских угров бытовали, в частности, металлические изображения птиц (ворона, ястреба, тетерева), за которыми закрепилось название «существа вершины кос». Изображения эти клали после смерти женщине за пазуху, что свидетельствует о значении, которое придавали литым фигуркам. Возможно, эти изображения как-то соотносились с концепцией круговорота жизни, так как грудь, пазуха и подмышки в мифологической анатомии недвусмысленно связаны с представлениями о сакральном рожающем верхе, свободном от «скверны» физиологического низа (36, с. 56).

В мифологических представлениях многих народов ворон выступает посредником между небом и землей и загробным нижним миром. Эта функция медиатора определена тем, что, как всякая птица, он связан с небом, как птица, копающаяся в поисках пищи в земле, – связан с землей, и птица, поедающая трупы, – связан с подземным царством. Эта связь с тремя мирами делает его могучим помощником шамана (17, с. 87), что, в свою очередь, нашло выражение и в наскальном искусстве. Например, на писаницах Амурской области (Средняя Нюкжа), в Бурятии (Шишкино) ворон изображен рядом с шаманом.

Культовый ворон имел большое распространение и среди тувинцев. Считалось, что через него шаман общался со своими духами-помощниками. Ворон считался гонцом, помощником шамана. Считалось, что убивший чёрного ворона, непременно заболит и умрёт (18, с. 42, 66).

С культом гусыни (гуся) у обских угров и алтайцев связаны представления о всемогущей богине Калташ-Эква (I тыс. до н. э.). Этот культ развивался на основе почитания добрых лесных духов, которым местные жители периодически делали подношения. Богиня Калташ имела несколько ипостасей, например гусыня (29, с. 40). В образе гуся мог пребывать и ее сын Мир-Сусне-Хум («золотой гусь» или «гусь-богатырь»). К тому же, гусь служил ездовым животным шамана на пути к Ульгеню и Эрлику. Этот сюжет, на наш взгляд, запечатлён на писанице Саган-Заба на оз. Байкал. Наконец, считается, что алтайские шаманы во время сожжения превращались в гусей (11, с. 339).

Практическое воплощение обожествления гуся в Западной Сибири получило в создании гусеподобных идолов раннего железного века и средневековья. По сведениям Б. О. Долгих, жители оз. Есей (маяты) наконечники своих стрел и копий часто делали из клюва гагары. Гагара была же и тотемом сумона Кол у тувинцев-тоджинцев (2).

Образ утки встречается в ненецком шаманизме. Утка является одним из помощников ненца-

ких шаманов, к которым он обращается, призывая духов во время камлания. Эта близость шамана и утки в одном из таёжных якутских сказаний выразилась в следующей фразе: «Маяты (вражеское племя) хотели застрелить шамана Оленека как утку» (13, с. 100-101).

Лебедь также входил в число тотемных птиц якутских родов (кангаласцев) (2, с. 112). У телеутов и хакасов лебедя (убитого) приносили в дар при сватовстве. Подобный обычай дарить убитого лебедя при сватании невесты был и у тувинцев (род – хуу, что значит «лебедь»). Пришедший с лебедем, отказа не получал, настолько сильна была традиция, связанная с верой в лебедя как предка и покровителя рода. Тем не менее у одной из групп хакасов-качинцев гнездо и яйцо лебедя (и турпана) были неприкосновенны (2, с. 103).

У тувинцев-тоджинцев, согласно обряду дарения убитого лебедя, на крылья птицы надевали чегедек, украшали его бусами, серьгами и т. п. и ехали дарить его в другой сумон. Взамен лебедя просили невесту или оленя, или что-нибудь другое, в чём особенно нуждались в это время. Последнее было, может быть, своеобразным откупом от неугодного сватовства.

Тотемистический характер представлений о лебедях и их связь с материнским родом проявляется и у современных селькупов, кетов, у бурят и якутов, то есть у ряда племен и народностей, связанных с проживанием в прошлом или настоящем на Саяно-Алтайском нагорье (2, с. 150). В связи с этим существуют различные предания. Например, в алтайском варианте предания о Шуну, его отец женился на лебедях. У бурят существовало предание о происхождении родов хорят и шарят от брака шамана с девушкой-лебедью. Эти роды считали лебедя своим предком. Якуты также связывали происхождение одного из своих родов с лебедем, а у киргизов даже записана легенда, согласно которой пра-родителями киргизского народа были мальчик и сорок белых лебедей-девиц (44, с. 142).

Практическим подтверждением существования культа водоплавающих птиц служат предметы с их изображением или сами фигурки птиц из камня или кости, найденные в захоронениях. Они, по всей видимости, использовались в ритуалах и имели сакральное значение (42, с. 106 – 107).

В обрядовой практике североазиатских этносов фигурируют и другие виды птиц.

Например, пух дятла у якутов был одним из атрибутов жертвы духу тёмного леса (2), а в якутских хосунных сказаниях, где главный герой Юнгкээбил (Лена) (или Юрэн (Енисей)) мстит за брата, вероломно убитого врагом, шаман заключает душу врага в птицу – сову (13, с. 90).

Однако не у всех сибирских народов сова (филин) символизирует зло. Хакасы-качинцы, напротив, отпугивали злых духов амулетами в виде чучела филина, вывешивая его на входе в юрту (2).

Не менее интересна в обрядовой практике и роль глухаря. У верхнеолёкминских, нюкжинских и

верхнезейских эвенков (Якутия) во время переколёвки глухарь являлся основным источником пополнения запасов свежего мяса. В результате у этих групп эвенков и сейчас существует культ почитания глухарей (По этнографическим сборам 1968-1971 гг. (Материалы собрания А. И. Мазиным. – Ред.) (25, с. 110). У тувинцев-тоджинцев было поверье о камне счастья и камне, влияющем на погоду. Камень, меняющий погоду, считалось, находится в зобу глухаря (2, с. 104).

По материалам, предоставленным этнографическим отрядом ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, у тувинцев-тоджинцев тотемом сумона Саян была кукушка. В старину, если тотем находили мёртвым, обходили его стороной. Увидев птицу-тотем, молодые женщины повязывали голову платком и убегали подальше, то есть соблюдали обычай избегать мужчин – старших кровных родственников мужа (там же, с. 132).

У южных тувинцев кукушка являлась вестником проснувшейся природы, с началом ее кукования связывали начало лета. При осуществлении моления оваа её изображение клали внутри оваа (сооружение из камней и хвоста), считая кукушку представителем живой природы. Убить кукушку, считалось, наслать на себя несчастье (32, с. 256). Также считалось, что с кукушкой шаманы встречаются на небе во время камлания (22, с. 151).

Общепринятым фактом является важность роли образа птицы в шаманизме. Птица – это и первый шаман, и учитель, передатчик шаманства, и дух – помощник шамана, и даже костюм шамана является олицетворением птицы и содержит орнитоморфную символику (14, с. 119). Так, согласно одной легенде о происхождении шаманов, творец Амака делает всех птиц, а его антипод – Харги – делает гагару. Амака даёт человеку копьё, и он начинает гоняться за гагарой, втыкает копьё ей в хвост так, что она не может нырнуть под воду. Оказавшись побеждённой, гагара кричит: «Эвенк будет шаманом. Остяк будет шаманом. Якут будет шаманом». С той поры люди стали делаться шаманами. Этот миф с участием птицы гагары обосновывает не только эвенкийское шаманство, но и шаманство как веру вообще (9, с. 29 – 30).

В этой же связи важным моментом алтайской мифологической традиции являются представления о рождении шаманов от птиц (37, с. 29). В представлениях сибирских народов орёл был первым шаманом на Алтае или же родоначальником и творцом шаманов. Его изображение зачастую находится на центральном месте бубна. По бокам от орла находится пара воронов. Они служили посыльными шамана (27, с. 152-153).

По сообщениям А. В. Анохина, у алтайцев был шаман – Сангзак, который во время камлания мог подниматься на небо даже зимой. Его называли «сыном неба» (32). Сюжет с «сынами Неба» характерен для забайкальских писаниц и воспроизводится на скалах в виде антропоморфных фигур, над кото-

рыми распластала свои огромные крылья хищная птица – орёл – представитель небесной сферы.

Важность образа птицы в шаманизме прослеживается и по данным алтайского пантеона духов, мифологии, связанной с ним, и информации о взаимодействии шамана с ним.

Одним из духов Верхнего мира, как уже ранее отмечалось, был Суйла – небожитель, земной страж человека, служебный дух Ульгения. Основной его функцией было следить за людьми и сообщать об изменениях в них. Суйла сопровождал шамана в его путешествиях в верхний и нижний миры, охраняя его от несчастий и, в представлениях алтайцев, выглядел как птица с лошадиными глазами.

Карлык – дух-помощник Суйлы (состоящая с ним в брачной связи). Птица (каана) Кан-Карлык служит осведомителем о людских делах. При камлании она летела впереди шамана и обо всём, что узнавала, ему докладывала. На шаманских бубнах она изображалась в виде птицы, раскрашенной чёрной краской.

Каракуш-кан – сын Ульгения и глава всех сверхъестественных помощников шамана. Другое его название – «чамгыл-куштар» – семь чёрных птиц Ульгения. При камлании он сопровождал каму, подносил брагу духу. Его почитают тубалары, северные алтайцы и бурханисты.

Уткучы – главный среди небесных духов, небожитель, которого Ульгень посылал навстречу шаману.

Уткучы – дух, встречающий шамана на 5-ом слое неба. В его ведении было выслушивать его просьбу, принимать жертвенное животное. Он же сообщал обо всём Ульгению и передавал ему жертву. Через Уткучы Ульгень передавал шаману свою волю. Затем Уткучы давал шаману гусей, на которых тот возвращался на землю.

Чымар-кас – гусь красного цвета (кынар-кас) являлся ездовым животным шамана и сопровождал его к злым духам. При камлании шаман летел на нём к Кар-Адаму. Гусь же белого цвета сопровождал его к Ульгению. Караш – сын и посланник Эрлик-бия, имеющий своим посланником чёрного ворона. Караш – посредник между шаманом и Эрликом. Руководит им при жертвоприношениях Эрлику. Помогает шаману при возвращении души человека.

Также у шаманов были так называемые «тёси» – невидимые вечные существа, обитающие среди природных стихий, в горах, лесах, воде, огне. Они происходят в большинстве своём от горы Борус в Саянах (место происхождения шаманов) и часто воображались в виде птиц (ласточка, пёстрый гусь, жаворонок, перепёлка). Избрав себе хозяина, тёси становятся его послушными солдатами. В зависимости от присутствия того или иного тёся, менялась манера поведения шамана. Некоторые тёси были наделены самостоятельными названиями: «ыцайгах» – тёсь в образе пёстрого гуся (7, с. 171 – 172).

Существует мнение, что во время камлания шаман выступал в различных ролях, в частности в образе своих духов-помощников, пантомимой изображал животных и птиц, имитируя их голоса (10, с. 21). По данным М. Б. Кенина-Лопсана, завершив приготовления, шаман бил колотушкой в бубен и делал вокруг курильницы по солнцу три оборота правой, а потом левой ногой. Под звук бубна он кричал то кукушкой, то вороном, что являлось как бы сигналом к началу камлания. Затем обращался к ээреням. Возможно, с этими обстоятельствами связаны мифологические представления о превращении шамана во время камлания в птицу. В частности, в мифологии хантов имеются сведения, что шаман, поймав душу больного человека, одновременно превращаясь в лебедя, летит с ней на небо. Там купает её в «море», а потом оставляет спать в лесном семизэтажном доме в срок до месяца. После чего возвращает выздоровевшую душу её владельцу (37, с. 60).

Легенду о превращениях шамана во многом поддерживал и его внешний вид: костюм, оформленный бахромой, который, по мнению ряда исследователей, первоначально символизировал птицу (33; 26; 16, с. 135). Подол шаманского одеяния с тремя клиновидными выступами и пучком бахромы условно назывался «птичий хвост» (33, с. 128).

Кроме того, по данным Потапова, у шаманов была своеобразная «шапка птицы», которая представляла собой шкурку филина с головой и крыльями, что служит свидетельством глубокой древности представления о шаманском костюме как символе птицы (30, с. 210, 217). На затылке шаманской шапки помещались фигуры летящих птиц, тождественные изображениям птиц забайкальских писаниц (орлы, беркуты). Основным украшением головного убора было 40 больших и 20 малых перьев орла, пришитых изнутри вдоль верхнего края околышка. Перья прикреплялись оперением вверх, что, в свою очередь, напоминает рисунки антропоморфных существ с плит Каракола. Тувинцы для украшения головного убора шамана использовали перья жёлтого филина, а тоджинцы – перья глухаря. Но только головной убор с орлиными перьями олицетворял мощь и славу своего владельца (18, с. 50).

Считается также, что эти птицы сопровождают шамана, сидя на его плечах. В связи с этим пучки перьев филина, совы и беркута прикреплялись к обоим плечам шаманской куртки («куяк») и изображали двух беркутов, соколов, филинов. Эти пучки перьев назывались «юлбрэк» (23, с. 117).

Кроме бахромы, на задней спинной части шаманской парки (куртки) имеются железные подвески, например изображение журавля, – духа-птицы, орла, гагары. Они играли роль оберега, духа-помощника шамана. У энцев, орёл был главным посредником между людьми и небесным духом, а гадара – духом-помощником нижнего мира (33, с. 133–135). К эвенкийским духам шамана с птичьей ипостасью относятся также гагара, утки – крохаль и лу-

ток, гусь, чайка-мартышка, ворон, орёл, сова, журавль и кукушка (3, с. 187).

На куртку шамана часто вешали и шкурки некоторых птиц (утки, гагары). Эти шкурки служили ээренами – вместилищами духов-помощников шамана. Ээрен орла должен был помочь шаману летать, ээрен филина – приходить в состояние экстаза (8, с. 3–6).

Также одним из реквизитов шамана был плащ для камлания – «хамнаар тон». Он представлял собой весьма сложный комплекс, где каждый элемент выполнял свою функцию и имел строго определённую смысловую нагрузку (15, с. 142 – 144). На плечах его, как правило, клювами друг к другу, прикрепляли фигурки двух чёрных воронов (ийн кара кускун), вырезанные из дерева. В их функции входила «разведочная служба» шамана – поиски пропавшей души, распознавание злых духов и т. д. (18, с. 44). Силу и благородство своего хозяина олицетворял филин. Для этого шаман даже поручал лучшему охотнику убить филина и очень аккуратно изготовить его чучело. Во время камлания шаман мог обращаться к филину за помощью в изгнании болезни из тела больного. Этот идол также мыслился защитником личной судьбы шамана (18, с. 67). Чтобы обладать приятным голосом и создавать красивые мелодии, шаману необходимо было иметь помощника-кукушку, вырезанную из дерева. Ээрень-кукушка олицетворял собой высший класс пения и композиции (18, с. 69). Таким образом, шаману просто необходимо было держать все эти вместилища своих духов-помощников постоянно под рукой. Это способствовало созданию своеобразной традиции оформления не только костюма, но и жилища шамана. Здесь также каждая фигурка птицы имеет чётко закреплённую за собой позицию (41, с. 245 – 248).

На рукоятке шаманского бубна (дунгурнун тудазы) часто вырезали изображения мифической птицы Хан-Херети и шамана.

К наименованиям шаманских духов-помощников восходят тотемистические представления эвенков, наиболее ярко отразившиеся в названиях эвенкийских родов: Кирэктэл (люди-дятлы, род дятла) по р. Комо, Куктыгир (люди кукушки, род кукушки) и Кандыгир (утка-луток) на р. Мая, Хичегир – род ербагаченских эвенков (утка-вострохвостка), Силигир (аист) в Катангском районе, Путугир (утка-тяглок) – род ербагаченских и катангских эвенков (3, с. 194).

Достаточно интересен момент шаманского камлания. В шаманских песнях достаточно чётко описывается, как и куда «слетаются» духи. На призыв шамана, камлающего в верхний мир «прилетает» главный дух-птица – орёл (журавль), за ним летят более мелкие духи-птицы, часть которых проникает в чум по дыму от костра, а часть прячется под крыльями большой птицы, садится поверх её крыльев, и с ней они парят над жилищем. Образ большой птицы со слетевшимися в её крылья и пе-

рья мелкими птицами-духами, на наш взгляд, и на скалах имеет аналогии (Забайкалье).

И наконец, есть сведения, что среди изображений шаманских духов у тувинцев имеются фигурки в виде человека, но с птичьей головой и крыльями вместо рук. Это также имеет аналогии в наскальном искусстве.

Среди других изображений наскального искусства мы часто встречаем рисунки птичеголовых шаманов с бубнами или в плащах, имитирующих перья (Усть-Цорон – сер. I тыс. н. э., Архара – бронза, Арби – рубеж н. э. – I в. н. э., Каракол – энеолит, Шаманский мыс – бронза и др.). Они являются свидетельством «силы» образа птицы в тотемистическо-мифологической культуре Северной Азии.

Шаман является как бы птичечеловеком (12, с. 328), а орнитоморфная атрибутика его наряда способствовала перемещениям из одного мира в другой («способность перелетать подобно птице»), совершению ритуала.

Изображения антропоморфных существ с птичьими головами (Томская, Тутальская писаницы – ранний железный век, Суруктах-Хая – неолит и др.), с нашей точки зрения, могут являться рисунками древних охотников, совершающих охотничьи магические ритуалы, охотничьи культы в целях удачливости охоты, обращения к духам природы за помощью, вопрошания у богов плодородия, размножения животных и птиц. К таким обрядам относится, например, магический обряд «шингкэлавун», который обозначает: подражать сниманию шкуры с целью обеспечения добычи на промысле, пойти за шкурой – добычей, поиски добычи. Шингкэлавун мало чем отличается от шаманского камлания. Его совершает шаман, и древние магические церемонии часто подменяются шаманским обрядом очищения охотников с помощью духов-помощников шамана. Этот обряд эвенки в давние времена справляли всем родом сообща, подле родовой священной скалы – бугады. Во время его совершались стрельбища в берестяные фигурки зверей и птиц, танцы-пантомимы. По нашему мнению, во время одного из таких обрядов могли происходить моменты с переодеванием в животных и птиц для усиления действия охотничьей магии.

Этот сюжет имеет параллели и в материальной культуре, достаточно только посмотреть на войлочные шлемы пазырыкцев. Их навершия вырезаны в виде птичьей головы (курганы могильника Верх-Кальджин, Ак-Алаха – Алтай) (28, с. 148 – 151).

Абрис войлочного шлема войнов-пазырыкцев представлял собой птицу. Этот головной убор должен был, очевидно, придавать «птичьи» черты тем, кто их носил. Головные уборы пазырыкцев – это их племенной символ. На них расположены духи-помощники, олицетворяющие верхний, светлый мир, в который они, возможно, «улетали» после смерти. Слово «улетел» в значении «умер» отражает целый комплекс религиозных представлений, связанных как с путешествием умерших на небо у

древних тюрков, так и с путешествием шаманов у современных алтае-саянских народов (30, с. 151). Вся положительная символика связана с главным в костюме – головным убором. Именно ему принадлежит охранительная функция.

Итак, образ птицы занимал важнейшее место в обрядовой практике народов Северной Азии, особенно в обрядах, связанных с шаманизмом. Птица являлась своего рода исходной точкой существования всего живого на Земле – творцом, демиургом; воплощением светлого начала и одновременно сосредоточением природной силы.

Литература

1. Акишев, А. Искусство и мифология саков / А. Акишев. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 176 с.
2. Алексеев, Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири / Н. А. Алексеев. – Новосибирск, 1980. – 317 с.
3. Анисимов, А. Ф. Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемические истоки идеологии шаманства / А. Ф. Анисимов // Сборник Музея антропологии и этнографии (СМАЭ). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Вып. XIII. – С. 125 – 153.
4. Анохин, А. В. Материалы по шаманству алтайцев / А. В. Анохин. – Л.: Изд-во РАН, 1924. – 152 с.
5. Афанасьев, А. Происхождение мифа / А. Афанасьев. – М.: Индрик, 1996. – 640 с.
6. Бернштам, А. И. Наскальные изображения Саймалы-Таш / А. И. Бернштам // Советская этнография (СЭ). – М., 1952. – № 2. – С. 35 – 38.
7. Бутанаев, В. Я. Традиционная культура и быт хакасов / В. Я. Бутанаев. – Абакан, 1996. – 223 с.
8. Вайнштейн, С. И. Тувинское шаманство / С. И. Вайнштейн. – М.: Наука, 1964. – 12 с.
9. Варламова, Г. И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора / Г. И. Варламова. – Новосибирск: Наука, 2002. – 376 с.
10. Васильева, Н. Д. Якутское шаманство (1920-1930-е гг.) / Н. Д. Васильева. – Якутск: Изд-во Ин-та гуманитарных исследований, 2000. – 144 с.
11. Гребенникова, Н. С. Вселенная мифа / Н. С. Гребенникова. – Горно-Алтайск, 2004. – 448 с.
12. Гришин, Ю. С. О некоторых петроглифах эпохи поздней бронзы и раннего железа Байкальского побережья / Ю. С. Гришин // Мировоззрение древнего населения Евразии: сб. научных статей. – М., 2001. – С. 325 – 328.
13. Гурвич, И. С. Героический сказания северных якутов-оленьеводов и вопросы этнической принадлежности древнего населения между Енисеем и Леной / И. С. Гурвич // Этническая история и фольклор. – М.: Наука, 1977. – С. 90 – 107.
14. Дыренкова, Н. Птица в космогонических представлениях тюркских племен Сибири / Н. Дыренкова // Культура и письменность Востока. – Баку, 1929. – Кн. IV. – С. 119 – 126.
15. Дьяконова, В. П. Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе / В. П. Дьяконова //

- Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. – Л.: Наука, 1981. – С. 142 – 144.
16. Дэвлет, Е. Г. Некоторые антропоморфные и орнитоморфные изображения: американо-азиатские параллели / Е. Г. Дэвлет // Сборник Международной конференции по первобытному искусству. Труды / под общ. ред. Я. А. Шера. – Кемерово, 1999. – Т. 1. – С. 134 – 135.
17. Дэвлет, М. А. О космогонических представлениях древних жителей Среднего Енисея. Изображения на Бейской стеле из Хакасии / М. А. Дэвлет // Семантика древних образов. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 83 – 90.
18. Кенин-Лопсан, М. Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства / М. Б. Кенан-Лопсан. – Новосибирск: Наука, 1987. – 168 с.
19. Ксенофонтов, И. Н. Шаманизм и христианство / И. Н. Ксенофонтов. – Иркутск, 1929. – 115 с.
20. Кызласов, Л. Р. Древнейшая Хакасия / Л. Р. Кызласов. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 168 с.
21. Мифологический бестиарий: от Алконоста до Ягила. – Калининград: Янтарный сказ, 1990. – 240 с.
22. Муйтуева, В. А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев / В. А. Муйтуева. – Горно-Алтайск, 2004. – 166 с.
23. Окладников, А. М. Петроглифы Забайкалья: в 2-х т. / А. М. Окладников, В. Д. Запорожская. – Л.: Наука, 1970. – Т. 2. – 268 с.
24. Окладников, А. П. Петроглифы Средней Лены / А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. – Л.: Наука, 1972. – 272 с.
25. Окладников, А. П. Писаницы реки Олёмки и Верхнего Приамурья / А. П. Окладников, А. И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1976. – 189 с.
26. Окладникова, Е. А. Петроглифы Средней Катуни / Е. А. Окладникова. – Новосибирск: Наука, 1984. – 111 с.
27. Патачаков, К. М. Опыт реконструкции хакасского шаманского бубна с интерпретацией его рисунка / К. М. Патачаков // Вопросы древней истории Южной Сибири. – Абакан, 1984. – С. 147 – 159.
28. Полосьмак, Н. В. Воинские шлемы пазырыкцев / Н. В. Полосьмак // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: материалы Межд. науч. конф. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. – С. 148 – 151.
29. Полосьмак, Н. В. Очерки семантики кулайского искусства / Н. В. Полосьмак, Е. В. Шумакова. – Новосибирск: Наука, 1991. – 96 с.
30. Потапов, Л. П. Алтайский шаманизм / Л. П. Потапов. – Л.: Наука, 1991. – 319 с.
31. Потапов, Л. П. Мифы Алтае-саянских народов как исторический источник / Л. П. Потапов // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайский науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы, 1983. – С. 96 – 110.
32. Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – 333 с.
33. Прокофьева, Е. Д. Энецкий шаманский костюм / Е. Д. Прокофьева // Материальная и духовная культура народов Сибири: сб. музея антропологии и этнографии (СМАЭ). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. XIII. – С. 125 – 153.
34. Савинов, Д. Г. Изобразительные памятники и ритуал (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) / Д. Г. Савинов // Сборник Международной конференции по первобытному искусству. Труды / под общ. ред. Я. А. Шера. – Кемерово, 2000. – Т. 2. – С. 205.
35. Сагалаев, А. М. Мифология и верования алтайцев. Центральные-азиатские влияния / А. М. Сагалаев. – Новосибирск: Наука, 1984. – 121 с.
36. Сагалаев, А. М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип / А. М. Сагалаев. – Новосибирск: Наука, 1996. – 150 с.
37. Сагалаев, А. М. Птица, дающая жизнь (из тюрко-угорских мифологических параллелей) / А. М. Сагалаев // Мировоззрение финно-угорских народов: сборник научных трудов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 21-34.
38. Симмаков, Г. М. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии: (ритуальный и практический аспекты) / Г. М. Симмаков. – СПб., 1998. – 320 с.
39. Тиваненко, А. В. Древнее наскальное искусство Бурятии / А. В. Тиваненко. – Новосибирск: Наука, 1990. – 208 с.
40. Тиваненко, А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы / А. В. Тиваненко. – Новосибирск: Наука, 1989. – 202 с.
41. Уткин, Г. С. К вопросу о типологии культовых сооружений у эвенков Нижней Тунгуски / Г. С. Уткин // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири: сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во ИркутГУ, 1991. – С. 168 – 174.
42. Цапко, Ю. Г. Феномен изобразительной деятельности населения лесной зоны Урала и Восточной Европы периода неолита / Ю. Г. Цапко // Сборник Международной конференции по первобытному искусству. Труды / под общ. ред. Я. А. Шера. – Кемерово, 2000. – Т. 2. – С. 106 – 107.
43. Черняева, О. С. Петроглифы скифского времени бассейна Среднего Енисея // дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1985. – 190 с.
44. Шерстова, Л. И. Легенды о шуну у народов Южной Сибири (Мифы и реальность в традиционных сюжетах) / Л. И. Шерстова // Вопросы древней истории Южной Сибири). – Абакан: Изд-во Хакас. НИИЯМИ, 1984. – С. 141 – 147.

УДК 355.014.1 (091) (571.17) «1941/1945»

СНАРЯДЫ ДЛЯ «КАТЮШ»

Н. П. Шуранов

В начале Великой Отечественной войны в Киселевск, после трехнедельного пути, прибыли 143 рабочих и инженерно-технических работников с семьями и 226 единиц оборудования завода Нарком угля «Красный Круль», эвакуированного из города Таллина. С 27 июля 1941 г. станки, молоты, прессы стали устанавливать на строящемся машиностроительном заводе того же наркомата.

Однако Постановлением СНК СССР от 10 августа киселевский завод был передан Наркомату боеприпасов и получил № 605. Туда Совет по эвакуации решил эвакуировать производство реактивных 82-мм снарядов московского завода боеприпасов № 70 им. Владимира Ильича. Несмотря на нехватку вагонов для отправки готовых снарядов с ряда заводов, на что Нарком боеприпасов П. Н. Горемыкин жаловался заместителю председателя СНК СССР, члену ГКО Л. П. Берия, с завода было эвакуировано и 6, 10 и 16 ноября прибыло в Киселевск три эшелона – 80 вагонов с оборудованием и людьми. 534 человека эвакуированных, в том числе 289 рабочих, разместили в квартирах местных жителей и в шести больших землянках площадью 1800 квадратных метров. Срочно строилось еще 23 землянки, которые должны были дать 6900 квадратных метра жилой площади.

На завод в ноябре прибыло из Москвы 239 единиц оборудования, в том числе пресс и два молота. Для обеспечения быстрее его монтажа заводу выделили дополнительную рабочую силу, огнеупорный кирпич из Кузнецкого металлургического комбината, лесоматериалы. Там работало 870 человек. В начале января на завод из Москвы дополнительно прибыли станки, и их общее количество достигло 335 единиц. Из них 332 смонтировали и 294 ввели в действие. Позднее количество эвакуированного оборудования увеличилось до 383 единиц. Завод быстро строился¹.

На фронте исключительно большое значение имело применение нового грозного оружия – «Катюша», принятого на вооружение за один день до начала Великой Отечественной войны. В августе-сентябре промышленность страны отправила на фронт 324 пусковых установки, формировались первые полки реактивной артиллерии.

Вместе с организацией производства пусковых установок надо было организовать широкое производство для них реактивных снарядов. В соответствии с постановлением ГКО № 724, в октябре 1941 г. к их производству вместе со многими предприятиями привлекался Киселевский завод Наркомата боеприпасов № 605. По проектному заданию,

утвержденному наркоматом боеприпасов, заводу № 605 намечалось развернуть обработку и сборку 2500 снарядов М-8 в сутки. Часть штампованных заготовок деталей ему должен был поставлять новосибирский комбинат № 179, его заводы № 3 и № 65, а некоторые – Кемеровский азотно-туковый завод. Общая стоимость строительства завода определялась в 20556,6 тысячи рублей. Бюро Новосибирского обкома ВКП(б) требовало начать выпуск на заводе снарядов М-8 с 1 ноября.

Задание на выпуск продукции завод № 605 получил по плану выпуска снарядов М-8 калибра 82 мм на декабрь 1941 г., утвержденному постановлением ГКО. Настойчиво организовывал строительство и развитие нового оборонного объекта его директор Парфенов. На заводе в декабре 1941 г. трудилось 1645 человек. Вступали в строй 4 цеха, каркасно-засыпной дом и землянки для рабочих. В декабре завод начал выпуск снарядов. Первую партию (50 штук) он изготовил из деталей, которые были привезены вместе с эвакуированным из московского завода № 70 имени Владимира Ильича. Собственные снаряды завод № 605 дать не смог.

Постановлением ГКО от 25 декабря 1941 г. была намечена большая программа производства для «Катюш» реактивных снарядов М-8 и М-13 калибра 132 мм. К ее осуществлению привлекалось 8 заводов 4-го главного управления Наркомата боеприпасов и другие предприятия. Намечалось выпустить за квартал 797 тысяч снарядов. В том числе 505 тысяч снарядов М-8 должны были дать заводы № 68 (Невьянск), № 73 (Свердловск) и завод № 605, которому поручалось изготовить их 200 тысяч (в среднем 65 – 70 тысяч в месяц). Готовые корпуса снарядов киселевский завод отправлял на зарядку на Новосибирский завод Наркомата боеприпасов № 635.

На выполнение установленных заданий поднимался весь коллектив завода. Себестоимость одного изделия снизилась с 93 рублей 11 копеек до 66 рублей 03 копеек. Выпуск снарядов с 20900 в январе возрос в июне до 55400 штук. Но план их производства фактически был снижен, так как завод включился в работу по изготовлению мин, потребность в которых на фронте постоянно возрастала.

ГКО еще 23 января 1942 г. принял Постановление «О производстве и сдаче НКО 82-мм и 120-мм мин в феврале и марте 1942 года». Нарком боеприпасов П. Н. Горемыкин предупредил всех начальников шести главных управлений наркомата, директоров заводов об их персональной ответственности за выполнение полученных заданий и установил премии за их перевыполнение. Осуществление намеченной программы происходило уже под руководством нового наркома боеприпасов Б. Л. Ванникова.

¹ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 181. Л. 76, 79, 150; Д. 182. Л. 32; ГАНО. Ф. 4-П. Оп. 33. Д. 503-в. Л. 163; Д. 503-г. Л. 167; Ф. 11. Оп. 4-д. Д. 9. Л. 95-101; Д. 11. Л. 72.

Завод № 605 постоянно получал все возрастающие задания. В апреле 1942 г. он изготовил 9798 корпусов 120-мм мин. А в июне уже 34448 штук. Но это составило только 87 % от установленного ему задания. Во исполнение принятого в июле ГКО Постановления «Об увеличении производства корпусов и других элементов 82-мм и 120-мм мин в августе и сентябре 1942 года», киселевский завод продолжал наращивать выпуск 120-мм мин. Благоприятно сложилась обстановка и с выпуском реактивных снарядов. Комбинат № 179 стал поставлять заводу три важных штампованных детали с уменьшенными припусками, что позволяло экономить на их механической обработке.

За 1942 г. в целом на капитальное строительство было использовано 4361 тысяча рублей. Среднемесячная численность заводского коллектива за год составила 3358 человек, в том числе 2473 рабочих. Среднегодовая выработка одного рабочего достигла 100228 рублей. Объем выпущенной валовой продукции достиг 232610 тысяч рублей. Если полугодовой план был выполнен на 98 %, то годовой – перевыполнен. Это было высшей точкой в развитии завода как крупного поставщика реактивных снарядов и мин².

Затем номенклатура выпускаемой заводом продукции стала расширяться. Постановлением СНК СССР № 3982 заводу в 1943 г. было поручено дополнительно освоить производство 85-мм артиллерийских бронебойных снарядов. Выпуск снарядов М-8 предстояло сократить. Правда, 11 сентября 1943 г. заместитель председателя СНК СССР Л. П. Берия обязал Наркомат боеприпасов и ряд его заводов поставить для снаряжения значительное количество корпусов реактивных снарядов. Киселевский завод должен был произвести 30000 снарядов М-8 и отправить их на снаряжательный завод № 15 в г. Чапаевск.

Происходившие изменения плановых заданий и профиля завода, его разнообразие негативно отразились на состоянии производственной деятельности. Установленные задания не выполнялись. За 1943 г. завод выпустил снарядов М-8 только 429500 штук при плане 475 тысяч, выполнив его на 90,4 %. Мин 120-мм произвел 66000 штук – 40 % от установленного задания. Из-за нехватки стального литья вместо 615 тысяч удалось отлить лишь 341665 корпусов мин (55,6 % плана). Осваивалось производство 85-мм снарядов. В связи с такой неустойчивой работой годовой объем валовой продукции завода снизился до 184236 тысяч рублей.

Заводской коллектив продолжал напряженно и интенсивно работать. Усилилось движение рационализаторов. Годовая экономия от внедренных в 1943 г. 102 рационализаторских предложений составила 621883 рубля, а в 1944 г. 112 внедренных предложений дали экономию 1105800 рублей. Гвар-

дейцами трудового фронта являлись лекальщик М. А. Огалов, выполнивший норму на 215 %, шисьельница Е. С. Щербакова (238 %), лакировщица Т. Н. Горбунова (218 %), токари В. А. Шаулин (196 %) и А. И. Николаев (184 %).

Однако производственные задания заводу и в 1944 г. продолжали меняться. Его передали в новое 7-е Главное управление Наркомата боеприпасов. План выпуска реактивных снарядов повысили до 500 тысяч штук, увеличили годовой план производства мин. Но с октября 1944 г. план изготовления мин в сборе сократили, а выпуск литья для мин, по которому первоначально был установлен план ниже уровня предыдущего года, снова увеличили. Общий объем производства валовой продукции снизили по плану до 118 миллионов рублей.

С выполнением заданий 1944 г. по реактивным снарядам М-8 завод не справился. План по реактивным снарядам М-8 он выполнил лишь на 70,6 %. Но 353 тысячи произведенных явились весомым вкладом в обеспечение боеприпасами грозного оружия. Завод изготовил 344,3 тысячи 120-мм мин (86,1 % от плана) и поставил 216,4 тысячи литья для мин (92,1 % от плана). Валовой продукции завод произвел за год на 105646 тысяч рублей – 89,5 % от установленного плана.

На первый квартал 1945 года план производства реактивных снарядов (изготовления и сборки) был установлен в количестве 165 тысяч штук. Выпуск мин из плана исключили. Но осталось задание изготовить 150 тысяч литья 120 мм мин для поставки их на другие заводы. Объем валовой продукции на квартал оказался сниженным до 15509 рублей.

План производства реактивных снарядов М-8 на второй квартал был повышен до 175 тысяч штук, по литью мин – оставлен на уровне 150 тысяч с отправкой 45 тысяч заводам НКВД, 75 тысяч – заводу № 8 Наркомата путей сообщения и заводу № 106 – 30 тысяч. Одновременно заводу поручили изготовить 300 тысяч ручных гранат Ф-1. Затем за счет сокращения производства снарядов М-8 поручили изготовить 1500 реактивных частей к глубинным бомбам.

После победы над фашистской Германией выпуск реактивных снарядов и мин в июне 1945 г. исключили из производственной программы завода. Ему поручили изготовить за месяц лишь 500 реактивных частей к глубинным бомбам и 100 тысяч гранат Ф-1. Поступило задание осваивать производство гражданской продукции³.

² ГАРФ. Ф. 6822. Оп.1. Д.181. Л. 79, 150; Д. 182. Л. 32, 40, 79, 109; ГАНО. Ф.4-П. Оп. 33. Д. 503-а. Л. 142; Ф. 11. Оп. 4-д, Д. 11. Л. 72.

³ ГАРФ. Ф. 6822. Оп.1. Д.181. Л. 75-77; Д. 183. Л. 143; ГАНО. Ф.4-П. Оп. 33. Д. 665-б. Л. 37-38; Ф. 1179. Оп. 1-а, Д. 16. Л. 10.

МАТЕМАТИКА

УДК 513

ПОСТРОЕНИЕ ВЕЙВЛЕТОВ С КОЭФФИЦИЕНТОМ МАСШТАБИРОВАНИЯ N НА ОСНОВЕ В-СПЛАЙНОВ

П. Н. Подкур

Теория вейвлетов [1] имеет широкие применения в обработке одномерных сигналов и изображений. В основе этой теории лежит понятие масштабирующей функции. Для коэффициента масштабирования $N = 2$ теория вейвлетов развита в значительной степени. В случае $N > 2$ также можно построить аналогичную теорию, которая позволит осуществлять разложение сигнала N фильтрами. Однако до сих пор нет достаточного числа примеров масштабирующих функций и вейвлетов, соответствующих коэффициенту $N > 2$. В данной работе доказана N -масштабируемость B -сплайнов и приводится построение неортогональных вейвлетов на основе B -сплайнов.

1. Масштабирующие функции. Пусть $N > 1$ – целое число, $\mathbf{Z}$ – множество всех целых чисел и $L^2(\mathbf{R})$ – пространство функций на числовой прямой $\mathbf{R}$, интегрируемых с квадратом.

Определение 1. Функция $\varphi(x) \in L^2(\mathbf{R})$ называется N -масштабирующей, если она может быть представлена в виде: $\varphi(x) = \sqrt{N} \sum_{n \in \mathbf{Z}} h_n \varphi(Nx - n)$, (1)

где числа h_n , $n \in \mathbf{Z}$ удовлетворяют условию $\sum_{n \in \mathbf{Z}} |h_n|^2 < \infty$. Равенство (1) называется масштабирующим уравнением. Набор $\{h_n\}_{n \in \mathbf{Z}}$ коэффициентов разложения в уравнении (1) называется масштабирующим фильтром.

Сделаем преобразование Фурье масштабирующего соотношения:

$$\hat{\varphi}(\omega) = \sqrt{N}^{-1} \sum_{n \in \mathbf{Z}} h_n e^{-in\omega/N} \hat{\varphi}(\omega/N).$$

$$\text{Положим, } H_0(\omega) = \frac{1}{\sqrt{N}} \sum_{n \in \mathbf{Z}} h_n e^{-in\omega}, \quad (2)$$

$$\text{тогда } \hat{\varphi}(\omega) = H_0\left(\frac{\omega}{N}\right) \hat{\varphi}\left(\frac{\omega}{N}\right). \quad (3)$$

Функцию $H_0(\omega)$ будем называть частотной функцией масштабирующей функции $\varphi(x)$.

Масштабирующие функции на основе B -сплайнов. Покажем, что B -сплайны являются масштабирующими функциями для любого $N > 1$. Хорошо известно [1], [2], что B -сплайны являются 2-масштабирующими функциями. B -сплайн нулевого порядка есть функция Хаара $\varphi_0(x)$ (характеристическая функция промежутка $[0, 1]$). B -сплайн $\varphi_1(x)$ порядка 1 с носителем на промежутке $[0, 2]$ можно записать в виде свертки с $\varphi_0(x)$ с собой [2], $\varphi_1(x) = \varphi_0 * \varphi_0(x)$. B -сплайны высших порядков определяются индуктивно: $\varphi_{n+1} = \varphi_n * \varphi_0$. В дальнейшем будем считать, что для B -сплайна $\varphi_n(x)$ носи-

тель находится на промежутке $[-(n+1)/2, (n+1)/2]$ в случае нечетного n , а в случае четного n – на промежутке $[-n/2, n/2 + 1]$. Тогда преобразование Фурье B -сплайна $\varphi_n(x)$ имеет вид [1], [2]:

$$\hat{\varphi}_n(\omega) = e^{-iK\omega/2} \left(\frac{\sin(\omega/2)}{\omega/2} \right)^{n+1}, \quad (4)$$

где $K = 0$ – в случае нечетного n и $K = 1$ – в случае четного n .

Теорема 1. B -сплайны $\varphi_n(x)$ порядка n являются N -масштабирующими функциями для любого целого $N > 1$. При этом правая часть масштабирующего соотношения $\varphi(x) = \sqrt{N} \sum_k h_k \varphi(Nx - k)$ является конечной суммой. В случае нечетного n коэффициенты h_k находятся по формуле:

$$h_k = \frac{1}{\sqrt{N} N^n} \sum_{\alpha} \frac{(n+1)!}{\alpha_0! \alpha_1! \dots \alpha_{N-1}!}, \quad (5)$$

где суммирование производится по всем мультииндексам $\alpha = (\alpha_0, \alpha_1, \dots, \alpha_{N-1})$, удовлетворяющих двум условиям: $|\alpha| = \alpha_0 + \alpha_1 + \dots + \alpha_{N-1} = n+1$ и $\alpha_1 + 2\alpha_2 + \dots + (N-1)\alpha_{N-1} - (N-1)(n+1)/2 = k$, индекс k меняется от $k = -(N-1)(n+1)/2$ до $k = (N-1)(n+1)/2$.

В случае четного n , коэффициенты h_k находятся по той же формуле (5), где суммирование производится по всем мультииндексам $\alpha = (\alpha_0, \alpha_1, \dots, \alpha_{N-1})$, удовлетворяющих двум условиям: $|\alpha| = \alpha_0 + \alpha_1 + \dots + \alpha_{N-1} = n+1$ и $\alpha_1 + 2\alpha_2 + \dots + (N-1)\alpha_{N-1} - (N-1)n/2 = k$, индекс k меняется от $k = -(N-1)n/2$ до $k = (N-1)n/2 + 1$.

Доказательство см. в [4].

Пример 1. Рассмотрим B -сплайн $\varphi(x)$ степени 1, $\varphi(x) = \begin{cases} 1-|x|, & x \in [-1, 1], \\ 0 & \text{при остальных } x. \end{cases}$

Преобразование Фурье данной функции:

$$\hat{\varphi}(\omega) = \left(\frac{\sin \omega/2}{\omega/2} \right)^2 = 2 \frac{1 - \cos \omega}{\omega^2}.$$

$$\begin{aligned} \varphi(x) &= \frac{1}{3} \varphi(3x+2) + \frac{2}{3} \varphi(3x+1) + \\ &+ \varphi(3x) + \frac{2}{3} \varphi(3x-1) + \frac{1}{3} \varphi(3x-2) \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} H_3(\omega) &= \frac{1}{\sqrt{3}} \frac{1}{3\sqrt{3}} (e^{i2\omega} + 2e^{i\omega} + 3 + 2e^{-i\omega} + e^{-i2\omega}) = \\ &= \frac{1}{9} (3 + 4 \cos \omega + 2 \cos 2\omega). \end{aligned}$$

При любом целом $N > 1$ имеет место следующее N -масштабирующее соотношение:

$$\varphi(x) = \sum_{n=-N+1}^{N-1} \frac{N-|n|}{N} \varphi(Nx-n).$$

Отметим, что сдвиги $\{\varphi(x-n), n \in \mathbb{Z}\}$ образуют базис пространства V_0 , но этот базис не ортогональный.

2. N -кратномасштабное разложение. Определим здесь основные конструкции кратномасштабного разложения для случая произвольного целочисленного коэффициента масштабирования $N > 1$, более подробно об этом см. [1], [3].

Ортогональным N -кратномасштабным разложением пространства $L^2(\mathbb{R})$ называется последовательность замкнутых вложенных друг в друга подпространств $\dots \subset V_{-1} \subset V_0 \subset V_1 \subset V_2 \subset \dots$, обладающая свойствами:

1) замыкание их объединения совпадает с $L^2(\mathbb{R})$, $\overline{\bigcup_{j \in \mathbb{Z}} V_j} = L^2(\mathbb{R})$;

2) пересечение всех подпространств – нулевое, $\bigcap_{j \in \mathbb{Z}} V_j = \{0\}$;

3) $f(x) \in V_j \Leftrightarrow f(Nx) \in V_{j+1}$;

4) существует такая функция $\varphi(x) \in V_0$, называемая масштабирующей, что функции $\varphi_{0,n}(x) = \varphi(x-n)$, $n \in \mathbb{Z}$ образуют ортонормированный базис пространства V_0 .

Поскольку пространства V_j являются масштабированными пространствами V_0 , то из свойства 4 сразу вытекает, что функции

$$\varphi_{j,n}(x) = \sqrt{N^j} \varphi(N^j x - n), \quad n \in \mathbb{Z} \quad (6)$$

образуют ортонормированный базис пространства V_j для любого j .

Из того, что $\varphi(x) \in V_0 \subset V_1$ следует, что функция $\varphi(x)$ раскладывается по базису пространства V_1 , т. е. является N -масштабирующей функцией, $\varphi(x) = \sqrt{N} \sum_n h_n \varphi(Nx-n)$.

Если $\varphi(x)$ – N -масштабирующая функция, то для любых $j, k \in \mathbb{Z}$ имеет место следующее разложение:

$$\varphi_{j-1,k}(x) = \sum_n h_{n-Nk} \varphi_{j,n}(x) = \sum_n h_n \varphi_{j,n+Nk}(x). \quad (7)$$

Напомним [1], [2], что целочисленные сдвиги $\varphi_n(x) = \varphi(x-n)$ образуют ортонормированный базис подпространства $V_0 \subset L^2(\mathbb{R})$, тогда и только тогда, когда $\sum_{n \in \mathbb{Z}} |\hat{\varphi}(\omega + 2\pi n)|^2 = 1$ п.в.

Отсюда следует [1], [3], что если сдвиги $\varphi_n(x) = \varphi(x-n)$ масштабирующей функции $\varphi(x)$ образуют ортонормированный базис подпространства V_0 , то частотная функция $H_0(\omega)$ обладает следующим свойством: $\sum_{m=0}^{N-1} |H_0(\omega + 2\pi m/N)|^2 = 1$ п. в. (8)

2.1. Вейвлеты. Хорошо известно [1], [2], что в случае $N = 2$ в ортогональном кратномасштабном

уточняющем разложении каждое подпространство V_j имеет в пространстве V_{j+1} ортогональное дополнение W_j и $V_{j+1} = V_j \oplus W_j$. Существует функция $\psi(x) \in W_0$, называемая материнским вейвлетом, такая, что множество ее сдвигов $\psi(x-n)$ образует ортонормированный базис пространства W_0 , а функции $\psi_{j,n}(x) = \sqrt{2^j} \psi(2^j x - n)$, $n \in \mathbb{Z}$ образуют ортонормированный базис пространства W_j для каждого $j \in \mathbb{Z}$.

В случае произвольного целочисленного коэффициента масштабирования $N > 1$ ситуация несколько отличается. Масштабирующей функции $\varphi(x)$ соответствует $N-1$ вейвлетов $\psi^1(x), \dots, \psi^{N-1}(x)$ [1], [3]

$$\psi^i(x) = \sqrt{N} \sum_n g_n^i \varphi(Nx-n), \quad i = 1, 2, \dots, N-1.$$

В частотной области имеем:

$$\psi^i(\omega) = G_i\left(\frac{\omega}{N}\right) \hat{\varphi}\left(\frac{\omega}{N}\right), \quad i = 1, 2, \dots, N-1,$$

где $G_i(\omega) = \sqrt{N^{-1}} \sum_n g_n^i e^{-in\omega}$ – частотные функции, соответствующие вейвлетам $\psi^i(x)$. Они удовлетворяют [3], [1], свойству унитарности матрицы, указанной ниже в формуле (14).

Тогда мы имеем $N-1$ пространств вейвлетов $W_0^i, i = 1, 2, \dots, N-1$ и следующее ортогональное разложение для любого j :

$$V_{j+1} = V_j \oplus W_j^1 \oplus \dots \oplus W_j^{N-1}.$$

Функции

$$\psi_{j,n}^i(x) = \sqrt{N^j} \psi^i(N^j x - n), \quad j, n \in \mathbb{Z}, i = 1, 2, \dots, N-1 \quad (9)$$

образуют ортонормированные базисы пространств вейвлетов $W_0^i, i = 1, 2, \dots, N-1$.

3. Вейвлет-преобразование. Предположим сначала, что мы имеем дело с ортонормированными вейвлетами. Тогда у нас есть масштабирующая функция $\varphi(x)$ и вейвлеты $\psi^1(x), \dots, \psi^{N-1}(x)$. Вейвлет-разложение сигнала $A = \{a_n\}$ производится по формулам [1], [3]:

$$a_{l,k} = \sum_n \overline{h_n} a_{n+Nk}, \quad d_{l,k}^i = \sum_n \overline{g_n^i} a_{n+Nk}, \quad i = 1, 2, \dots, N-1, \quad (10)$$

где $\{h_n\}_{n \in \mathbb{Z}}$ и $\{g_n^i\}_{n \in \mathbb{Z}}$ – фильтры вейвлетов $\varphi(x)$ и $\psi^i(x)$. Запишем последние формулы в виде свертки. Для этого введем следующие коэффициенты:

$$h_n^* = \overline{h_{-n}}, \quad g_n^{i*} = \overline{g_{-n}^i}. \quad \text{Тогда} \quad a_{l,k} = \sum_n h_n^* a_{Nk-n}, \quad d_{l,k}^i = \sum_n g_n^{i*} a_{Nk-n}, \quad i = 1, 2, \dots, N-1. \quad (11)$$

Таким образом, вейвлет-разложение производится сопряженными фильтрами $\{h_n^*\}, \{g_n^{i*}\}$ с

последующей N -адической децимацией (выбором только элементов с номерами Nk). Процедуру разложения можно повторить, применив ее к набору коэффициентов cA_1 .

Восстановление массива $A = \{a_n\}$ по коэффициентам вейвлет-разложения $cA_1 = \{a_{1,k}\}$ и

$$cD_1 = \{d_k^1, \dots, d_k^{N-1}\} \text{ производится следующим образом: } a_n = \sum_k h_{n-Nk} a_{1,k} + \sum_{i=1}^{N-1} \sum_{k \in \mathbb{Z}} g_{n-Nk}^i d_{1,k}^i. \quad (12)$$

Последнюю формулу можно также записать в виде свертки, сделав обратную децимацию массивов $cA_1 = \{a_{1,k}\}$ и $cD_1 = \{d_k^1, \dots, d_k^{N-1}\}$,

$$\tilde{a}_{1,m} = \begin{cases} a_{1,k}, & \text{если } m = Nk, \\ 0, & \text{если } n \text{ не кратно } N, \end{cases}$$

$$\tilde{d}_{1,m}^i = \begin{cases} d_{1,k}^i, & \text{если } m = Nk, \\ 0, & \text{если } n \text{ не кратно } N. \end{cases}$$

Тогда формула (12) принимает вид:

$$a_{j,n} = \sum_{m \in \mathbb{Z}} (h_{n-m} \tilde{a}_{1,m} + g_{n-m} \tilde{d}_{1,m}^i). \quad (13)$$

3.1. Разложение и восстановление в неортогональном случае. Формулы вейвлет-разложения и восстановления (10) – (13) установлены только для ортогонального случая. Они неприменимы, если разложение

$V_j = V_{j-1} \oplus W_{j-1}^1 \oplus \dots \oplus W_{j-1}^{N-1}$ не является ортогональным и функции

$$\varphi_{j,n}(x) = \sqrt{N^j} \varphi(N^j x - n), \quad \psi_{j,n}^i(x) = \sqrt{N^j} \psi^i(N^j x - n), \quad n \in \mathbb{Z}, i = 1, 2, \dots, N-1$$

не образуют ортонормированных систем. Предположим, что разложение сигнала $\{a_k\}$ производится некоторыми (неортогональными) фильтрами $\{h_k\}$ и $\{g_n^i\}$, $i = 1, 2, \dots, N-1$ по формулам:

$$a_{1k} = \sum_n h_n a_{Nk-n}, \quad d_{1,k}^i = \sum_n g_n^i a_{Nk-n}, \quad i = 1, 2, \dots, N-1$$

и найдем другие фильтры $\{\tilde{h}_n\}$, $\tilde{g}_n^i$, $i = 1, 2, \dots, N-1$, которые обеспечивают точное восстановление сигнала по формулам типа (12). Задачу удобно решить на уровне формальных степенных рядов. Пусть $X(z) = \sum_n a_n z^n$ – ряд, соответствующий сигналу $\{a_k\}$. Определим передаточные функции заданных фильтров,

$$H_0(z) = \sum_n h_n z^n, \quad H_i(z) = \sum_n g_n^i z^n, \quad i = 1, 2, \dots, N-1.$$

Тогда их действие на сигнал определяется умножением:

$$X_0(z) = H_0(z)X(z),$$

$$X_i(z) = H_i(z)X(z), \quad i = 1, 2, \dots, N-1.$$

При вейвлет-разложении необходимо еще провести выборку элементов с номерами Nk . На уровне формальных степенных рядов эта процедура сводится к выбору элементов ряда со степенями, кратными N . Пусть $\rho = e^{i2\pi/N}$, тогда легко видеть, что

$$\frac{1}{N} (X(z) + X(\rho z) + X(\rho^2 z) + \dots + X(\rho^{N-1} z)) = \sum_k a_{Nk} z^{Nk} = \sum_k a_{Nk} (z^N)^k = A(z^N).$$

Здесь мы использовали свойство

$1 + \rho + \rho^2 + \dots + \rho^{N-1} = 0$, которое верно для любого корня $\rho \neq 1$ из единицы степени N . Таким образом, на уровне степенных рядов вейвлет-разложение производится по формулам:

$$A_0(z^N) = \frac{1}{N} \sum_{s=0}^{N-1} H_0(\rho^s z) X(\rho^s z),$$

$$A_i(z^N) = \frac{1}{N} \sum_{s=0}^{N-1} H_i(\rho^s z) X(\rho^s z), \quad i = 1, 2, \dots, N-1.$$

Восстановление производим другими фильтрами $G_i(z) = \sum_n \tilde{g}_n^i z^n$, $i = 0, 1, 2, \dots, N-1$, по формулам:

$$a_n = \sum_k \tilde{g}_{n-Nk}^0 a_{1,k} + \sum_{i=1}^{N-1} \sum_{k \in \mathbb{Z}} \tilde{g}_{n-Nk}^i d_{1,k}^i.$$

На уровне степенных рядов это означает следующее:

$$\sum_{i=0}^{N-1} G_i(z) A_i(z^N) = \frac{1}{N} \sum_{i=0}^{N-1} G_i(z) \sum_{s=0}^{N-1} H_i(\rho^s z) X(\rho^s z) = \frac{1}{N} \sum_{s=0}^{N-1} \left(\sum_{i=0}^{N-1} G_i(z) H_i(\rho^s z) \right) X(\rho^s z) = X(z).$$

Поэтому для точного восстановления достаточно, чтобы выполнялись равенства:

$$\sum_{s=0}^{N-1} G_i(\rho^s z) H_i(z) = N \quad (\text{при } s = 0),$$

$$\sum_{i=0}^{N-1} G_i(z) H_i(\rho^s z) = 0 \quad \text{для } s = 1, 2, \dots, N-1.$$

Это означает, что:

$$\begin{pmatrix} G_0(z) & G_1(z) & \dots & G_{N-1}(z) \\ G_0(\rho z) & G_1(\rho z) & \dots & G_{N-1}(\rho z) \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ G_0(\rho^{N-1} z) & G_1(\rho^{N-1} z) & \dots & G_{N-1}(\rho^{N-1} z) \end{pmatrix} \begin{pmatrix} H_0(z) & H_0(\rho z) & \dots & H_0(\rho^{N-1} z) \\ H_1(z) & H_1(\rho z) & \dots & H_1(\rho^{N-1} z) \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ H_{N-1}(z) & H_{N-1}(\rho z) & \dots & H_{N-1}(\rho^{N-1} z) \end{pmatrix} = N$$

Мы получили следующий факт.

Теорема 2. Если матрица фильтров разложения

$$H(z) = \frac{1}{\sqrt{N}} \begin{pmatrix} H_0(z) & H_0(\rho z) & \dots & H_0(\rho^{N-1} z) \\ H_1(z) & H_1(\rho z) & \dots & H_1(\rho^{N-1} z) \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ H_{N-1}(z) & H_{N-1}(\rho z) & \dots & H_{N-1}(\rho^{N-1} z) \end{pmatrix} \quad (14)$$

невырождена, то возможно точное восстановление сигнала фильтрами $G_i(z)$, $i = 0, 1, 2, \dots, N-1$, матрица которых

$$G(z) = \frac{1}{\sqrt{N}} \begin{pmatrix} G_0(z) & G_0(\rho z) & \dots & G_0(\rho^{N-1}z) \\ G_1(z) & G_1(\rho z) & \dots & G_1(\rho^{N-1}z) \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ G_{N-1}(z) & G_{N-1}(\rho z) & \dots & G_{N-1}(\rho^{N-1}z) \end{pmatrix} \quad (15)$$

является транспонированной к обратной матрице $H(z)$ исходных фильтров.

Замечание. В ортогональном случае $H(z)$ – унитарная матрица, а $G(z)$ – комплексно сопряженная к $H(z)$.

4. Вейвлеты на основе сплайнов. Предположим, что $\varphi(x)$ – B -сплайновая масштабирующая функция. Как известно, она не определяет ортогональный кратномасштабный анализ. Известно также, что ее частотная функция $H_0(\omega)$ является полиномиальной. Найдем вейвлеты $\psi^1(x), \dots, \psi^{N-1}(x)$, с полиномиальными частотными функциями, которые обеспечивают N -канальное разложение сигнала с возможностью его точного восстановления дуальными вейвлетами $\tilde{\varphi}(x), \tilde{\psi}^1(x), \dots, \tilde{\psi}^{N-1}(x)$.

4.1. Общие конструкции. Пусть $\varphi(x)$ – B -сплайновая масштабирующая функция и $H_0(\omega)$ – ее частотная функция. Пусть $H_1(\omega), \dots, H_{N-1}(\omega)$ – частотные (полиномиальные) функции фильтров разложения. Согласно теореме 2, для точного восстановления необходимо, чтобы была невырожденная матрица вида (14), где $z = e^{-i\omega}$ и $\rho = e^{i2\pi/N}$. Мы предполагаем, что сомножитель $1/\sqrt{N}$ включен в частотные функции, как в формуле (2). Матрица (14) имеет специальный вид. Оказывается, что от этого специального вида матрицы $H(z)$ можно избавиться [3] преобразованием Фурье по циклической группе $\mathbb{Z}/N\mathbb{Z} = \{1, \rho, \rho^2, \dots, \rho^{N-1}\}$. Определим

$$A_{i,j}(z) = \frac{1}{N} \sum_{w^N=z} w^{-j} H_i(w).$$

Нетрудно проверить, что сумма справа зависит от $z = w^N$. Обратное преобразование определяется формулой $H_i(z) = \sum_{j=0}^{N-1} z^j A_{i,j}(z^N)$.

Тогда последнее соотношение может быть представлено как:

$$H(z) = A(z^N)R(z) = \begin{pmatrix} 1 & 1 & \dots & 1 \\ z & \rho z & \dots & \rho^{N-1}z \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ z^{N-1} & \rho^{N-1}z^{N-1} & \dots & \rho^{(N-1)^2}z^{N-1} \end{pmatrix}. \quad (16)$$

В этом выражении матрица $A(z^N)$ является уже произвольной невырожденной матрицей с полиномиальными элементами. Специфика матрицы $H(z)$ отражена теперь в матрице $R(z)$. Задавая $A(z^N)$, мы можем построить матрицу $H(z)$ и вместе с ней частотные функции $H_1(\omega), \dots, H_{N-1}(\omega)$ вейвлетов, следовательно, и сами вейвлеты $\psi^1(x), \dots, \psi^{N-1}(x)$.

В предположении, что полиномиальная частотная функция $H_0(z)$ является заданной, можно

считать, что первая строка матрицы $A(z^N)$ известна:

$$A_{0,j}(z) = \frac{1}{N} \sum_{w^N=z} w^{-j} H_0(w).$$

Теперь нужно образовать остальные строки. Поскольку каждый элемент первой строки матрицы $A(z)$ является многочленом, то первая строка может быть представлена в виде:

$$\alpha(z) = \alpha_0 + \alpha_1 z + \dots + \alpha_{g-1} z^{g-1},$$

где $\alpha_0, \alpha_1, \dots, \alpha_{g-1}$ – g векторов из $\mathbb{C}^N$. В более общем случае

$$\alpha(z) = \alpha_0 p_0(z) + \alpha_1 p_1(z) + \dots + \alpha_{g-1} p_{g-1}(z),$$

где $\alpha_0, \alpha_1, \dots, \alpha_{g-1}$ – g линейно независимых векторов из $\mathbb{C}^N$ и $p_0(z), p_1(z), \dots, p_{g-1}(z)$ – некоторые многочлены.

Теорема 3. Пусть $\alpha = (\alpha_0, \alpha_1, \dots, \alpha_{g-1})$ – g линейно независимых векторов из $\mathbb{C}^N$ и $p_0(z), p_1(z), \dots, p_{g-1}(z)$ – некоторые многочлены, ни один из которых не обращается в нуль на единичной окружности $z = e^{it}$. Тогда существует полиномиальная петля $A(z)$ на группе $GL(N, \mathbb{C})$, такая, что первая строка из $A(z)$ есть $\sum_{i=0}^{g-1} \alpha_i p_i(z)$. При этом степень петли $A(z)$ не превосходит максимальной степени многочленов $p_i(z)$.

Доказательство. Будем использовать индукцию по максимальной степени k многочленов $p_i(z)$. Без ограничения общности можно считать, что сумма $\sum_{i=0}^{g-1} \alpha_i p_i(z)$ упорядочена по возрастанию степеней многочленов $p_i(z)$. Если $k = 0$, то α_0 – это некоторая ненулевая вектор-строка, и мы можем положить $A(z) = A$, где A – это невырожденная матрица с первой строкой α_0 .

Предположим, что $k > 0$ и что результат был доказан для всех меньших k . Мы можем считать, что $\alpha_{g-1} \neq 0$ (иначе мы попадаем в индуктивное предположение). Пусть P есть одномерная проекция на вектор α_{g-1} вдоль подпространства, образованного первыми векторами $(\alpha_0, \alpha_1, \dots, \alpha_{g-2})$. Тогда $\alpha_{g-1}P = \alpha_{g-1}$, $\alpha_i P = 0$ для $i = 0, 1, \dots, g-2$. Напомним, что оператор проектирования обладает следующими свойствами: $P^2 = P$, $P(1-P) = 0$, $(1-P)^2 = 1-P$. Теперь определим:

$$\begin{aligned} \beta(z) &= \alpha(z)(1-P + p_{g-1}(z)^{-1}P) = \\ &= (\alpha_0 p_0(z) + \alpha_1 p_1(z) + \dots + \\ &+ \alpha_{g-1} p_{g-1}(z))(1-P + p_{g-1}(z)^{-1}P) = \\ &= p_{g-1}(z)^{-1} \alpha_0 P + \\ &+ p_0(z) \alpha_0 (1-P) + p_1(z) \alpha_1 (1-P) + \\ &+ p_1(z) p_{g-1}(z)^{-1} \alpha_1 P + \dots + p_{g-1}(z) p_{g-1}(z)^{-1} \alpha_{g-1} P + \\ &+ p_{g-1}(z) \alpha_{g-1} (1-P) = \\ &= \alpha_{g-1} + \alpha_0 p_0(z) + \alpha_1 p_1(z) + \dots + \alpha_{g-2} p_{g-2}(z). \end{aligned}$$

Поэтому $\beta(z)$ есть полином по z степени, меньшей, чем k , поскольку $\deg(p_{g-2}(z)) < \deg(p_{g-1}(z)) = k$. Следовательно, по индуктивному предположению, существует полиномиальная петля $B(z)$ степени $\deg(p_{g-2}(z))$, такая, что первая строка

$B(z)$ есть $\beta(z)$. Тогда, полагая $A(z) = B(z)(1 - P + \rho_{g-1}(z)P)$, из полученного выражения для $\beta(z)$ следует, что первая строка $A(z)$ есть $\alpha(z)$. Это заканчивает индукцию и, таким образом, доказательство теоремы 3.

4.2. Фильтры разложения и восстановления на основе В-сплайнов. Как известно, частотная функция $H_0(z)$ для В-сплайновой масштабирующей функции является полиномиальной и не определяет ортогональный кратномасштабный анализ. Приведенные выше конструкции позволяют строить неортогональные вейвлеты с полиномиальными частотными функциями, для которых можно найти дуальные функции, которые обеспечивают точное восстановление сигнала.

Матрица передаточных функций $G(z)$ фильтров восстановления является транспонированной к обратной матрице $H(z)$ исходных фильтров. Поскольку $H(z) = A(z^N)R(z)$, то

$$G'(z) = H^{-1} = R^{-1}A^{-1} = \frac{1}{N} \begin{pmatrix} 1 & z^{-1} & \dots & z^{-(N-1)} \\ 1 & (\rho z)^{-1} & \dots & \rho^{-(N-1)} z^{-(N-1)} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ 1 & \rho^{-(N-1)} z^{-1} & \dots & \rho^{-(N-1)^2} z^{-(N-1)} \end{pmatrix} A(z^N)^{-1}.$$

Последняя формула дает возможность найти фильтры восстановления (дуальные вейвлеты). Пр продемонстрируем это на примере В-сплайна степени 1 и параметра масштабирования $N = 3$.

Пример 2. Пусть $N = 3$. Рассмотрим В-сплайн $\varphi(x)$ степени 1 (см. пример 1). Как мы уже ранее отмечали, частотная функция имеет вид:

$$H_0(z) = \frac{1}{3^2} z^{-2} (1 + z + z^2)^2 = \frac{1}{9} z^{-2} (1 + 2z + 3z^2 + 2z^3 + z^4).$$

$$\text{Вычислим } A_{0,j}(z) = \frac{1}{N} \sum_{w^N=z} w^{-j} H_0(w), \quad z \in \mathbb{T},$$

$j = 0, 1, 2$.

Положим $z = e^{-i\omega}$ и $\rho = e^{i2\pi/3}$, тогда, если $w_0 = e^{-i\omega/3}$, то суммирование производится по следующим значениям $w = \{w_0, \rho w_0, \rho^2 w_0\}$. В дальнейших вычислениях опустим множитель $1/9$. Тогда положим,

$m_0(z) = z^{-2} (1 + z + z^2)^2 = z^{-2} + 2z^{-1} + 3 + 2z^1 + z^2$ и вычислим преобразование Фурье на циклической группе третьего порядка $\{1, \rho, \rho^2\}$:

$$A_{0,0}(z) = \frac{1}{3} \sum_{w^3=z} m_0(w) = \frac{1}{3} (9) = 3,$$

$$A_{0,1}(z) = \frac{1}{3} \sum_{w^3=z} w^{-1} m_0(w) = \frac{1}{3} (3w^{-3} + 6) = w^{-3} + 2,$$

$$A_{0,2}(z) = \frac{1}{3} \sum_{w^3=z} w^{-2} m_0(w) = \frac{1}{3} (6w^{-3} + 3) = 2w^{-3} + 1.$$

Раскладываем первую строку по степеням с векторными коэффициентами:

$$(A_{0,0}(z), A_{0,1}(z), A_{0,2}(z)) = (3, 2 + w^{-3}, 1 + 2w^{-3}) = (3, 2, 1) + (0, 1, 2) z^{-1},$$

$$\alpha_0 = (3, 2, 1), \quad \alpha_1 = (0, 1, 2), \quad w^{-3} = z^{-1}.$$

Пусть P есть одномерная проекция на вектор α_1 вдоль α_0 , т. е., $\alpha_1 P = \alpha_1$ и $\alpha_0 P = 0$. Теперь определим:

$$\beta(z) = \alpha(z)(1 - P + zP) = (\alpha_0 + \alpha_1 z^{-1})(1 - P + zP) = \alpha_0 + \alpha_1.$$

Легко проверить, что $(1 - P + z^{-1}P)$ является обратной матрицей для $(1 - P + zP)$, поэтому $\alpha(z) = \beta(z)(1 - P + z^{-1}P) = (\alpha_0 + \alpha_1)(1 - P + z^{-1}P)$, где $\alpha_0 + \alpha_1 = (3, 3, 3)$.

Дополняем эту первую строку $\alpha_0 + \alpha_1$ до невырожденной матрицы A , например единичными строками $(0, 1, 0)$ и $(0, 0, 1)$.

Тогда $A(z) = A(1 - P + z^{-1}P)$. Найдем выражение оператора $(1 - P + z^{-1}P)$. Для этого дополним векторы $\alpha_0 = (3, 2, 1)$, $\alpha_1 = (0, 1, 2)$ до базиса $\mathbb{C}^3$.

Пусть $\alpha_2 = (0, 0, 1)$. В этом базисе оператор $(1 - P + z^{-1}P)$ принимает вид, указанный в (17):

$$1 - P + z^{-1}P = \begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 \\ 0 & z^{-1} & 0 \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix},$$

$$B = \begin{pmatrix} 3 & 2 & 1 \\ 0 & 1 & 2 \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix}, \quad B^{-1} = \begin{pmatrix} 1/3 & -2/3 & 1 \\ 0 & 1 & -2 \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix}. \quad (17)$$

Найдем их выражение в стандартном базисе e_0, e_1, e_2 пространства $\mathbb{C}^3$. Для этого найдем матрицу B перехода от одного базиса, к другому, $\alpha = Be$, $e = B^{-1}\alpha$. Пусть $P_{\alpha k}^j$ – матрица оператора $(1 - P + z^{-1}P)$ в базисе $(\alpha_0, \alpha_1, \alpha_2)$. Матрица оператора $(1 - P + z^{-1}P)$ в стандартном базисе вычисляется по формуле $P_e = B^{-1}P_{\alpha}B$, $P_{es}^p = (B^{-1})_s^k P_{\alpha k}^j B_j^p$. Тогда оператор $(1 - P + z^{-1}P)$ в стандартном базисе имеет матрицу:

$$P_e(z) = \begin{pmatrix} 1/3 & -2/3 & 1 \\ 0 & 1 & -2 \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 \\ 0 & z^{-1} & 0 \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} 3 & 2 & 1 \\ 0 & 1 & 2 \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 & 2/3(1-z^{-1}) & 4/3(1-z^{-1}) \\ 0 & z^{-1} & -2(1-z^{-1}) \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix}.$$

Это позволяет вычислить полиномиальную матрицу:

$$A(z) = AP_e = \begin{pmatrix} 3 & 3 & 3 \\ 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} 1 & 2/3(1-z^{-1}) & 4/3(1-z^{-1}) \\ 0 & z^{-1} & -2(1-z^{-1}) \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 3 & 2+z^{-1} & 1+2z^{-1} \\ 0 & z^{-1} & -2(1-z^{-1}) \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix}.$$

Вычислим матрицу частотных функций по формуле: $H(z) = A(z^N)R(z)$,

$$\begin{pmatrix} m_0(z) & m_0(\rho z) & m_0(\rho^2 z) \\ m_1(z) & m_1(\rho z) & m_1(\rho^2 z) \\ m_2(z) & m_2(\rho z) & m_2(\rho^2 z) \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 3 & 2+z^{-3} & 1+2z^{-3} \\ 0 & z^{-3} & -2(1-z^{-3}) \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} 1 & 1 & 1 \\ z & \rho z & \rho^2 z \\ z^2 & \rho^2 z^2 & \rho^4 z^2 \end{pmatrix}.$$

Получаем: $m_0(z) = z^{-2} + 2z^{-1} + 3 + 2z^1 + z^2$, $m_1(z) = z^{-2} + 2z^{-1} - 2z^2$, $m_2(z) = z^2$.

Поэтому $H_0(z) = \frac{1}{9}(z^{-2} + 2z^{-1} + 3 + 2z^1 + z^2)$, $H_1(z) = \frac{1}{9}(z^{-2} + 2z^{-1} - 2z^2)$, $H_2(z) = \frac{1}{9}z^2$.

Матрица $G(z)$ фильтров восстановления находится обращением матрицы $H(z)$, $G(z) = R(z)^{-1}A(z^N)^{-1}$,

$$\begin{pmatrix} G_0(z) & G_1(z) & G_2(z) \\ G_0(\rho z) & G_1(\rho z) & G_2(\rho z) \\ G_0(\rho^2 z) & G_1(\rho^2 z) & G_2(\rho^2 z) \end{pmatrix} = 3 \begin{pmatrix} 1 & z^{-1} & z^{-2} \\ 1 & \rho^{-1}z^{-1} & \rho^{-2}z^{-2} \\ 1 & \rho^{-2}z^{-1} & \rho^{-4}z^{-2} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} 1/3 & -1/3(1+2z^3) & 1/3(1-4z^3) \\ 0 & z^3 & -2(1-z^3) \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix}.$$

При этом нужно учесть, что при вейвлет-разложении участвуют сопряженные фильтры вейвлетов. Это означает, что следует обращать матрицу $H(z)$, с комплексно сопряженными элементами. Поскольку коэффициенты фильтров вещественные, достаточно заменить $z = e^{-i\omega}$ на z^{-1} . Выбираем элементы первой строки и получаем следующие фильтры восстановления: $G_0(z) = 1$, $G_1(z) = -2z^{-3} + 3z^{-2} - 1$, $G_2(z) = -4z^{-3} + 6z^{-2} + 1 - 6z + 3z^2$.

Таким образом, фильтры восстановления имеют следующие ненулевые элементы: $\tilde{h}_0 = \sqrt{3}$, $\tilde{g}_{-3}^1 = -2\sqrt{3}$, $\tilde{g}_{-2}^1 = 3\sqrt{3}$, $\tilde{g}_0^1 = -\sqrt{3}$, $\tilde{g}_{-3}^2 = -4\sqrt{3}$, $\tilde{g}_{-2}^2 = 6\sqrt{3}$, $\tilde{g}_0^2 = \sqrt{3}$, $\tilde{g}_1^2 = -6\sqrt{3}$, $\tilde{g}_2^2 = 3\sqrt{3}$.

УДК 514.76

ЛЕВОИНВАРИАНТНЫЕ КОНТАКТНЫЕ МЕТРИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ НА ПЯТИМЕРНОЙ ГРУППЕ ЛИ ГЕЙЗЕНБЕРГА

Я. В. Славолюбова

В данной статье рассматриваются левоинвариантные контактные метрические структуры на пятимерной группе Гейзенберга. Среди общего шестипараметрического класса таких структур подробно рассмотрены три подкласса. Проверены условия нормальности, К-контактности. Вычислены секционные кривизны, скалярные кривизны ассоциированных метрик и квадраты норм тензоров кривизны, Риччи и тензора кручения $N^{(1)}$.

Литература

1. Добеши, И. Десять лекций по вейвлетам / И. Добеши. – М.; Ижевск: РХД, 2001. – 494 с.
2. Смоленцев, Н. К. Основы теории вейвлетов. Вейвлеты в MATLAB / Н. К. Смоленцев. – М., ДМК Пресс, 2005. – 303 с.
3. Bratteli, O. T. Wavelet filters and infinite-dimensional unitary groups / O. Bratteli, P. E. Jorgensen // <http://arXiv.org/math>. FA/0001171 v 3, 2000. – 31 p.
4. Smolentsev, N. K. Construction of some types wavelets with coefficient of scaling N / N. K. Smolentsev, P. N. Podkur // <http://arXiv.org/math>. FA/0612573v1, 2006. – 19 p.

1. Предварительные сведения. Напомним основные понятия о контактных многообразиях.

Определение 1. Дифференцируемое $(2n+1)$ -мерное многообразие M класса C^∞ называется *контактным многообразием*, если на нём задана дифференциальная 1-форма η , такая, что $\eta \wedge (d\eta)^n \neq 0$ всюду на M^{2n+1} . Форма η называется *контактной формой*.

Контактная форма определяет на многообразии M^{2n+1} распределение

$E = \{X \in TM^{2n+1} \mid \eta(X) = 0\}$ размерности $2n$, которое называется *контактным распределением*. Кроме того, контактное многообразие M^{2n+1} имеет всюду ненулевое векторное поле, обозначаемое ξ , которое определяется свойствами: $\eta(\xi) = 1$ и $d\eta(\xi, X) = 0$, для всех векторных полей X на M^{2n+1} . Векторное поле ξ определяет одномерное распределение, дополнительное к E . Векторное поле ξ называется *полем Рибба* или *характеристическим векторным полем* контактной структуры.

Определение 2. Если M^{2n+1} контактное многообразие с контактной формой η , то контактной метрической структурой называется четвёрка (η, ξ, φ, g) , где ξ – поле Рибба, g – риманова метрика и φ – аффинор на M^{2n+1} , для которой имеют место следующие свойства:

1. $\varphi^2 = -I + \eta \otimes \xi$.
2. $d\eta(X, Y) = g(X, \varphi Y)$.
3. $g(\varphi X, \varphi Y) = g(X, Y) - \eta(X)\eta(Y)$.

Риманова метрика g контактной метрической структуры называется [1] *ассоциированной*. Из третьего свойства сразу следует, что ассоциированная метрика для контактной структуры η полностью определяется аффинором φ :

$$g(X, Y) = d\eta(\varphi X, Y) + \eta(X)\eta(Y). \quad (1.1)$$

Поэтому мы ассоциированные метрики будем задавать аффинором φ . Отметим также, что аффинор φ действует как почти комплексная структура в контактном распределении E .

Напомним [1], что почти контактной структурой на многообразии M^{2n+1} называется тройка (η, ξ, φ) , где η – некоторая 1-форма (не обязательно контактная), ξ – некоторое векторное поле (не обязательно характеристическое) и φ – аффинор на M^{2n+1} , для которой имеют место следующие свойства:

$$\eta(\xi) = 1 \text{ и } \varphi^2 = -I + \eta \otimes \xi. \quad (1.2)$$

Пусть M^{2n+1} почти контактное многообразие с почти контактной структурой (η, ξ, φ) . Рассмотрим многообразие $M^{2n+1} \times \mathbf{R}$. Векторное поле на $M^{2n+1} \times \mathbf{R}$ задается парой $(X, f\partial_t)$, где X – векторное поле, касательное к M^{2n+1} , t – координата из $\mathbf{R}$ и f – функция класса C^∞ на $M^{2n+1} \times \mathbf{R}$. Определим почти комплексную структуру J на $M^{2n+1} \times \mathbf{R}$ с помощью оператора J , действующего по формуле

$$J(X, f\partial_t) = (\varphi X - f\xi, \eta(X)\partial_t).$$

Очевидно, что $J^2 = -I$, $J(\xi) = \partial_t$, $J(\partial_t) = -\xi$, $J(X) = \varphi(X)$, если $X \in E$. Если J интегрируемая, то почти контактная структура (η, ξ, φ) называется *нормальной* [1].

Определение 3. Если контактная метрическая структура (η, ξ, φ, g) является нормальной, то она называется *нормальной контактной метрикой* или *структурой Сасаки* [1].

На контактном многообразии определены четыре тензора [1] $N^{(1)}$, $N^{(2)}$, $N^{(3)}$, $N^{(4)}$ следующими выражениями:

$$N^{(1)}(X, Y) = [\varphi, \varphi](X, Y) + 2d\eta(X, Y)\xi,$$

$$N^{(2)}(X, Y) = (L_{\varphi X}\eta)(Y) - (L_{\varphi Y}\eta)(X),$$

$$N^{(3)}(X, Y) = (L_\xi \varphi)X, \quad N^{(4)}(X, Y) = (L_\xi \eta)(X).$$

Как известно [1], почти контактная структура (η, ξ, φ) является нормальной, если и только если эти четыре тензора нулевые. Обращение в нуль тензора $N^{(1)}$ означает [1] обращение в нуль тензоров $N^{(2)}$, $N^{(3)}$ и $N^{(4)}$, так что условие нормальности выражается следующим равенством:

$$[\varphi, \varphi] + 2d\eta \otimes \xi = 0.$$

Известно также [1], что для контактной метрической структуры (η, ξ, φ, g) тензоры $N^{(2)}$ и $N^{(4)}$ являются нулевыми. Кроме того, $N^{(3)}$ обращается в нуль, если и только если характеристическое векторное поле ξ является киллинговым относительно метрики g .

Пусть M^{2n+1} – контактное метрическое многообразие, такое что η – контактная форма и (η, ξ, φ, g) – ассоциированная почти контактная метрическая структура. Если характеристическое векторное поле ξ порождает группу изометрий g , то есть ξ – векторное поле Киллинга относительно g , то такую контактную метрическую структуру называют *K-контактной структурой* [1].

Замечание 1. Контактная метрическая структура является *K-контактной*, если и только если $L_\xi \varphi = N^{(3)} = 0$ [1].

2. Левинвариантные контактные структуры на группе Ли Гейзенберга H^5 размерности 5. Если в качестве многообразия рассматривается группа Ли, то естественно рассматривать левинвариантную контактную структуру. В этом случае контактная форма η , векторное поле Рибба ξ , аффинор φ и ассоциированная метрика g задаются своими значениями в единице.

Рассмотрим группу Ли Гейзенберга H^5 . Ее алгебра Ли образована следующими матрицами:

$$H^5 = \begin{pmatrix} 0 & x_2 & x_4 & x_5 \\ 0 & 0 & 0 & x_1 \\ 0 & 0 & 0 & x_3 \\ 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix}, x_i \in \mathbf{R}.$$

Выберем в алгебре Ли H^5 базис $(e_1, e_2, e_3, e_4, e_5)$, состоящий из матриц из нулей с единицами только на местах, соответствующих координатным осям $(x_1, x_2, x_3, x_4, x_5)$. Тогда скобки Ли в базисе $(e_1, e_2, e_3, e_4, e_5)$ будут иметь вид, $[e_2, e_1] = e_5$, $[e_4, e_3] = e_5$. Следовательно, ненулевые структурные константы следующие:

$$C_{12}^5 = -C_{21}^5 = -1, \quad C_{34}^5 = -C_{43}^5 = -1.$$

Алгебра Ли Гейзенберга является [2] контактной алгеброй Ли с контактной формой $\eta = e_5^* = e^5$. Легко видеть, что дифференциал $d\eta$ формы η имеет вид, $d\eta = e_1^* \wedge e_2^* + e_3^* \wedge e_4^*$. Таким образом, вектор e_5 является характеристическим векторным полем ξ данной контактной структуры, $\xi = e_5$, так как он удовлетворяет свойствам

$\eta(\xi)=1$ и $d\eta(\xi, X)=0$ для всех векторных полей X в H^5 .

Контактное распределение, ядро формы η , является левоинвариантным распределением, заданным подпространством E^4 в алгебре Ли Гейзенберга, $E^4 = \mathbf{R}\{e_1, e_2, e_3, e_4\}$.

Алгебра Ли Гейзенберга имеет нетривиальный центр $Z(H^5) = e_5$. Данная контактная алгебра Ли получена центральным расширением

$E^4 \times_{d\eta} R$ симплектической коммутативной алгебры Ли $(E^4, d\eta)$ с помощью невырожденного 2-коцикла $d\eta$ [2].

3. Вычислительные формулы. Приведем выражения всех необходимых тензоров левоинвариантной контактной метрической структуры на группе Ли.

Замечание 2. В книге Блэра [1] принято определение внешнего произведения в соответствии с [4]. Мы принимаем определение внешнего произведения, основанное на формуле:

$$dx \wedge dy = dx \otimes dy - dy \otimes dx.$$

Разница проявляется в том, что в книге Блэра внешний дифференциал выражается формулой

$$d\eta(X, Y) = -\frac{1}{2}\eta([X, Y]), \text{ а у нас:}$$

$$d\eta(X, Y) = -\eta([X, Y]).$$

В частности,

$$N^{(1)}(X, Y) = [\varphi, \varphi](X, Y) + d\eta(X, Y)\xi.$$

Ассоциированную метрику мы определим по той же формуле:

$$g(X, Y) = d\eta(\varphi X, Y) + \eta(X)\eta(Y).$$

Отметим, что теперь она отличается от ассоциированной метрики (1.1) Блэра [1]: слагаемое $d\eta(\varphi X, Y)$ теперь стало в два раза больше.

3.1. Тензоры $N^{(n)}$. Напомним, что $N^{(1)}(X, Y) = [\varphi, \varphi](X, Y) + d\eta(X, Y)\xi$, где кручение Нейенхейса $[\varphi, \varphi]$ тензорного поля φ типа (1,1) является тензорным полем типа (1,2), заданным выражением:

$$[\varphi, \varphi](X, Y) = \varphi^2[X, Y] + [\varphi X, \varphi Y] - \varphi[\varphi X, Y] - \varphi[X, \varphi Y].$$

В левоинвариантном базисе $\{e_i\}$ имеем:

$$\begin{aligned} [\varphi, \varphi](e_i, e_j) &= \varphi^2[e_i, e_j] + \\ &+ [\varphi e_i, \varphi e_j] - \varphi[\varphi e_i, e_j] - \varphi[e_i, \varphi e_j] = \\ &= \varphi^2(C_{ij}^k e_k) + [\varphi^i e_i, \varphi^j e_j] - \varphi[\varphi^i e_i, e_j] - \varphi[e_i, \varphi^j e_j] = \\ &= C_{ij}^k (\varphi^2)_i^l e_k + C_{is}^k \varphi^l \varphi_j^s e_k - \varphi^l \varphi(C_{ij}^s e_s) - \varphi_j^l \varphi(C_{ii}^s e_s) = \\ &= (\varphi_s^i \varphi_l^s C_{ij}^k + C_{is}^k \varphi_l^i \varphi_j^s - \varphi_s^k C_{ij}^l \varphi_i^s - \varphi_s^k C_{ii}^l \varphi_j^s) e_k. \end{aligned}$$

А также распишем слагаемое $d\eta(X, Y)\xi$ на базисных векторах $\{e_i\}$, обозначив его предварительно $Q(X, Y) = d\eta(X, Y)\xi$, $Q(e_i, e_j) = Q_{ij}^k e_k$. Поскольку $Q(X, Y) = d\eta(X, Y)\xi$ и $\xi = e_5$, то

$$Q(e_i, e_j) = Q_{ij}^5 e_5.$$

Учитывая, что $d\eta(X, Y) = g(X, \varphi Y)$, имеем:

$$Q(e_i, e_j) = d\eta(e_i, e_j)e_5 = d\eta_{ij}e_5 = g_{is}\varphi_j^s e_5.$$

Поэтому $Q_{ij}^5 = g_{is}\varphi_j^s e_5$, а остальные компоненты являются нулевыми. Поскольку $N^{(1)}(e_i, e_j)$ является векторным полем, следовательно, $N^{(1)}(e_i, e_j)$ раскладывается по базису, а именно:

$N^{(1)}(e_i, e_j) = N^{(1)k}_{ij} e_k$. В базисе $\{e_i\}$ имеем окончательно:

$$\begin{aligned} N^{(1)k}_{ij} &= \varphi_s^k \varphi_i^s C_{ij}^l + C_{is}^k \varphi_l^i \varphi_j^s - \\ &- \varphi_s^k C_{ij}^s \varphi_l^i - \varphi_s^k C_{il}^s \varphi_j^l + Q_{ij}^k, \end{aligned} \quad (3.1)$$

где $Q_{ij}^k = d\eta_{ij} = g_{is}\varphi_j^s$ при $k = 5$, и $Q_{ij}^k = 0$ при $k = 1, 4$.

Рассмотрим также тензоры $N^{(2)}$, $N^{(3)}$ и $N^{(4)}$. Известно [1], что для любой контактной метрической структуры (η, ξ, φ, g) тензоры $N^{(2)}$ и $N^{(4)}$ нулевые [1]. Рассмотрим тензор $N^{(3)}$. Найдём выражение производной Ли $(L_\xi \varphi)X$:

$$\begin{aligned} L_\xi(\varphi(X)) &= (L_\xi \varphi)(X) + \varphi(L_\xi(X)), \\ [\xi, \varphi(X)] &= (L_\xi \varphi)(X) + \varphi([\xi, X]), \\ (L_\xi \varphi)(X) &= [\xi, \varphi(X)] - \varphi([\xi, X]). \end{aligned}$$

Поскольку $N^{(3)}(e_i)$ является векторным полем, следовательно $N^{(3)}(e_i)$ раскладывается по базису, а именно $N^{(3)}(e_i) = N^{(3)k}_i e_k$. В базисе $\{e_i\}$ имеем:

$$\begin{aligned} (L_\xi \varphi)e_i &= [e_5, \varphi(e_i)] - \varphi([e_5, e_i]) = \\ &= [e_5, \varphi^i e_i] - \varphi(C_{5i}^s e_s) = \varphi^s C_{5s}^i e_k - C_{5i}^s \varphi^k e_k = \\ &= (\varphi^s C_{5s}^k - C_{5i}^s \varphi^k) e_k, \\ N^{(3)k}_i e_k &= (\varphi^s C_{5s}^k - C_{5i}^s \varphi^k) e_k, \\ N^{(3)k}_i &= \varphi^s C_{5s}^k - C_{5i}^s \varphi^k. \end{aligned} \quad (3.2)$$

3.2. Тензор кривизны ассоциированной метрики. Компоненты связности Γ_{ij}^k ,

$\nabla_{e_i} e_j = \Gamma_{ij}^k e_k$ находим из шестичленной формулы [4], которая для левоинвариантных векторных полей X, Y, Z и левоинвариантной метрики на группе Ли принимает вид:

$$2g(\nabla_X Y, Z) = g([X, Y], Z) + g([Z, X], Y) - g([Y, Z], X)$$

В базисе $\{e_i\}$ имеем:

$$\begin{aligned} 2g(\nabla_{e_i} e_j, e_k) &= g([e_i, e_j], e_k) + \\ &+ g([e_k, e_i], e_j) - g([e_j, e_k], e_i), \end{aligned}$$

поэтому:

$$\Gamma_{ij}^p = \frac{1}{2}(C_{ij}^p + g_{js} C_{ki}^s g^{kp} + g_{is} C_{kj}^s g^{kp}). \quad (3.3)$$

Тензор кривизны определяется по формуле: $R(X, Y)Z = \nabla_X \nabla_Y Z - \nabla_Y \nabla_X Z - \nabla_{[X, Y]}Z$. В базисе e_i , e_j для $R(e_i, e_j)e_k = R_{ijk}^s e_s$ имеем:

$$R_{ijk}^s = \Gamma_{ip}^s \Gamma_{jk}^p - \Gamma_{jp}^s \Gamma_{ik}^p - \Gamma_{pk}^s C_{ij}^p. \quad (3.4)$$

3.3. Тензор Риччи, секционная и скалярная кривизны. Тензор Риччи определяется как свёртка тензора кривизны по первому и по четвёртому (верхнему) индексам: $Ric_{jk} = R_{ijk}^i$. Секционная кривизна $k(e_i, e_j) = k_{ij}$ в направлении координатных площадок вычисляется по формуле:

$$k(e_i, e_j) = \frac{g(R(e_i, e_j)e_j, e_i)}{g(e_i, e_i)g(e_j, e_j) - g(e_i, e_j)^2} = \frac{g(R_{ij}^k e_k, e_i)}{g_{ii}g_{jj} - g_{ij}^2} = \frac{g_{ki}R_{ij}^k}{g_{ii}g_{jj} - g_{ij}^2}. \quad (3.5)$$

Скалярная кривизна определяется как свёртка тензора Риччи: $S = g^{jk} Ric_{jk}$.

3.4. Нормы тензоров. Квадраты норм тензоров кручения, Римана и Риччи вычисляются по формулам:

$$\begin{aligned} \|N^{(1)}\|^2 &= g_{kq} g^{is} g^{jp} N_{ij}^{(1)k} N_{sp}^{(1)q}, \\ \|R\|^2 &= g^{ip} g^{jr} g^{ks} g_{il} R_{jrk}^l R_{prs}^i, \\ \|Ric\|^2 &= g^{ik} g^{jl} Ric_{ij} Ric_{kl}. \end{aligned} \quad (3.6)$$

4. Ассоциированные контактные метрические структуры на (H^5, η) . На контактной алгебре Ли можно определить аффино́р φ , который обладает свойствами: $\varphi^2|_{E^4} = -I$, $\varphi\xi = 0$ и $\varphi^2 = -I + \eta \otimes \xi$.

Отметим, что такой аффино́р задаётся неоднозначно. Как уже отмечалось, для контактной формы η аффино́р φ определяет ассоциированную метрику g по формуле: $g(X, Y) = d\eta(\varphi X, Y) + \eta(X)\eta(Y)$. Мы будем рассматривать более общую (псевдо) риманову метрику вида:

$$g_\lambda(X, Y) = d\eta(\varphi X, Y) + \lambda \eta(X)\eta(Y). \quad (4.1)$$

Параметр λ обеспечивает растяжение ассоциированной метрики вдоль характеристического векторного поля ξ . Если $\lambda < 0$, то получается псевдориманова метрика.

$$\varphi|_{E^4} = -\frac{1}{1-u^2-v^2} \begin{pmatrix} 0 & 1+u^2+v^2 & 2v & -2u \\ -(1+u^2+v^2) & 0 & -2u & -2v \\ 2v & -2u & 0 & 1+u^2+v^2 \\ -2u & -2v & -(1+u^2+v^2) & 0 \end{pmatrix}. \quad (4.3)$$

Условие невырожденности:

$\det(I - P^2) = (1 - u^2 - v^2)^4 \neq 0$ принимает вид $u^2 + v^2 \neq 1$. Будем считать, что параметры u и v достаточно малые, сумма их квадратов меньше единицы. Соответствующая ассоциированная метрика определяется из (4.1). Получим выражение матрицы

Зафиксируем аффино́р φ_0 , который действует на базисных векторах e_1, e_2, e_3, e_4, e_5 следующим образом: $\varphi_0(e_1) = e_2$, $\varphi_0(e_2) = -e_1$, $\varphi_0(e_3) = e_4$, $\varphi_0(e_4) = -e_3$, $\varphi_0(e_5) = 0$. Зафиксируем также метрику $g_0 = e_1^2 + e_2^2 + e_3^2 + e_4^2 + \lambda e_5^2$. Известно [3], что при выбранной ассоциированной метрике g_0 и аффино́ре φ_0 , каждый новый аффино́р φ задаётся оператором P , который обладает свойствами:

1) P антикоммутирует с аффино́ром φ_0 , $P\varphi_0 = -\varphi_0 P$;

2) P симметричен относительно метрики g_0 , соответствующей φ_0 , то есть матрица Pg_0 - симметричная;

3) $I - P^2$ - невырожденная.

$$\text{Тогда } \varphi = \varphi_0(I + P)(I - P)^{-1}. \quad (4.2)$$

Из свойств оператора P следует, что $P(\xi) = 0$, а на контактном подпространстве E^4 он имеет блочный вид: $P = \begin{pmatrix} A & B \\ B & D \end{pmatrix}$, где A, B, D - симметричные матрицы вида:

$$A = \begin{pmatrix} s & t \\ t & -s \end{pmatrix}, B = \begin{pmatrix} u & v \\ v & -u \end{pmatrix}, D = \begin{pmatrix} x & y \\ y & -x \end{pmatrix}.$$

Рассмотрим сначала несколько частных классов ассоциированных метрик, для которых аффино́р φ задаётся матрицей P вида:

$$P = \begin{pmatrix} 0 & B \\ B & 0 \end{pmatrix}, P = \begin{pmatrix} A & 0 \\ 0 & D \end{pmatrix}.$$

Тогда ассоциированные метрики и контактные метрические структуры могут быть найдены в явном виде и доступны для исследования.

Случай 1. Пусть оператор P имеет вид $P = \begin{pmatrix} 0 & B \\ B & 0 \end{pmatrix}$, где $B = \begin{pmatrix} u & v \\ v & -u \end{pmatrix}$. Тогда аффино́р φ

определяется тем, что $\varphi(e_5) = 0$, а на контактном распределении E^4 он вычисляется на основе формулы $\varphi|_{E^4} = \varphi_0|_{E^4}(I + P)(I - P)^{-1}$ и задаётся матрицей:

ассоциированной метрики в выбранном базисе $\{e_i\}$: $g_{ij} = d\eta_{ik}\varphi_j^k + \lambda \eta_i \eta_j$.

Нетрудно заметить, что компоненты метрического тензора g_λ на контактном распределении E^4 определяются равенством $g_{ij}|_{E^4} = (d\eta)_{ik}\varphi_j^k$.

В результате вычислений в системе Maple 9 компоненты блока $g|_{E^4}$ ассоциированной метрики

$g_\lambda = \begin{pmatrix} g|_{E^4} & 0 \\ 0 & \lambda \end{pmatrix}$, соответствующей вышеприведён-
ному аффинору φ , получились следующие:

$$g|_{E^4} = \frac{1}{1-u^2-v^2} \begin{pmatrix} 1+u^2+v^2 & 0 & 2u & 2v \\ 0 & 1+u^2+v^2 & 2v & -2u \\ 2u & 2v & 1+u^2+v^2 & 0 \\ 2v & -2u & 0 & 1+u^2+v^2 \end{pmatrix}. \quad (4.4)$$

Секционные кривизны $K_{\{i,j\}}$ в направлении координатных площадок векторов базиса принимают следующие значения:

$$K_{\{1,2\}} = -\frac{3\lambda(1-w)^2}{4(1+w)^2}; \quad K_{\{1,3\}} = 0; \quad K_{\{1,4\}} = 0;$$

$$K_{\{2,3\}} = 0; \quad K_{\{2,4\}} = 0; \quad K_{\{3,4\}} = -\frac{3\lambda(1-w)^2}{4(1+w)^2};$$

где $w = u^2 + v^2$.

Случай 2. Пусть оператор P имеет вид:

$$P = \begin{pmatrix} A & 0 \\ 0 & D \end{pmatrix}, \text{ где } A = \begin{pmatrix} s & t \\ t & -s \end{pmatrix}, \quad D = \begin{pmatrix} x & y \\ y & -x \end{pmatrix}. \text{ То-}$$

гда аффинор φ , ассоциированная метрика g_λ задаются матрицами:

$$\varphi|_{E^4} = \begin{pmatrix} \frac{-2t}{1-s^2-t^2} & \frac{-(1-s)^2+t^2}{1-s^2-t^2} & 0 & 0 \\ \frac{(1+s)^2+t^2}{1-s^2-t^2} & \frac{2t}{1-s^2-t^2} & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \frac{-2y}{1-x^2-y^2} & \frac{-(1-x)^2+y^2}{1-x^2-y^2} \\ 0 & 0 & \frac{(1+x)^2+y^2}{1-x^2-y^2} & \frac{2y}{1-x^2-y^2} \end{pmatrix}, \quad (4.5)$$

$$g_{ij}|_{E^4} = \begin{pmatrix} \frac{(1+s)^2+t^2}{1-s^2-t^2} & \frac{2t}{1-s^2-t^2} & 0 & 0 \\ \frac{2t}{1-s^2-t^2} & \frac{(1-s)^2+t^2}{1-s^2-t^2} & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \frac{(1+x)^2+y^2}{1-x^2-y^2} & \frac{2y}{1-x^2-y^2} \\ 0 & 0 & \frac{2y}{1-x^2-y^2} & \frac{(1-x)^2+y^2}{1-x^2-y^2} \end{pmatrix}. \quad (4.6)$$

Секционные кривизны $K_{\{i,j\}}$ в направлении координатных площадок векторов базиса не зависят от параметров s, t, x, y и принимают следующие значения:

$$K_{\{1,2\}} = -\frac{3\lambda}{4}; \quad K_{\{1,3\}} = 0; \quad K_{\{1,4\}} = 0;$$

$$K_{\{2,3\}} = 0; \quad K_{\{2,4\}} = 0; \quad K_{\{3,4\}} = -\frac{3\lambda}{4}.$$

Рассмотрим также отдельно два частных случая.

Случай 2.1. Пусть оператор P имеет вид

$$P = \begin{pmatrix} A & 0 \\ 0 & 0 \end{pmatrix}, \text{ где } A = \begin{pmatrix} s & t \\ t & -s \end{pmatrix}. \text{ Тогда аффинор } \varphi$$

задаётся матрицей:

$$\varphi|_{E^4} = -\frac{1}{1-s^2-t^2} \begin{pmatrix} 2t & t^2+(1-s)^2 & 0 & 0 \\ -t^2-(1+s)^2 & -2t & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1-s^2-t^2 \\ 0 & 0 & -(1-s^2-t^2) & 0 \end{pmatrix}. \quad (4.7)$$

Условие невырожденности: $\det(I - P^2) = (1-s^2-t^2)^2 \neq 0$, $s^2+t^2 \neq 1$, где параметры s и t достаточно малые, сумма их квадратов меньше единицы.

Ассоциированная метрика g_λ задаётся матрицей следующего вида:

$$g_{ij}|_{E^4} = \frac{1}{1-s^2-t^2} \begin{pmatrix} t^2 + (1+s)^2 & 2t & 0 & 0 \\ 2t & t^2 + (1-s)^2 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1-s^2-t^2 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1-s^2-t^2 \end{pmatrix}. \quad (4.8)$$

Секционные кривизны $K_{\{i,j\}}$ в направлении координатных площадок векторов базиса не зависят от параметров s, t, x, y и принимают следующие значения: $K_{\{1,2\}} = -\frac{3\lambda}{4}$; $K_{\{1,3\}} = 0$; $K_{\{1,4\}} = 0$; $K_{\{2,3\}} = 0$; $K_{\{2,4\}} = 0$; $K_{\{3,4\}} = -\frac{3\lambda}{4}$.

Случай 2.2. Пусть оператор P имеет вид $P = \begin{pmatrix} 0 & 0 \\ 0 & D \end{pmatrix}$, где $D = \begin{pmatrix} x & y \\ y & -x \end{pmatrix}$. Тогда аффинор φ задаётся матрицей:

$$\varphi|_{E^4} = -\frac{1}{1-x^2-y^2} \begin{pmatrix} 0 & 1-x^2-y^2 & 0 & 0 \\ -(1-x^2-y^2) & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 2y & y^2+(1-x)^2 \\ 0 & 0 & -(y^2+(1+x)^2) & -2y \end{pmatrix}. \quad (4.9)$$

Условие невырожденности: $\det(I - P^2) = (1-x^2-y^2)^2 \neq 0$, $x^2+y^2 \neq 1$. Предполагаем, что параметры x и y достаточно малые, сумма их квадратов меньше единицы.

Ассоциированная метрика g_λ задаётся следующей матрицей:

$$g_{ij}|_{E^4} = \frac{1}{1-x^2-y^2} \begin{pmatrix} 1-x^2-y^2 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 1-x^2-y^2 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & y^2+(1+x)^2 & 2y \\ 0 & 0 & 2y & y^2+(1-x)^2 \end{pmatrix}. \quad (4.10)$$

Секционные кривизны $K_{\{i,j\}}$ в направлении координатных площадок векторов базиса принимают следующие значения: $K_{\{1,2\}} = -\frac{3\lambda}{4}$; $K_{\{1,3\}} = 0$; $K_{\{1,4\}} = 0$; $K_{\{2,3\}} = 0$; $K_{\{2,4\}} = 0$; $K_{\{3,4\}} = -\frac{3\lambda}{4}$.

В общем случае, для любой ассоциированной метрики вида $g_\lambda(X, Y) = d\eta(\varphi X, Y) + \lambda\eta(X)\eta(Y)$ имеет место.

Теорема. Любая контактная метрическая структура $(\eta, \xi, \varphi, g_\lambda)$ на группе Ли Гейзенберга H^5 является K -контактной структурой Сасаки.

Квадраты норм тензора Риччи и тензора Римана ассоциированной левоинвариантной метрики g_λ принимают следующие значения: $\|Ric\|^2 = 2\lambda^2$,

$$\|Riem\|^2 = \frac{17}{2}\lambda^2.$$

Для любой контактной метрической структуры $(\eta, \xi, \varphi, g_\lambda)$ на группе Ли Гейзенберга H^5 тензор Риччи, $Ric(X, Y) = g_\lambda(AX, Y)$ имеет следующую матрицу:

$$A = \begin{pmatrix} -\frac{\lambda}{2} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & -\frac{\lambda}{2} & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & -\frac{\lambda}{2} & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -\frac{\lambda}{2} & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & \lambda \end{pmatrix}$$

Скалярная кривизна ассоциированной левоинвариантной метрики g_λ постоянна и принимает значение -5λ , $S = -5\lambda$.

Литература

1. Blair, D. E. Contact Manifolds in Riemannian Geometry. Lecture Notes in Mathematics / D. E. Blair. – Springer-Verlag; Berlin Heidelberg; New York, 1976.
2. Diatta, A. Left invariant contact structures on Lie groups / A. Diatta // arXiv: math. DG/0403555 v 2, 24 Sep, 2004.
3. Смоленцев, Н. К. Пространства римановых метрик / Н. К. Смоленцев // Современная математика и её приложения. – 2003. – Т. 31. – С. 69 – 146.
4. Кобаяси, Ш. Основы дифференциальной геометрии / Ш. Кобаяси, К. Намидзу. – М.: Наука, 1981. – Т. 1, 2.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

**ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
БУДУЩЕГО ЭКОНОМИСТА***О. В. Жиронкина, Л. С. Жиронкина*

В условиях рыночных отношений, характеризующихся многообразием форм собственности, действием механизма конкуренции и государственным регулированием экономики, основным фактором стабильного получения прибыли является обеспечение конкурентоспособности выпускаемого объекта. В рамках системы высшего экономического образования таким объектом является выпускник, владеющий определенным объемом знаний и умений профессионального характера, а также обладающий высоким уровнем сформированности профессионально значимыми качествами. Уровень сформированности этих качеств, во многом влияющих на успешность будущей профессиональной деятельности, определяется качеством вузовской подготовки выпускника.

Формирование профессионально значимых качеств в экономическом вузе происходит при изучении не только профессиональных, но и общеобразовательных дисциплин, таких как история, политология, философия, иностранный язык и др. К профессионально значимым качествам, способствующим успешной профессиональной деятельности в области экономики и соответствующим современным требованиям профессии относятся следующие: креативность, ассоциативность мышления, аналитичность мышления, инициативность, ответственность, социальная активность, коммуникабельность, лидерство.

В рамках изучения иностранного языка, с целью повышения эффективности этого процесса на этапе вузовской подготовки, можно говорить о необходимости вариативного применения разнообразных методов обучения. Под методом понимается способ или совокупность приемов деятельности по достижению поставленной цели – формирования профессионально значимых качеств будущих экономистов и развития экономического мышления. Вариативность представляет собой применение или сочетание тех методов, которые необходимы для формирования определенного профессионально значимого качества. При этом все методы выбираются с учетом личностного и деятельностного подходов и направлены на активное взаимодействие студентов и преподавателей, с учетом их личностных особенностей.

При вариативном использовании разнообразных методов создается определенный эмоциональный настрой и стимулируется желание обучаемых участвовать в совместной творческой деятельности. Содержание создаваемых учебных ситуаций должно отражать специфику профессиональной деятельно-

сти экономистов. К таким методам, используемым в процессе изучения иностранного языка, можно отнести организационно-деятельностные, деловые, ролевые игры, мозговой штурм, индивидуальную исследовательскую работу студентов.

Говоря об игровых методах, следует разграничивать такие понятия как организационно-деятельностные, деловые и ролевые игры. Организационно-деятельностные игры имеют следующие характеристики:

- моделирование деятельности специалистов по решению сложных проблем управления социально-экономическими системами на основе реальной информации об их состоянии;
- обеспечение различия ролевых целей и их взаимодействия;
- наличие общей цели у игрового коллектива;
- использование коллективной деятельности по выработке решений;
- наличие альтернативных вариантов решения проблемы;
- обеспечение управления эмоциональным напряжением.

Организационно-деятельностная игра ориентирована прежде всего на получение конкретного результата обсуждения проблемы. Им может быть выработка концепции развития фирмы, разработка инвестиционного проекта, написание устава фирмы и др. В рамках ролевых игр отрабатываются навыки поведения участников в определенных ситуациях. С этой целью моделируется сложная и конфликтная ситуация, в ходе проигрывания и обсуждения которой важен сам процесс взаимодействия участников.

Деловая игра – это синтез метода анализа конкретных ситуаций и ролевых игр. От других методов обучения она отличается тем, что основой деловой игры может быть модель фирмы или экономики страны, её отдельные элементы. Решения, принимаемые участниками игры на основе исходной информации, воздействуют на объект управления, вызывая изменения его исходного состояния. Деловая игра является формой воссоздания предметного и социального содержания профессиональной деятельности, моделирования отношений, характерных для данной экономической специальности. Она позволяет смоделировать более адекватные по сравнению с традиционным обучением условия формирования личности специалиста и его профессионально значимых качеств деятельности.

Деловая игра активизирует творческие особенности личности и позволяет видеть то, что не укладывается в рамки ранее усвоенных знаний, це-

лостно воспринимать ряд взаимосвязанных проблем, извлекать из памяти информацию в нужный момент, а также восполнять недостающую информацию интуитивным путём. Существует два вида целей игры: педагогические и игровые. Педагогические цели включают в себя вопросы обучения и воспитания, а игровые предназначены для создания мотива к игре и создания соответствующего эмоционального фона.

Предмет игры представляет собой деятельность ее участников, в специфической форме замещающую процесс реальной профессиональной деятельности. Он задаётся исходя из квалификационной характеристики специалиста и представляет собой перечень процессов или явлений, воссоздаваемых в деловой игре и требующих выполнения профессионально компетентных действий. Таким образом, предмет игры составляет воспроизведение в учебных условиях значимых моментов в профессиональной деятельности обучаемых, управление меняющимися условиями отношений между участниками игры.

Цели и задачи деловой игры реализуются в действиях ее участников, в ходе исполнения ими своих функций. При определении конкретных целей игры учитываются ее учебные задачи, особенности профессиональной деятельности обучаемых, ролевая структура их деятельности и общения, типичные профессиональные действия. Кроме того, в правилах игры оговариваются нормы поведения ее участников. Базовым элементом игровой процедуры является сценарий. Он описывает в словесной или графической форме предметное содержание, выраженное в характере и последовательности действий игроков и ведущих.

Система оценивания представляет собой неотъемлемый элемент игровой методики. Она должна, с одной стороны, обеспечивать контроль качества принимаемых решений с позиции норм и требований профессиональной деятельности. С другой стороны, система оценивания должна способствовать развёртыванию игрового плана учебной деятельности. Такая система выполняет функцию не только контроля над деятельностью студентов со стороны преподавателя, но и самоконтроля, обеспечения формирования игровой, познавательной и профессиональной мотивации участников.

Цель игры определяет ее основное содержание, связанное с формированием профессионально значимых качеств и экономического мышления обучаемых. Так, проблемные ситуации деловых и ролевых игр для повышения мотивации изучения отражают специфические моменты экономической деятельности, поэтому их необходимо проводить при изучении как профессиональных, так и общеобразовательных дисциплин. Содержание деловой игры соотносится с конкретными учебными целями, особенностями моделируемой ситуации, профессиональной подготовкой будущих специалистов, степенью включенности игры в воспитательно-образовательный процесс. Все это позволяет определить условия экономической деятельности, кото-

рые будут моделироваться в игре, содержание учебного материала и характер заданий, используемых в ней.

Необходимо отметить, что игры должны быть основаны на моделировании ситуаций, приближенных к реальным условиям профессиональной деятельности, на обязательной совместной деятельности участников игры, на элементе состязательности. Исходя из этого, разработка деловой игры должна включать в себя следующие этапы:

1. Определение аспектов профессиональной деятельности обучаемых, подлежащих моделированию в игровой ситуации.
2. Постановка проблемной ситуации и учебной цели игры.
3. Выделение основных этапов деловой игры, типичных проблемных ситуаций, основных факторов, предопределяющих ее характер и динамику.
4. Определение конкретных целей, которые обучаемые должны достигнуть (выработка подходов к разрешению проблемной ситуации или поиск конкретных решений проблемы), определение характера взаимодействия обучаемых в рамках их ролей.
5. Подготовка сценария и определение правил игры.
6. Разработка критериев оценки результатов игры и анализа деятельности игроков.
7. Составление инструкций для организатора игры, арбитров, судей и игроков; разработка соответствующих общих и индивидуальных рабочих материалов для участников.

К основным факторам, определяющим характер и динамику игры, можно отнести прежде всего ситуации, в которых происходит обсуждение заданной проблемы. К прочим факторам следует отнести индивидуальные особенности участников игры, характер их межролевого и межличностного взаимодействия, профессиональные навыки, сформированные за период обучения в экономическом вузе. Роли в игре распределяются с учетом профессиональных и личных интересов обучаемых, с одной стороны, и их индивидуально-личностных особенностей – с другой.

Исходным моментом в моделировании игры является подготовка сценария. Сценарий игры представляет собой систему действий ее участников, их взаимодействие и распределение ролей. К основным правилам проведения ролевых игр относятся следующие:

- обучаемому необходимо поставить себя в ситуацию, которая может возникнуть в экономической деятельности, например: заседание совета директоров, деловые переговоры, конференция и т. д.;
- участникам игры необходимо адаптироваться к ролям. В одних случаях они могут играть самих себя, в других им придется взять на себя воображаемую роль;
- участникам ролевой игры необходимо вести себя так, как если бы все происходило в реальной жизни. Их поведение должно соответствовать исполняемой ими роли.

Задание, предваряющее организационно деятельность, деловую и ролевую игру, дается для того, чтобы обучаемые могли заблаговременно подготовиться к деловой игре. Оно вручается участникам игры до ее начала. Это задание включает следующие компоненты. Одним из них является описание исходных позиций деловой игры (сведения, дающие возможность участникам игры войти в ситуацию и принять конкретные исходные решения по своим ролям). Другим выступают организационные указания (перечень ролей, указания о характере деятельности, которую играющие должны выполнить). Условия проведения игры должны максимально соответствовать заданной ситуации. Так, например, необходимо расставить столы таким образом, чтобы директор сидел во главе группы специалистов, а клиент – напротив менеджера и т. п. На завершающей стадии игры преподаватель производит ее анализ. В процессе обсуждения хода и результатов игры преподаватель может дать оценку выводов и мнений участников игры, при этом анализу подвергается поведение и работа каждого участника, его доводы и манера их изложения, объясняет значение игры для дальнейшей профессиональной деятельности.

На занятиях по иностранному языку (английский) в Кемеровском институте (филиале) Российского государственного торгово-экономического университета был использован ряд игр, направленных на формирование профессионально значимых качеств. В качестве примера можно привести игру «Проект Ла-Манш», целью которой, наряду с закреплением навыков устного общения на английском языке, было формирование коммуникативности, креативности, ответственности (формируется при подготовке к игре) и аналитичности мышления. Игра проводилась со студентами второго курса факультета внешнеэкономической деятельности на заключительном этапе изучения темы «Выход на зарубежные рынки, создание международных проектов». Согласно сценарию, группа разделилась на представителей компаний двух стран, которые намеревались подписать договор о строительстве туннеля под проливом Ла-Манш. В ходе переговоров студенты играли роли финансистов, маркетологов, специалистов по рекламе и других участников переговоров, которые должны были убедить друг друга в обоюдной целесообразности и рентабельности подобного проекта. В хронологическом плане эта игра замыкала цикл вариативного использования методов обучения направленных на активизацию познавательной активности студентов, поэтому они были готовы к целенаправленному формированию профессионально значимых качеств. Имитируя переговоры с партнерами по бизнесу, они старались проявить инициативу, проанализировать возникающие проблемы и творчески подойти к их решению, принимать ответственные решения от имени фирмы.

Анализ игр на иностранном языке показал, что студенты, войдя в роль, преодолевали барьер общения на иностранном языке, затруднения в выражении собственных мыслей. Несмотря на присут-

ствие языковых ошибок, общение носило живой и непринужденный характер. Это продемонстрировало студентам значимость иностранного языка в процессе вузовской подготовки экономистов, а также дало дополнительные возможности формирования коммуникативности, креативности и самостоятельности мышления.

Результаты не только самих игр, но и их последующего анализа, проводимого преподавателем вместе со студентами, позволили подвести обучаемых к тому, что, во-первых, значительное место в успешности их профессиональной деятельности занимают не только знания и навыки по своей специальности, но и реализация своих профессионально значимых качеств и экономического мышления. В ходе игр студенты получили тому наглядное подтверждение. Во-вторых, они смогли убедиться, что эффективность делового общения как такового, зависит от отдельных его аспектов – умения слушать собеседника, сопереживать ему, анализировать, проявлять инициативу и т. п. С другой стороны, получая комплименты не только от своих товарищей, ведущего, но и от преподавателей, студенты столкнулись с проблемой принятия похвалы от других людей. Возможность увидеть, насколько их предложения и выводы оказались полезными для решения проблемы, позволила студентам значительно повысить самооценку.

Показательным в плане возможности формирования профессионально значимых качеств на общеобразовательных дисциплинах является самостоятельная работа студентов в процессе изучения иностранного языка. Она подразумевает активизацию внеаудиторной работы студентов по сбору экономической информации по заданным темам и ее анализу. Самостоятельная работа помогает формировать такие профессионально значимые качества, как инициативность, креативность, ассоциативность и аналитичность мышления. Результат индивидуальной работы представляет собой создание проектов развития фирм, банков, продвижения товаров на рынок и др., а также презентацию этих проектов. Индивидуальная работа дает студентам возможность не только проявить себя в роли исследователя, но и реализовать свои профессионально значимые качества в процессе презентации и обсуждения проектов, докладов, рефератов. Например, при изучении студентами на занятиях по иностранному языку темы «Маркетинг» им было предложено разделиться на рабочие группы по интересам. Каждая группа представляла фирмы, производящие различные товары или услуги. Задача студентов заключалась в том, чтобы провести анализ сегментации рынка, выбрать поставщиков и покупателей, найти рыночную нишу, сделать и разместить рекламу. В заключение на занятиях была организована презентация проектов на английском языке.

Не менее интересным методом, используемым в процессе формирования профессионально значимых качеств и развития экономического мышления на занятиях по иностранному языку, является мозговой штурм (или брейнсторминг). Это метод,

который позволяет за короткий срок получить большое количество идей, так или иначе относящихся к поставленной задаче. Затем, после тщательного анализа выдвинутых предложений, определяется нужное решение. В основе данного метода лежит принцип «отложенного обсуждения», который направлен на то, чтобы помочь обучаемому думать «вслух» и позволить другим ознакомиться с ходом и результатами его мышления. Одним из преимуществ такого метода обсуждения учебной проблемы является то, что обучаемые, обладающие различной информацией, могут следить за развитием обсуждения, сообщая дополнительные сведения и предлагать новые, дополнительные варианты решения проблемы.

Стимулирующий эффект соперничества в ходе проведения мозгового штурма увеличивает продуктивность выдвижения предложений решения проблемы, воздействуя на определенные профессионально значимые качества. Главными из них являются: креативность и ассоциативность мышления, позволяющие выдвигать необычные идеи в ходе обсуждения, инициативность и ответственность, раскрывающиеся в ходе реализации личного мнения участника обсуждения.

Механизм проведения мозгового штурма в процессе изучения дисциплин гуманитарного цикла в экономическом вузе следующий:

1. Подготовка темы (формулирование проблемы, выносимой на обсуждение в группе студентов).
2. Выбор одного из студентов (им может быть и преподаватель) на роль ведущего мозгового штурма.
3. Инструктаж двух секретарей (также из числа студентов в группе).
4. Проведение сессии мозгового штурма.
5. Анализ результатов и выбор окончательного варианта решения исходной проблемы.

Необходимо отметить, что преподавателю следует проинструктировать ведущего, которому рекомендуется заготовить несколько рабочих реплик, помогающих ему при управлении ходом сессии, например: «Пожалуйста, теперь попробуйте Вы», «Кто еще хотел бы что-нибудь добавить? Определить, дополнить, изменить? Что здесь еще может быть предложено?» и т. п. При проведении сессии ведущий должен обеспечить прохождение трех основных стадий: вводный инструктаж (5-10 мин.), рабочая сессия (10 – 20 мин.), заключительная стадия – отбор и обсуждение окончательного варианта (10 – 15 мин.). В ходе инструктажа ведущий кратко знакомит участников с проблемной ситуацией, обосновывает ее актуальность, высказывает пожелания, чтобы каждый участник внес свои предложения. Далее ведущему необходимо разъяснить участникам порядок проведения сессии мозгового штурма, повторить формулировку задачи и предложить задавать ему вопросы с целью окончательного выяснения, что и как предстоит делать.

Практика обсуждения проблемных ситуаций в режиме мозгового штурма на занятиях по ино-

странному языку в Кемеровском институте (филиале) Российского государственного торгово-экономического университета показала, что каждая группа студентов выбирает наиболее удобный для неё темп работы. По окончании сессии мозгового штурма ее протокол, который вели секретари, обсуждался преподавателем с группой для выработки окончательных предложений по решению проблемы.

Следует выделить также особую разновидность обсуждения проблемы в виде мозгового штурма – синектику. Она представляет собой поиск творческих решений проблемы с акцентом на генерировании ассоциаций других решений, полученных в ходе мозгового штурма. Целью применения синектики является совершенствование креативности и ассоциативности мышления у студентов-экономистов, играющего значительную роль в их профессиональной деятельности. Это позволяет объединить в одну творческую группу людей общей специальности, но с разными индивидуально-личностными особенностями.

На первом этапе происходит решение проблемной ситуации с помощью мозгового штурма, «очищение» от очевидных решений. При этом остаются только неординарные, спорные варианты. На втором этапе происходит поиск аналогий оставленным решениям, позволяющим участникам такого обсуждения выразить проблему в терминах, известных всем членам группы. Затем участники формулируют проблему так, как они ее понимают, то есть выделяют главные трудности и противоречия, не позволяющие сразу принять однозначное ее решение.

На третьем, конечном этапе, под управлением ведущего осуществляется поиск решения проблемной ситуации, с углублением аналогий и детальной проработкой каждого варианта. При этом выделяются аналогии четырех видов: прямые аналогии (государство – фирма, рубль – доллар и т. п.), субъективные аналогии (например, «... что бы я чувствовал, если бы я был долларом, рублем и т. п.?»), символические, иначе говоря, абстрактные и фантастические аналогии. К символическим аналогиям можно отнести такие, как «президент фирмы – процессор в компьютере, менеджеры – клавиатура, финансисты – накопители информации и пр.), к фантастическим – «банкротство банка – война в стране, инфляция – эпидемия» и т. п.

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, следует подчеркнуть, что профессиональная подготовка будущих экономистов в процессе изучения иностранного языка происходит наиболее эффективно при вариативном использовании разнообразных методов обучения, таких как организационно-деятельностные, деловые, ролевые игры, мозговой штурм и индивидуальная исследовательская работа студентов.

УДК 378.14

**К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОМ ПОДХОДЕ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
В РУСЛЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Л. А. Коняева

Вследствие глубоких изменений, которые произошли в последние годы в социально-экономической, политической и культурной жизни как внутри страны, так и в области международных отношений, изменилась роль иностранного языка в обществе: из учебного предмета он превратился в базовый элемент современной системы образования, в средство достижения профессиональной реализации личности. Соответственно, появилось множество методик, позволяющих адекватно подойти к изучению иностранного языка в современных условиях.

Многообразие вариантов обучения дает возможность выбирать и конструировать педагогический процесс по любой современной модели. Сегодня быть педагогически грамотным специалистом нельзя без изучения всего обширного арсенала инновационных идей и технологий, позволяющих реализовать актуальные методы на практике. Особо это касается необходимости изучения инновационных подходов к обучению иностранным языкам в языковом вузе, где специфика профильного обучения студентов затрагивает реальную возможность практического применения навыков и умений речевого общения непосредственно с носителями.

Концептуальной основой для определения содержания, обучающих стратегий и подбора средств такого обучения иностранному языку может стать коммуникативно или личностно ориентированные технологии в образовании. Личностно ориентированное обучение – PERSONALITY-CENTERED EDUCATION – это обучение, «обеспечивающее развитие и саморазвитие личности студента, исходя из выявления его индивидуальных особенностей как субъекта познания и предмета деятельности». Одним из важнейших пунктов данного вида обучения английскому языку является наличие определенной проблемы, задачи, требующей интегрированного знания, исследовательского поиска для решения. К личностно ориентированным технологиям обучения иностранным языкам Е. С. Полат относит обучение в сотрудничестве (cooperative learning); метод проектов. Эти технологии очень органично вписываются в нашу систему образования, не затрагивают содержания обучения, позволяют наиболее эффективно достигать прогнозируемых результатов обучения и раскрывать потенциальные возможности каждого студента. Основная идея обучения в сотрудничестве – создать условия для активной совместной учебной деятельности студентов в разных учебных ситуациях.

Многолетний опыт убеждает нас в том, что именно умение общаться отражает не только возможность студента адекватно реагировать в той или иной ситуации, но и передает окружающим состояние его внутреннего мира, разносторонность интересов, его интеллигентность. Чтобы выражать свои мысли на иностранном языке, необходимы средства и навыки пользования языком как инструментом

общения. Поиск эффективных средств и методов обучения, построение собственной системы педагогического воздействия на студентов – задача, которую решает каждый преподаватель вуза на протяжении всей профессиональной деятельности. Несмотря на то, что некоторые школы и вузы испытывают сегодня немало трудностей при обучении иностранному языку, а современные мультимедийные технологии пока не всегда доступны из-за слабой материальной базы, применять новые обучающие технологии в учебно-воспитательном процессе можно и нужно. Это способствует не только развитию коммуникативных навыков, но и создает максимально благоприятные условия для раскрытия и проявления творческих способностей. Для развития данных навыков и способностей в последнее время активно используется и развивается так называемый проектный метод, когда в технологии учебного процесса происходит смещение акцентов на самостоятельность, предприимчивость, творческую активность и изобретательность студентов.

В настоящее время приоритет отдается коммуникативности, интерактивности, аутентичности общения, изучению языка в культурном контексте, автономности и гуманизации обучения. Данные принципы делают возможным развитие межкультурной компетенции как компонента коммуникативной способности. В данной статье рассматриваются пути и способы оптимизации учебного процесса с помощью инновационных технологий. Конечной целью обучения иностранным языкам является научение свободному ориентированию в иноязычной среде и умению адекватно реагировать в различных ситуациях, то есть общению. Новые взгляды на результат обучения способствовали появлению новых технологий и отказу от устаревших. Чтобы научить общению на иностранном языке, нужно создать реальные, настоящие жизненные ситуации (т. е. то, что называется принципом аутентичности общения), которые будут стимулировать изучение материала и вырабатывать адекватное поведение.

Как известно, все, чему обучается человек, он стремится использовать в предстоящей деятельности. Известно также, что использование знаний, навыков, умений основано на переносе, а перенос зависит прежде всего от того, насколько адекватны условия обучения тем условиям, в которых эти знания, навыки, умения предполагается использовать. Следовательно, готовить обучаемых к участию в процессе иноязычного общения нужно в условиях иноязычного общения в учебной аудитории. Это и определяет сущность коммуникативного обучения, которая заключается в том, что процесс обучения является моделью процесса общения.

Коммуникативный подход – стратегия, моделирующая общение, направленная на создание психологической и языковой готовности к обще-

нию, на сознательное осмысление изучаемого материала и способов действий с ним, а также на осознание требований к эффективности высказывания. Коммуникативное задание должно предлагать учаемому проблему или вопрос для обсуждения, причем они не просто делятся информацией, но и оценивают ее. Важно, чтобы такое задание делало возможным гибкое использование всех знаний и умений. Основным критерием, позволяющим отличить этот подход от других видов учебной деятельности, является самостоятельность выбора языковых единиц для оформления сообщения, высказывания, возможность выразить себя и свой опыт посредством иностранного языка как Личность, а именно личность поставлена в центр теорий образования будущего. Коммуникативный подход в значительной степени направлен на учаемого, отвечая основному критерию современной дидактики.

Использование метода проекта в коммуникативном подходе как нельзя лучше мотивировано: его цель состоит в том, чтобы заинтересовать учащихся в изучении иностранного языка посредством накопления и расширения их знаний и опыта. Учаемые должны быть готовы использовать язык для реальной коммуникации вне занятий, например во время посещений страны изучаемого языка, во время приема иностранных гостей дома, при переписке, при обмене аудио- и видеокассетами, результатами заданий с друзьями в стране изучаемого языка. При этом термин «коммуникативность» не должен пониматься узко, чисто прагматически. Нельзя не согласиться с И. Л. Бим, что коммуникативность «не сводима только к установлению с помощью речи социальных контактов, к овладению туристским языком. Это приобщение личности к духовным ценностям других культур – через личное общение и через чтение». Этот подход привлекает учащихся путем сосредоточения на интересующих их темах и предоставления им возможности выбора текстов и задач для достижения целей программы. Коммуникативная способность учащихся развивается при вовлечении их в решение широкого круга значимых, реалистичных, имеющих смысл и достижимых задач, успешное завершение которых доставляет удовлетворение и повышает уверенность в себе.

Коммуникативное обучение языку посредством проектной методики подчеркивает важность развития способности и желания учащихся точно и к месту использовать изучаемый иностранный язык для эффективного общения. Первостепенное значение придается пониманию, передаче содержания и выражению смысла, а изучение структуры и словаря иностранного языка служат этой цели. В дополнение к коммуникативным потребностям студентам необходимо освоить методику работы, чтобы быть более ответственными за свое собственное обучение. Им нужно выработать способность справляться с ситуацией, когда их языковые ресурсы недостаточно адекватны; иметь хорошие учебные навыки; способность оценивать свою собственную речь и успехи, а также способность определять и разрешать учебные проблемы. Разви-

тие самостоятельности учаемого представляет собой постепенный процесс, который следует постоянно поощрять. Возможно, наиболее важной задачей, стоящей перед преподавателем языка, является нахождение оптимальных способов вести учащихся к постепенно возрастающей самостоятельности.

Создание коммуникативности требует времени. Необходима поддерживающая социально-психологическая атмосфера, в которую вовлекается учаемый; уверенность, что его уважают как личность со своими собственными взглядами, интересами, сильными и слабыми сторонами и предпочтительным для него стилем обучения. Атмосфера эта характеризуется духом взаимопомощи, при котором изучение иностранного языка с помощью метода проектов является социально-обусловленным опытом.

Одним из новых требований, предъявляемых к обучению иностранным языкам с использованием инновационных технологий, является создание взаимодействия на уроке, что принято называть в методике интерактивностью. Данный принцип не является новым, однако до сих пор не существует единого определения данного подхода. Согласно определению отечественного исследователя Р. П. Мильруда, интерактивность – это «объединение, координация и взаимодополнение усилий коммуникативной цели и результата речевыми средствами». Согласно этому определению, можно сделать вывод, что интерактивный подход служит одним из средств достижения коммуникативной цели на уроке. От принципа коммуникативности он отличается наличием истинного сотрудничества, незаданности, где основной упор делается на развитие умений общения и групповой работы, в то время как для коммуникативного задания это не является обязательной целью (ведь одним из самых распространенных видов коммуникативного задания является монолог).

Интерактивность не просто создает реальные ситуации из жизни, но и заставляет учащихся адекватно реагировать на них посредством иностранного языка. И когда это начинает получаться, можно говорить о языковой компетенции. Главное – умение спонтанно, гармонично реагировать на высказывания других, выражая свои чувства и эмоции, подстраиваясь и перестраиваясь на ходу, т. е. можно рассматривать интерактивность как способ саморазвития, возможность наблюдать и копировать использование языка, навыки, образцы поведения партнеров; извлекать новые значения проблем во время их совместного обсуждения.

Сегодня слово «проект» означает деятельность (индивидуальную или групповую), включающую исследование и решение проблем. Метод проектов не является принципиально новым в мировой педагогике. Возник он в начале прошлого столетия в США. Его связывали с идеями гуманистического направления в философии и образовании, разработанными американским философом и педагогом Джоном Дьюи, а также его учеником В. Х. Килпатриком. Радикальным внедрением идей Дж. Дьюи стало обучение по «методу проектов»,

разработанному американским педагогом В. Х. Килпатриком, видевшим главную педагогическую задачу в развитии способности к самостоятельному освоению различных методов решения проблем. Метод проектов привлёк внимание русских педагогов ещё в начале XX столетия. Пропагандистами данного метода в преподавании являлись А. У. Зеленко, С. Т. Шацкий, Л. К. Шлегер и др. Однако в 30-е гг. использование данного метода было официально запрещено. Лишь спустя несколько десятилетий метод проектов стал актуальным. Е. С. Полат, И. Е. Брусникина, Т. А. Воронина, А. И. Савенков и др. способствовали его возрождению в практике преподавания иностранного языка. Следует подчеркнуть, что данный метод, предлагая широкие возможности для организации исследовательской деятельности обучающихся, находит все большее распространение в практике преподавания иностранного языка в высших учебных заведениях.

При изучении курса иностранного языка в высшей школе следует отметить несколько важных факторов, которые являются неотъемлемыми и обязательными при проведении каждого учебного занятия:

- комплексность в решении практических, образовательных, воспитательных и развивающих целей на занятии;
- коммуникативная направленность процесса обучения иностранного языка;
- выбор оптимальных для данного занятия приемов и методов обучения;
- использование диалогических организационных форм деятельности студентов, которые обеспечивают активное участие каждого в овладении иностранным языком;
- в учебной группе создание благоприятного психологического климата для общения и речевого партнерства на занятии между преподавателем и студентами, обучаемыми друг с другом.

Несомненно, все эти факторы будут учтены, если учебный материал по иностранному языку сделать интересным. Хорошо известно, что поддержание интереса к предмету – залог успешного изучения. А проектное обучение активно влияет именно на мотивационную сферу студента, повышая уровень логического мышления, позволяя осваивать материал любой трудности. В процессе обучения применяются различные типы проектов, выбираемые в соответствии с конкретными условиями и целями проведения. Это исследовательские проекты, творческие, ролево-игровые, информационные, практико-ориентированные.

Остановимся подробно на ролево-игровых проектах. В методической литературе ролевая игра определяется как спонтанное поведение студентов, их реакция на поведение других участников гипотетической ситуации. Ролевая игра – это своеобразный учебный приём, при котором студент должен свободно говорить в рамках заданных обстоятельств, выступая в роли одного из участников иноязычного общения. Каждое занятие имеет свой сюжет, все действия на занятии – свою мотивированность. Среди наиболее значимых средств, обеспечиваю-

щих оптимальную активность студентов, особое внимание уделяется следующим:

- сюжетность каждого занятия, мотивированность действий студента;
- специальная подача учебного материала (диалог, монолог, полилог);
- использование наглядности; театрализация;
- концентрация материала (большой объём новой лексики);
- индивидуальный подход в условиях группового взаимодействия.

Например, одной из форм нетрадиционного ведения урока может быть «телемост». «Телемост» – это современный эффективный путь повышения интереса студентов к английскому языку. Установлено, что сама подготовка к такому уроку активизирует познавательную деятельность, стимулирует самостоятельность студентов в поисках нужной информации, дает им возможность применить свои знания и умения в новой ситуации. Ведущим методическим приемом здесь является «ролевая игра»; он относится к группе активных способов обучения, помогает активизировать речемыслительную деятельность студентов, формирует у них умение самостоятельно выражать свои мысли, а значит, более качественно решать практические задачи обучения.

Подготовка к проведению «телемоста» включает отработку целевого комплекса речевых навыков и умений. Успех зависит ещё и от того, какая тема выбрана, как она способствует столкновению различных мнений, а следовательно развитию дискуссии. Продумывая план будущей «ролевой игры», преподаватель прежде всего отбирает тот круг проблем, которые можно будет выносить на обсуждение при проведении «телемоста». Проблемы должны вызывать интерес у студентов, желание участвовать в необычном занятии. Весь языковой материал, который будет потом включен в проведение урока, должен предварительно хорошо усвоиться студентами. В этой связи строение плана такого рода учебного занятия можно обозначить следующим образом (рис. 1).

На I-м этапе подготовки преподаватель проводит работу по изучению тематических текстов, включает программные и дополнительные материалы. Студенты сами выбирают материалы из газетных и журнальных статей (в рамках темы), советуясь с преподавателем. Таким образом, объём лексики расширяется. На протяжении всей подготовки ведется тематическая тетрадь, в которую записывается отобранный и отработанный материал. Подобный подход позволяет повысить заинтересованность студентов, облегчая запоминание необходимых терминов и обогащая их устную речь.

На II-м этапе студенты читают тексты со словарем, выписывают лексику, составляющую основу текстов, излагают содержание текста более простыми словами посредством на вопросы преподавателя. В процессе работы преподаватель обращает внимание студентов на интересные, нужные лексические единицы, что помогает лучше ориентироваться в тексте и служит опорой в их после-

дующих выступлениях. Первые два этапа направлены на обучение умению передавать основное со-

держание прочитанного и выбирать нужный языковой материал.

Рис. 1. Структура учебного занятия

Следующим этапом является формирование умений задавать вопросы, логически развивающие беседу, описывать рисунки, схемы, фотографии, иллюстрации по заданной тематике. Вместе с этим преподаватель проводит работу по карточкам, которые включают в себя разные виды коммуникативной деятельности, монологическую речь, построение диалога.

В данной практике использования наглядных пособий преследуется следующая идея. При языковой тренировке одновременно должны присутствовать:

- образ в воображении (картинка);
- иностранные слова, описывающие этот образ;
- понимание арсенала слов;
- воспроизведение звуков - слов.

Создание благоприятного психологического климата на занятиях является ведущим важнейшим фактором успеха в обучении. В данном случае этого можно достичь, подобрав по теме иллюстрации с юмористическим содержанием, из чего следует:

интересный (нескучный) материал → сосредоточенность и внимание → скорое и эффективное обучение

Последний этап придает конкретные формы последующему проведению занятия - «телемоста». Преподаватель делит группу на 2 части (либо приглашает другую группу студентов). Одна половина студентов представляет собой группу специалистов нашей страны, другая половина - «иностранцы» бизнесмены. Перед ними встают следующие задачи: раскрыть тему; наладить коммуникативный контакт.

Таким образом, предлагаемый метод позволяет в рамках учебной программы достичь комплексной работы со стороны студентов в процессе подготовки и подбора учебных материалов. Он обеспечивает должный коммуникативный уровень знаний, который предполагает решение практических задач в реальных ситуациях.

Итак, анализ литературы и наработанный опыт показывает, что использование проектного метода:

- мотивирующий фактор, вызывающий интерес студентов, особенно в плане использования идиоматических и сленговых выражений речи;

- позволяет повысить качество обучения, его эффективность;
- позволяет осуществлять взаимодействие студентов друг с другом, с преподавателем, роль которого меняется: вместо контролера он становится равноправным партнером и консультантом;
- позволяет переориентировать весь учебный процесс на студента: его интересы, жизненный опыт и индивидуальные способности;
- развивает чувство ответственности за конечный результат;
- формирует у студентов социальную компетенцию.

Конечно, учебная деятельность не должна строиться исключительно по схеме проектного обучения. Но при обобщении, закреплении, повторении учебного материала, а главное, при отработке навыков и умений его практического применения, этот метод безусловно, принадлежит к числу наиболее эффективных.

Таким образом, использование проектного метода - это лишь часть процесса обучения, который не стоит на месте и ищет новые пути эффективного познания. В совокупности с новыми, прогрессивными методами он помогает подготовить личность, способную и желающую участвовать в межкультурной коммуникации и готовую самостоятельно совершенствовать свою иноязычную речевую деятельность.

Литература

1. Бим, И. Л. Некоторые актуальные проблемы современного обучения иностранным языкам / И. Л. Бим // Иностранные языки в школе. - 2005. - № 4.
2. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
3. Полат, Е. С. Проектная методика обучения иностранному языку / Е. С. Полат // Иностранные языки в школе. - 2003. - № 1-6.
4. Harmer, Jeremy. The Practice of English Language Teaching. - Longman, 2004.
5. Vince, Michael. Advanced Language Practice. - Heinemann, 2003.

УДК 378.4(571.17).096:811.161.1

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

(от истоков до наших дней)

Н. А. Прокуденко, А. Н. Ростова, Н. И. Шапилова

Кафедра русского языка, старейшая из факультетских кафедр, исчисляет историю своего создания с 1953 г. В этот год на базе Учительского ин-

ститута был организован педагогический институт с двумя факультетами: историко-филологическим и физико-математическим (гуманитарный факультет располагался в основном корпусе). Студенты факультетов жили буквально через дорогу, в барачном корпусе, убогом и ветхом.

Кафедру русского языка в первый учебный год возглавляла канд. пед. наук, доцент Ольга Макаровна Мерзлякова, выпускница МГПИ им. А. И. Герцена, закончившая в этом ведущем педагогическом институте и аспирантуру. Ольга Макаровна заведовала кафедрой с 1979 г., со времени образования учительского института. Кроме нее, на кафедре работала Лидия Васильевна Бардина (выпускница ЛГУ) и Елена Павловна Молчанова (выпускница МГУ), обеспечивая преподавание современного русского языка (Л. В. Бардина) и его истории (Е. П. Молчанова); методику преподавания вела О. М. Мерзлякова.

Е. П. Молчанова – фундаментальный историк языка, проработала на кафедре до 1959 г. и вышла на пенсию. Л. В. Бардина трудилась на кафедре до 2004 г. Очень четкий и внутренне организованный человек, она запомнилась многим поколениям студентов как высококвалифицированный, строгий и справедливый преподаватель. Научные интересы Л. В. Бардиной всегда были сугубо синтаксическими, поэтому она со свойственной ей основательностью читала курс синтаксиса современного русского языка, участвовала в разработке и ведении в пединституте курса «Основы лингвистического анализа художественного текста».

Рос институт, расширился факультет, увеличилось и количество преподавателей на кафедре. С отъездом О. М. Мерзляковой в Сталинский пединститут (ныне г. Новокузнецк), кафедру возглавил Алексей Андреевич Юдин, кандидат филологических наук из Рязанского пединститута (1955-1961 гг.). Он постепенно сформировал по преимуществу муж-

скую кафедру: в 1955 году из г. Бийска по конкурсу прибыл Павел Степанович Дурагин (выпускник ТГУ). Он в основном вел курс методики преподавания русского языка. На кафедре Павел Степанович преподавал до 1968 г. и вышел на пенсию. В 1956 г. появился на кафедре историк языка и историческая личность для факультета – Василий Николаевич Данков. Окончив аспирантуру при МГУ и проработав в Новозыбковском пединституте до 1955 г., Василий Николаевич стал сибиряком и, в отличие от остальных мужчин формирующейся кафедры, остался в Кемерове, а не вернулся, как мы говорили тогда, в Россию. Он был самым ярким и незабываемым деканом факультета с 1968 по 1989 год. Даже корпус филологического факультета (в те годы пединститута) – факультет русского языка и литературы, размещавшийся в старом здании школы № 33, все между собой называли «Данковкой», а его самого – «батей».

В 1956 г. пришла на кафедру Римма Петровна Никитинская, выпускница Горьковского университета, закончившая там же аспирантуру и проработавшая на кафедре до 1967 г. Римма Петровна вела исторические дисциплины и первая разрабатывала курс истории литературного языка. Она была и первым (пусть недолго, но была) деканом-филологом с 1963 по 1965 год. В 1957 г. на кафедру приехал Федор Николаевич Барановский из Белгородского пединститута (окончил Азербайджанский университет имени Ленина в г. Баку), знавший несколько языков. Он стал ведущим преподавателем по введению в языкознание, а с уходом в 1968 г. П.С. Дурагина вел методику преподавания русского языка до 1970 г.

В 1960 году появился на кафедре еще один мужчина – Константин Павлович Орлов (выпускник Челябинского педагогического института, закончивший аспирантуру в Рязанском пединституте), которому в 1961 году передал заведование А. А. Юдин. Но оба рязанца в Кемерове не задержались. Константин Павлович заведовал кафедрой до 1964 года, и с его отъездом кафедра преимущественно стала «женской».

С 1960 года работает на кафедре Нина Алексеевна Прокуденко, выпускница Кемеровского пединститута, окончившая аспирантуру при Красноярском пединституте.

В 1961 году открылся факультет дошкольного воспитания, в связи с чем увеличилась для кафедры и студенческая аудитория. Из средней школы № 24 г. Кемерово для проведения занятий по русскому языку была принята Раиса Ильинична

Данкова, умный и тактичный человек, которая в памяти студентов продолжает жить как образ интеллигентного Учителя. Р. И. Данкова проработала на кафедре до 1982 года, до ухода на пенсию.

В 1962 году в группу историков языка органично влилась Ариадна Александровна Климанова, выпускница Уральского госуниверситета, защитившая диссертацию в Томском университете. Человек вдумчивый и уравновешенный, она с Василием Николаевичем Данковым, темпераментным и подчас взрывным, составила сбалансированный «исторический» дуэт.

В 1962 году из рязанского пединститута К. П. Орловым была приглашена на кафедру Зинаида Павловна Никулина, выпускница и аспирантка этого вуза. В Кемеровском пединституте она проработала до 1994 года. К. П. Орлов представил кафедре Зинаиду Павловну Никулину как перспективного и способного заведующего кафедрой. Со временем его слова сбылись. Но в 1963 году вернулась в Кемерово О. М. Мерзлякова, и ей было передано ректоратом заведование кафедрой до 1966 года.

Факультет переехал в новое здание пединститута (ныне второй корпус университета) и кафедра русского языка и русской литературы расположилась в одной аудитории на 4 этаже.

В этот период кафедра пополнилась двумя приезжими и двумя местными преподавательницами. Из госуниверситета им. Капсукаса г. Вильнюса была проведена по конкурсу Чуб Лидия Федоровна (1965-1970 гг.), проводившая на факультете занятия по современному русскому языку, и Бэла Александровна Белова, окончившая университет и аспирантуру в Ростове-на-Дону (1964-1997), привнесшая на кафедру южный темперамент, искрометную энергию и любовь к стилистике. В 1965 году ассистентами кафедры стали и выпускницы Кемеровского пединститута Зинаида Николаевна Петенева (1965-1977 гг.) и Маргарита Васильевна Орел (1965-1980 гг.).

М. В. Орел начала педагогическую деятельность на кафедре с проведения занятий по введению в языкознание, а после окончания аспирантуры при Томском университете, где защитила диссертацию по диалектной фразеологии, успешно и с интересом преподавала диалектологию. Человек незаурядных организаторских способностей, хороший педагог, она в 1978 году возглавила 1-ю дочернюю кафедру общего и исторического языкознания, долгое время была зам. декана факультета и некоторое время возглавляла его (с 1975 по 1977 гг.).

Короткое время работали на кафедре Валентин Дмитриевич Демьянцев, Галина Ивановна Белова, Софья Павловна Розина, но их крепкие связи со средней школой оказались прочнее.

В 1965 году на должность старшего преподавателя по конкурсу прошла Людмила Яковлевна Кокорина, выпускница первого набора в Кемеров-

ский пединститут, которая в дальнейшем определила педагогическую подготовку студентов факультета. Л. Я. Кокорина защитила кандидатскую диссертацию при ЛГПИ им. Н. К. Крупской и читала лекции по методике преподавания русского языка до 1999 г. Практические занятия по этому предмету проводила еще одна выпускница пединститута второго набора Зоя Петровна Шевердова, в 1969 году перешедшая на открытый при институте рабфак, который дал факультету много ярких студентов, а в дальнейшем на серьезную партийно-организационную работу в масштабе университета.

К 1966 году, в который начала заведовать кафедрой Зинаида Павловна Никулина и руководила ею 10 лет (до 1976 г.), кафедра насчитывала уже 14 человек, но квалифицированных кадров все же не хватало. З. П. Никулина по распределению приняла на кафедру Шапилову Нину Ивановну, выпуск-

ницу Куйбышевского университета (ныне Самарский университет), закончившую там же аспирантуру. Увлеченный лексиколог, Н. И. Шапилова с интересом разработала лекционный курс по соответствующему разделу и успешно читала его до 1987 года, пройдя до этого «закалку» в преподавании введения в языкознание. По велению судеб она переключилась на учебный курс синтаксиса, оставшись преданным глубоким лексикологом в своих научных изысканиях.

В 1969 году была принята на работу из Черкасского пединститута Бакалова Зинаида Николаевна, выпускница Куйбышевского пединститута. Веселый и обаятельный человек, З. Н. Бакалова сразу стала организатором интересных предметных мероприятий на факультете. Она первая и преподнесла студентам концепцию Ленинградской фонологической школы. Зинаида Николаевна проработала на кафедре до 1984 года и вернулась в свой родной вуз.

В 1968 году начала работать на кафедре и Лиана Васильевна Манаенкова, выпускница Воронежского пединститута, закончившая аспирантуру при МГПИ им. В. И. Ленина. Синтаксист по своим интересам, она до 1973 года с увлечением вела занятия по синтаксису. Появилась Светлана Васильевна в Сибири из природного любопытства и по воспоминаниям своего отца-филолога Василия Павловича Манаенкова, читавшего курс русской литературы 19 века в Кемеровском пединституте с 1955 по 1959 годы.

В этот период становления университета требовалась огромная учебно-методическая и научно-организаторская работа. Ее успешно осуществляла З. П. Никулина, человек целеустремленный, требовательный, обладающий широкой лингвистической эрудицией. Под ее руководством выводились на современный уровень читаемые курсы, продумывались научные направления с учетом интересов членов кафедры, формировалась система спецкурсов и спецсеминаров, разрабатывались новые лекционные курсы, в том числе общее язы-

кознание, поставленное самой Зинаидой Павловной, и история лингвистических учений, реализованная А. А. Климановой.

В 1969 году включилась в педагогическую деятельность на кафедре Нина Николаевна Иванова, выпускница Томского госуниверситета. Начала она служение современному русскому языку с чтения лекций на дошкольном факультете по всем разделам курса, что в дальнейшем дало основание использовать накопленный опыт в углубленном рассмотрении разделов «Словообразование» и «Морфология» на филологическом факультете, а наработки при проведении курсов практической стилистики и культуры речи оказались существенными для ведения словообразования и морфологии на отделении журналистики.

Начали складываться и научные направления кафедры – ономастическое и лексикологическое. Молодая и энергичная кафедра с интересом и ответственностью подходила как к учебной, так и исследовательской работе. Совместно с Новокузнецким пединститутом кафедра выпустила 3 сборника «Учебных записок» (вып. 15, 1969 г.; вып. 22, 1970 г.; вып. 30, 1972 г.), в которых молодые кандидаты филологических наук публиковали солидные статьи по проблемам своих диссертационных исследований. Основательно подходил коллектив кафедры и к методическим вопросам преподавания учебных дисциплин, о чем свидетельствует выход в свет сборников по теоретическим и методическим вопросам русского языка, вышедшие в Кемерове (1971 г.) и Барнауле (1974 г.).

Но время шло вперед, менялись требования к научным публикациям. В 1974-1977 гг. кафедрой стали издаваться серийные тематические сборники под названием «Вопросы лексики и грамматики русского языка» (вып. 1, 1975 г.; вып. 2, 1976 г.) и «Русское слово в языке и речи» (1976, 1977 гг.), в которых публиковались работы ученых уже и из Томска, Барнаула, Омска. География научных связей кафедры расширялась, а научные интересы все более консолидировались. На кафедре начали складываться научные направления – ономастическое, лексикологическое, синтаксическое. Два первых, будучи онтологически близкими, на этот период кафедральной научной работы возобладали, и выпускаемые коллективом сборники трудов стали все более четкой тематической направленности: «Семантика слова и его функционирование» (1981 г.) и «Семантическая структура слова» (1984 г.).

Приняла на кафедру Зинаида Павловна Никулина и выпускников своей кафедры – Борисову Елену Васильевну (ныне Васильева Е. В.) в 1970 году и на следующий год Василия Петровича Васильева, первого дипломника пединститута, интересовавшегося ономастикой и историей языка. Устремления его как ономаста были реализованы в аспирантуре при Томском университете, а интересы к истории языка в дальнейшем определили выбор в преподавании учебных дисциплин. Елена Васильевна Васильева, увлекавшаяся лексикологией, не изменила ей в направлении научных исследований

уже на кафедре общего и исторического языкознания, а после аспирантуры, тоже при ТГУ, но по диалектологии, Елена Васильевна стала верным и бесспорным диалектологом.

В 1974 году по конкурсу на должность доцента была принята из Красноярского пединститута Голузо Людмила Викторовна, проработавшая на факультете до 1979 года. Она вела курсы «Введение в языкознание», «Старославянский язык». Общительная и дипломатичная, Людмила Викторовна сразу вошла в коллектив и принимала активное участие в учебно-методической и научно-исследовательской деятельности кафедры.

В 1976 г. до 1983 г. на должность зав. кафедрой была избрана Нина Алексеевна Прокуденко. На вакантные места после отъезда из Кемерова Л. В. Манаенковой и З. П. Бакаловой были приняты выпускники Кемеровского пединститута Араева Людмила Алексеевна и Гордеева Нина Георгиевна, яркие личности теперешнего факультета филологии и журналистики.

Людмила Алексеевна Араева работала на кафедре русского языка с 1976 по 1995 год, год создания второй дочерней кафедры – кафедры стилистики и риторики под ее уже докторским руководством. Увлеченная еще в студенческие годы историей и диалектологией, Людмила Алексеевна и на кафедре начинала свою работу с этих дисциплин, руководила диалектологическими экспедициями. Аспирантуру при ТГУ тоже закончила по диалектному словообразованию и по настоящее время является активным дериватологом. С 1982 по 1992 год читала курс фонетики современного русского языка, следуя направлению Московской фонологической школы. В 1994 году защитила докторскую диссертацию и в 1995 году стала зав. кафедрой стилистики и риторики.

Нина Георгиевна Гордеева сразу влилась в коллектив «современников» и вела занятия по словообразованию и морфологии, отточив до уровня мастерства диалог со студенческой аудиторией. Она была первой и успешной аспиранткой открывшейся при кафедре аспирантуры у З. П. Никулиной. Диссертационная тема на долгое время осталась научным увлечением Нины Георгиевны, до тех пор, пока не взялась она за разработку курса «Язык средств массовой коммуникации» и – сначала с головой, а затем и фактически, в 2002 г. ушла в журналистику.

Лилии Николаевне Сушковой на кафедре поручили вести занятия по лексикологии, занялась она и написанием диссертации по ономастике (научный руководитель З. П. Никулина), но не довела работу до конца и в начале 80-х годов перешла на педагогическую работу в средних учебных заведениях.

В 1978 году были приняты на кафедру выпускники ЛГУ Иваницкий Виктор Васильевич и Осипцова Инна Александровна. Виктор Васильевич, окончивший аспирантуру при ЛГУ и защи-

тивший диссертацию по типологическому описанию русского и шведского языков, знавший пять иностранных языков, включился в преподавание введения в языкознание, а И. А. Осипцова, болгарист по образованию, положила начало преподаванию славянских языков на филологическом факультете. Человек энергичный и увлекающийся, она была душой и сердцем первых «Студенческих весен», проводила славянские праздники на факультете.

В этом же году пришла на кафедру выпускница ТГУ, кандидат филологических наук Татьяна Дмитриевна Сергеева; проработав на кафедре три года, она по конкурсу прошла в Алтайский госуниверситет. На его филологическом факультете ею проводились занятия по синтаксису и дисциплинам специализации.

Недолгое время вел занятия по синтаксису русского языка Александр Евгеньевич Орлов (1978-1981 гг.), предпочитавший преподавательскую работу правоохранительной.

Для ведения занятий по русскому языку на подготовительном отделении была принята Светлана Михайловна Дарвина, очень четкий и организованный преподаватель, способный увлечь изучением русского языка и помочь в освоении трудностей орфографии и пунктуации окончившим среднюю школу даже пять и более лет назад.

К 1978 году кафедра насчитывала 20 человек. Назревала необходимость в ее разделении, так как и учебные, и научные интересы были очень разнообразными, а время требовало интеграции научных разысканий. И в 1978 году свершилось выделение кафедры общего и исторического языка. Возглавила ее М. В. Орел. На кафедре русского языка остались Л. А. Араева, З. Н. Бакалова, Л. В. Бардина, Б. А. Белова, Р. И. Данкова, Н. Г. Гордеева, Н. Н. Иванова, Л. Я. Кокорина, З. П. Никулина, Н. А. Прокуденко, Н. И. Шапилова.

С 1976 года кафедре русского языка молодого университета оказывала кураторскую помощь кафедра русского языка старейшего сибирского вуза Томского госуниверситета в лице доктора филологических наук, профессора Ольги Иосифовны Блиновой и (в то время еще доцента) Марины Николаевны Янценецкой. О. И. Блинова читала на факультете лекции для студентов-лингвистов по региональной лексикологии и лексикографии, а М. Н. Янценецкая проводила научный семинар преподавателей кафедры по словообразованию, в том числе и диалектному, и положила основу для нового научного направления – дериватологического, в русло которого влились исследования Л. Г. Ким, О. А. Булгаковой, Н. А. Прокуденко, Л. А. Араевой, и по сей день реализующей разработку этого аспекта с легкой и опытной руки своего научного руководителя. Они способствовали большей целенаправленности научных изысканий, увлекая в глубины лексической и словообразовательной семантики. В 80-е годы кафедра выпустила два сборника: «Семантика слова и его функционирование» (1981 г.) и «Семантическая структура слова» (1984 г.), а члены кафедры стали активно публиковать свои работы в сборниках дружественных сибирских вузов Новосибирска, Томска, Омска, Красноярска, куда ездили на научные конференции.

Международный теоретический семинар «Актуальные вопросы словоупотребления» (Январь - 3, апрель - 1, май - 1978 г.)

В 1978 году кафедра провела вторую конференцию дериватологов Сибири и Урала, приняв эстафету от ее инициаторов – томичей. В 1979 году З. П. Никулина приняла участие в Международном съезде славистов в Варшаве.

С 1983 по 1988 год заведовала кафедрой Бэла Александровна Белова, лингвист с фундаментальной эрудицией и тонким чутьем языка. На кафедре русского языка в разные годы проводила занятия по синтаксису и морфологии современного русского языка, культуре речи и стилистике. С особым интересом она читала курс практической стилистики и изучала окказиональное словообразование, надолго ставшее ее научным увлечением. В 1978-1991 г.г. Бэла Александровна работала в Варшаве в Доме советской науки и культуры, преподавая русский язык. Там она с совершенством овладела польским языком, который со свойственной ей увлеченностью преподавала на факультете

уже будучи доцентом кафедры общего и исторического языкознания (с 1994 по 1997 гг.).

В период ее заведования коллектив кафедры пополнился выпускницей Кемеровского пединститута и университета, закончившей аспирантуру при Томском университете Ростовой Алевтиной Николаевны (1983 г.). Лексиколог со студенческих лет, она приняла лекторскую эстафету от З. П. Никулиной и по настоящее время является ведущим лексикологом кафедры. В 2000 году защитила докторскую диссертацию, стала профессором и второй яркой научной личностью на кафедре. При А. Н. Ростовой в 2001 году открыта аспирантура, в которой обучались Ольга Витальевна Гофман, Марина Геннадиевна Чабаненко; в настоящее время под ее руководством работают над кандидатскими диссертациями Медведева Татьяна Михайловна, Кишина Елена Валерьевна, Прибытова Л. В. В 2004 году защищена кандидатская диссертация Ревенко Инны Владимировны.

В связи с необходимостью вести занятия по русскому языку и на факультете РГФ, в коллектив органично влилась энергичная и обаятельная Ирина Алексеевна Крым, проработавшая на кафедре, к сожалению, два года (1984-1986 гг.). Ее организаторские способности оказались архивостребованными в комитете ВЛКСМ университета и студенческом клубе.

В последующие годы кафедра пополнилась выпускницами факультета, прошедшими крепкую профессиональную подготовку с учениками средней школы, Булгаковой Ольгой Анатольевной (1985 г.) и Чабаненко Мариной Геннадиевной (1987 г.), которые начали фундаментальную переработку практикума по русскому языку, параллельно проводя практические занятия по всем разделам современного русского языка. Будучи уже опытными преподавателями, они снискали в студенческой среде искреннее уважение не только глубиной знаний, но и внутренним обаянием.

Ольга Анатольевна в дальнейшем вела занятия по лексикологии и словообразованию, а после аспирантуры у Людмилы Алексеевны Араевой и защиты диссертации по диалектной дериватологии читала лекции по словообразованию уже на кафедре стилистики и риторики с 1995 года.

В 1987 году, после аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в ТГУ, кафедра приняла в свои ряды Лидию Густовну Ким, выпускницу Кемеровского пединститута. Она с 1992 по 2005 год читала курс фонетики современного русского языка, вернув его окончательно в русло Московской лингвистической школы. Тщательный и аргументированный подход к решению учебных вопросов отличает педагогический почерк Лидии Густовны Ким, подготовившей к чтению этого курса Марину Геннадиевну Чабаненко и принявшей синтаксическую эстафету у Лидии Васильевны Бардиной.

С 1988 года кафедрой руководила 13 лет (по 2001 г.) Нина Ивановна Шапилова, уже опытный и эрудированный преподаватель вуза, с интересом за-

нимающийся научными исследованиями в области лексической семантики. Нина Ивановна Шапилова, пожалуй, единственный член кафедры, разработавший и прочитавший более шести лекционных курсов, что свидетельствует о ее широком лингвистическом кругозоре. Поэтому не случайно она руководит аспирантами и соискателями при кафедре.

В связи с расширением поля деятельности факультета – обучением иностранных студентов – кафедра приняла на работу с ними прекрасного преподавателя с большим стажем работы в средней школе Наталью Сергеевну Мелькину, тоже выпускницу Кемеровского пединститута (1991 г.). Человек энергичный, с острым филологическим умом и удивительным педагогическим тактом, она увлеченно занялась обучением китайских студентов вместе с Ниной Георгиевной Гордеевой, Ниной Ивановной Шапиловой, Мариной Геннадиевной Чабаненко. Первый выпуск состоялся в 1996 году.

Заботой и вниманием китайских филологов окружили их кураторы Н. С. Мелькина и М. Г. Чабаненко, с которыми до сих пор выпускники поддерживают теплые признательные отношения.

Творческое содружество Н. С. Мелькиной и М. Г. Чабаненко успешно реализовалось в проведении и методическом обеспечении практикума по русскому языку, занятий по синтаксису современ-

ного русского языка. С увлечением Н. С. Мелькина (совместно с Н. И. Шапиловой) разработала и ведет занятия по лингвистике текста.

В связи с расширением факультета, формированием отделения журналистики (1991 г.) происходит пополнение кафедры молодыми специалистами: Гофман Ольгой Витальевной (1991 г.), Новгородовой Еленой Валерьевной (ныне Е. В. Кишина), Климиной Натальей Васильевной (1995 г.). Все они, выпускницы филологического факультета, успешно закончившие его, склонные к научно-исследовательской деятельности, органически вошли в дружный коллектив кафедры и стали быстро осваивать содержание и методику вузовского преподавания с помощью наставников – доцентов кафедры, всегда готовых поделиться своим опытом. Им хорошо удавалась и роль кураторов студенческих групп в силу возрастной близости к студентам и заинтересованного понимания их проблем. Они сразу приобщились к научной деятельности кафедр-

ры, избрав темы для исследования в русле кафедрального направления. С этого момента кадровый состав кафедры становится стабильным.

Конец 80-х и 90-е годы – это годы активного развития университета. В это время большое внимание уделяется методической и научно-исследовательской работе. Кафедра работала над методической проблемой становления творческой личности специалиста, способной к постоянному самосовершенствованию, непрерывному повышению квалификации. В связи с этим шло освоение активных форм обучения студентов, осваивались типы проблемных лекций, проводились кафедральные методические семинары и читались открытые лекции с методическими заданиями: лекции – дискуссии читались двумя преподавателями, представляющими разные точки зрения, семинарские занятия проводились в форме мини-конференций и многое другое, шло также активное освоение применения на занятиях технических средств (осциллографы, кодоскопы, «Лингва», несколько позже – ЭВМ). Доценты кафедры включаются в подготовку материалов для компьютерных программ и успешно разрабатывают контрольно-тренировочные работы по лексике (доц. Никулина З. П.), по синтаксису (доц. Шапилова Н. И., доц. Бардина Л. В.), по орфографии (Иванова Н. Н., Гордеева Н. Г., Чабаненко М. Г., Мелькина Н. С.).

Члены кафедры активно участвовали и участвуют в работе ИУУ, выступая с лекциями перед учителями города и области, принимают непосредственное участие в работе научно-практических конференций, организуемых ИУУ. По линии ЦНО преподаватели работают в лицеях и гимназиях города и области, читают спецкурсы по научным проблемам, выступают в качестве кураторов, руководителей секций и осуществляют научное руководство подготовкой учащихся лицеев и гимназий докладов на научных конференциях, входят в состав жюри на конкурсах и олимпиадах, проводимых отделом образования администрации Кемеровской области.

Научная работа проводилась в это время по глобальным, централизованно определяемым темам: кафедра работала по теме «Язык и культура Сибири». Поощрялись научные связи с другими вузами и научными центрами, заключались договоры о научном сотрудничестве. По инициативе доцента Л. А. Араевой кафедра активно сотрудничала с кафедрой русского языка ТГУ и Институтом русского языка АН СССР: проводились совместные семинары, конференции, на которых постоянно присутствовали, руководили ими крупные ученые: доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка АН СССР Ю. С. Азарх (г. Москва), доктор филологических наук, профессор А. Н. Тихонов (г. Москва), доктор филологических наук, профессор Томского государственного университета Майна Николаевна Яценецкая, доцент Е. В. Красильникова (г. Москва). Под руководством Ю. С. Азарх было разработано методическое пособие по сбору, классификации и анализу производной лексики говора (1990 г.), была написана

коллективная монография «Словообразовательная система русских говоров Кузбасса. Субстантив» (под руководством и редакцией Л. А. Араевой, 1992 г.).

В научных конференциях, организуемых кафедрой, принимали участие преподаватели и аспиранты многих вузов Сибири и Урала. Продолжением конференций были интересные, глубокие спецкурсы, читавшиеся вышеперечисленными учеными, проводились круглые столы. Молодые ученые постоянно высказывали слова благодарности за организацию таких высококвалифицированных научных школ в адрес кафедры и лично в адрес Л. А. Араевой, проводившей большую работу по организации и проведению этих школ.

Результатом такой активной, содержательной, вдохновляющей научной работы стали защиты кандидатских (А. Г. Антипов, П. А. Катышев, О. А. Булгакова, Е. А. Дербенева) и докторских (Л. А. Араева, А. Н. Ростова) диссертаций.

В честь 25-летия КемГУ за большой вклад в становление и развитие вуза кафедра была награждена Дипломом университета (1999 г.).

С 1964 по 1995 гг. старшим лаборантом кафедры работала Маргарита Петровна Вотинцева, спокойный, доброжелательный, предельно ответственный работник, на котором держалась вся организационная и техническая сторона деятельности кафедрального коллектива. Выпускница Кемеровского пединститута, зная сильные и слабые стороны характера членов кафедры и ее заведующих (на нашей кафедре она работала с З. П. Никулиной, Н. А. Прокуденко, Б. А. Беловой и Н. И. Шапиловой), Маргарита Петровна уверенно, без срывов и всплесков, вела жизненно необходимую работу. Она помогала Л. Я. Кокориной в создании и оформлении кабинета методики преподавания русского языка, в котором потом работала заведующей кабинетом, а с выделением в 1995 году кафедры стилистики и риторики продолжала свою кропотливую деятельность уже в коллективе дочерней кафедры.

Научные направления кафедры оставались прежними. Был выпущен межвузовский сборник «Номинативные единицы языка и их функционирование» (1984 г.), активно выступали члены кафедры на конференциях в Томке, Новосибирске, Красноярске, Омске, Тюмени, а также в Свердловске (ныне Екатеринбург), Горьком (ныне Нижний Новгород) и других.

В 2001 году кафедру возглавила доктор филологических наук, профессор Ростова Алевтина Николаевна.

В последние годы все же несколько изменился кадровый состав кафедры. Кандидат филологических наук, доцент Н. Г. Гордеева, разработавшая курс «Язык СМИ», спецкурс и спецсеминар для студентов отделения журналистики и избравшая область своих научных изысканий языковые процессы в современных СМИ, согласуясь с характером учебной нагрузки и научными ин-

тересами, перешла на кафедру журналистики. В 2004 году ушла на заслуженный отдых старейший преподаватель факультета кандидат филологических наук, доцент Л. В. Бардина. В связи с этим курс синтаксиса сложного предложения стала читать кандидат филологических наук, доцент Л. В. Ким, а курс фонетики – старший преподаватель М. Г. Чабаненко.

В 2004 году коллектив кафедры пополнился доктором филологических наук, профессором, академиком МАН ВШ Николаем Даниловичем Голевым, перешедшим в КемГУ из Алтайского государственного университета.

Н. Д. Голев – видный ученый, признанный специалист в области мотивологии, лингводидактики, ономастологии, лингвопрогностики, лингвоперсонологии, юрислингвистики, автор более 200 научных работ. Под его руководством защищено 12 кандидатских и две докторских диссертации. Н. Д. Голев ведет курс морфологии русского языка, спецкурсы по юрислингвистике для студентов-филологов и журналистов, руководит аспирантами. Внедряя результаты своих научных исследований в практику преподавания, он разрабатывает новые передовые технологии, ориентированные на развитие креативного мышления, повышение роли самостоятельной работы студентов, индивидуального процесса обучения. Эти принципы воплощены в оригинальной методике, получившей название «Ноотека».

В этом же году на кафедру была принята в качестве стажера-исследователя выпускница нашего факультета, получившая диплом с отличием, Мария Александровна Зарубина. Под руководством профессора А. Н. Ростовой она занимается проблемами психоллингвистики.

В 2003 году при кафедре открылся учебно-методический кабинет, заведующей которого стала выпускница факультета филологии и журналистики Ольга Сергеевна Куртукова. О. С. Куртукова получает второе высшее юридическое образование, что предопределило сферу ее научных интересов (юрислингвистика) и выбор в качестве научного руководителя профессора Н. Д. Голева.

Традиции добросовестного и творческого отношения к делу, взаимопомощи, заинтересованности в успехах своих учеников, заложенные предшествующими поколениями коллег, сохраняются на кафедре и сегодня.

В XIX веке кафедра расширяет сферу своей деятельности. В 2001 году при кафедре была открыта платная дополнительная специализация «Филологическое обеспечение документоведения», которая готовит секретарей-референтов и офис-менеджеров. В 2003 году был сделан первый выпуск: все выпуски трудоустроены. Открытие и организация работы этой специализации проходило под руководством профессора А. Н. Ростовой, в настоящее время специализацией руководит старший преподаватель М. Г. Чабаненко.

В 2005 году принято решение об открытии еще одной дополнительной специализации – «Филологическое обеспечение современной коммуникации (юридическая лингвистика)» (руководитель профессор Н. Д. Голев). Специализация предполагает выпуск специалистов-филологов, способных осуществлять юридико-лингвистическую деятельность в Кемеровской области и Российской Федерации.

В 2005 году при кафедре начал работать «Центр тестирования по русскому языку как иностранному для принятия гражданства Российской Федерации» (ответственный профессор А. Н. Ростова).

Продолжается сотрудничество с учителями города и области, преподавателями учреждений профессионально-технического образования через систему Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования, центра непрерывного образования КемГУ.

Преподаватели кафедры курируют НОУ лицеев и гимназий РЦНО КемГУ, ведут профессиональную работу с выпускниками школ на подготовительных курсах КемГУ, проводят воспитательную работу со студентами. По итогам 2004 года старший преподаватель Н. Н. Иванова и старший преподаватель М. Г. Чабаненко признаны лучшими кураторами факультета.

В течение многих лет ученые кафедры разрабатывают тему «Язык и культура Сибири», в рамках которой выделяются различные аспекты: изучение социолектов Кузбасса, исследование обыденного метаязыкового сознания, описание творческой языковой личности. В настоящее время на кафедре готовятся коллективные монографии: «Энциклопедия В. П. Астафьева» (совместно с учеными Красноярского педагогического института им. В. П. Астафьева), «Русская обыденная металингвистика» (под руководством профессора Н. Д. Голева, профессора А. Н. Ростовой), «Юрислингвистика» (руководитель профессор Н. Д. Голев).

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

УРОВЕНЬ ТРЕВОЖНОСТИ
КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ*М. Г. Иванова*

В настоящее время проблема здоровья человека приобретает особую актуальность для разработки и изучения в силу ее комплексного характера. В научной литературе представлено большое количество работ, посвященных как теоретическому анализу понятия «здоровье», так и практическому исследованию его показателей.

Необходимость изучения проблемы здоровья обусловлена самим процессом развития человека. На данный момент не менее важным, а, может быть, даже более, является выделение критериев, признаков, показателей здоровья для осуществления практической деятельности психолога. Если на физическом уровне данные критерии уже описаны (острая заболеваемость, гармоничность физического развития и другие), то на уровне психологического и социального здоровья ясного ответа ещё нет.

Всемирная организация здравоохранения определила здоровье как «состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не только как отсутствие болезней или физических дефектов».

Приведенное определение здоровья во многом опирается на понятие «благополучие». По мнению Л. В. Куликова, ощущение благополучия в меньшей мере зависит от биологических функций организма и в большей – от самооценки личности и чувства ее социальной принадлежности [3].

В научной литературе выделяют как объективные, так и субъективные критерии здоровья. К последним относят субъективное благополучие, которое подразумевает «переживания благополучия, удовлетворенность жизнью». Субъективное благополучие (или неблагополучие) человека складывается из частных оценок различных сторон его жизни [3].

Таким образом, субъективное благополучие – это комплексный показатель, отражающий самоотношение, удовлетворенность от оценки себя и окружающего мира.

В практической деятельности психологи исследуют психологическое и социальное здоровье в ходе изучения процесса адаптации учащихся (1, 5, 8 классы). В рамках этого процесса в основном учитываются такие параметры, как результаты социометрии (социометрический статус), уровень тревожности, анализ успеваемости. Уровень тревожности учащихся выступает показателем определения внутреннего, эмоционального состояния, благополучия.

В. М. Астапов подчеркивает, что тревожность как черта, свойство личности характеризуется относительно устойчивой склонностью человека вос-

принимать угрозу своему «Я» в различных ситуациях и реагировать на них усилением состояния тревоги. Её проявления в подверженности действию различных стрессоров всегда индивидуализированы: личность с выраженной тревожностью склонна воспринимать окружающий мир как несущий в себе потенциальную угрозу или опасность в значительно большей степени, чем личность с низким уровнем тревожности [1].

По мнению А. М. Прихожан, тревожность как переживание эмоционального дискомфорта, предчувствие грозящей опасности является выражением неудовлетворения значимых потребностей человека, актуальных при ситуативном переживании тревоги и устойчиво доминирующих по гипертрофированному типу при постоянной тревожности. Тревожность – устойчивое личностное образование, сохраняющееся на протяжении достаточно длительного периода времени. Она имеет собственную побудительную силу и константные формы реализации в поведении с преобладанием в последних компенсаторных и защитных проявлений [5].

Соответствующий ситуации уровень тревожности способствует адаптации и развитию человека. По мнению Р. Мэя, нормальная тревожность пропорциональна объективной угрозе и сопровождается конструктивным усложнением и увеличивающимся использованием собственно личностных качеств – мужества и власти, а не уходом в невротические механизмы защиты. Невротическая тревожность есть реакция на угрозу, которая неадекватна объективной опасности; не содержит механизм подавления, а также другие формы интрапсихического конфликта, и вследствие этого не управляется различными формами сокращения активности и осознанности, такими как подавление, развитие симптомов и различными защитными механизмами [4].

Доказано, что завышенная тревожность является негативной характеристикой и неблагоприятно сказывается на жизнедеятельности человека. Так, например, в ходе исследования связи уровня тревожности с компонентами школьной адаптации и успеваемости у первоклассников Л. М. Костиной сделан вывод о негативном влиянии тревожности на адаптацию к школе и успеваемость первых классов [2]. Тревожность наносит удар по основе психологической структуры, на которой строится восприятие «Я», отличное от внешнего мира [4].

В ходе анализа литературы нами сделано предположение, что уровень тревожности отражает состояние субъективного благополучия личности. Для его проверки нами проведено исследование

этой взаимосвязи на подростковой выборке. Были использованы следующие методики:

- шкала личностной тревожности А. М. Прихожан, разработанная для определения уровня тревожности в различных ситуациях. Позволяет выделить области действительности, вызывающих тревогу;
- 14-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (14 PF), позволяющий изучить свойства личности;
- шкала социально-психологической адаптированности (шкала СПА), предназначенная для определения уровня социально-психологической адаптированности. Позволяет получить информацию об отношениях человека к самому себе, к другим людям;
- опросник Амирхана для изучения преобладающей стратегии выхода в трудных ситуациях.

В исследовании приняли участие 92 учащихся 12-13 лет гимназии № 41 г. Кемерово (32 мальчика, 60 девочек).

Полученные результаты были обработаны посредством статистических процедур корреляционного анализа, кластерного анализа, факторного анализа, были использованы процедуры вычисления статистически значимых различий по t-критерию Стьюдента. Это осуществлялось с использованием компьютерных программ «Statistica for Windows 2001/v.6.0.437.0», «EXCEL».

Для изучения взаимосвязи между показателями был проведен корреляционный анализ показателей тревожности с результатами по остальным методикам. Были получены следующие связи, которые представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1

Корреляции показателей тревожности при уровне значимости $p < 0,05$
(* - корреляция при уровне значимости $p < 0,01$)

Методики	Школьная тревожность	Самооценочная тревожность	Межличностная тревожность	Магическая тревожность	Общая тревожность
Принятие себя (шкала СПА)	-	-0,23	-	-	-
Эмоциональный комфорт (шкала СПА)	-0,21	-0,26	-0,28 *	-	-0,24
Доминирование (шкала СПА)	-0,23	-0,27 *	-	-0,21	-0,25
Уход (шкала СПА)	0,31 *	-	0,24	-	0,25
Ложь (шкала СПА)	-0,21	-	-	-	-
Фактор А (14 PF)	-0,37 *	-0,32 *	-0,35 *	-	-0,34 *
Фактор F (14 PF)	-0,26	-	-	-	-
Фактор H (14 PF)	-0,25	-0,28 *	-0,32 *	-0,28 *	-0,31 *
Фактор I (14 PF)	-	-	0,23	-	-
Фактор O (14 PF)	0,21	-	-	-	0,21
Избегание (опросник Амирхана)	0,32 *	0,36 *	0,35 *	0,40 *	0,39 *

Из анализа таблицы видно, что, чем выше уровень тревожности, тем ниже показатель, отражающий эмоциональный комфорт, стремление к доминированию, общительность и открытость в общении, оптимистичность, смелость. Чем более высокий уровень тревожности, тем выше вероятность ухода от проблем, избегания.

По методике «Шкала личностной тревожности» А. М. Прихожан показатели находятся в пределах от 1 до 10. Для разделения выборки на группы по показателю «тревожность» был использован кластерный анализ по средним значениям (K-means). В результате кластерного анализа было выделено 3 группы. В первую группу вошли 26 учащихся. Средние значения первой группы находятся в пределах 7 – 9,2, что, по методике А. М. Прихожан, соответствует несколько повышенному и высокому уровню тревожности.

Данные второй группы ($n = 35$) находятся в пределах 1,5 – 2,5 – низкий уровень тревожности,

т. е. состояние тревожности испытуемому не свойственно.

Среднее значение третьей группы ($n = 31$) – в пределах 3,5 – 5,5, что соответствует «нормальному» уровню тревожности.

При сравнении группы с низким уровнем тревожности и группы с нормальным уровнем по критерию Стьюдента при уровне значимости $p < 0,05$ получены статистически значимые различия по фактору А (14 PF) ($t = 2,6502$). Среднее значение группы с низким уровнем тревожности равно 7,3, группы со средним уровнем тревожности – 5,9. По фактору I (14 PF) критерий Стьюдента равен ($t = - 2,25$), среднее значение группы с низким уровнем тревожности равен – 4,8, группы со средним уровнем – 6,12.

По данным результатам можно заключить, что подростки с низким уровнем тревожности более общительны, эмоциональны, подвержены эмоциональным переживаниям, импульсивны, открыты, независимы, полагаются на себя. Для учащихся

ся со средним уровнем тревожности характерна недостаточная самостоятельность, ранимость, чувствительность, зависимость и потребность в любви, внимании и помощи со стороны других людей.

При сравнении группы школьников с высоким уровнем тревожности и группы с нормальным уровнем по критерию Стьюдента при уровне значимости $p < 0,05$ получены статистически значимые различия по показателю «Принятие – непринятие себя» (шкала СПА) ($t = -2,0747$). Среднее значение первой группы равно 12,34, а второй группы – 14,35. Также статистически значимые различия выявлены по показателю «Избегание» (опросник Амирхана) ($t = 4,1648$), где среднее значение группы

с высоким уровнем тревожности составляет 23,4, а группы с нормальным уровнем тревожности – 19,9. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что учащиеся с высоким уровнем тревожности менее принимают себя, склонны к негативной самооценке и чаще прибегают к стратегии избегания.

Сравнение группы с высоким уровнем тревожности и группы с низким уровнем тревожности по критерию Стьюдента при уровне значимости $p < 0,05$ показало, что между группами существуют значимые различия. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Итоги сравнения показателей групп с высоким и низким уровнями тревожности

<i>Показатели</i>	<i>Средние значения группы с высоким уровнем тревожности</i>	<i>Средние значения группы с низким уровнем тревожности</i>	<i>Критерий Стьюдента при $p < 0,05$</i>
Эмоциональный комфорт – дискомфорт (шкала СПА)	8,3	9,74	-2,02
Доминирование – ведомость (шкала СПА)	4,07	5	-2,03
Уход от проблем (шкала СПА)	2,57	1,91	2,43
Фактор А (14 PF)	5,69	7,31	-3,02
Фактор Н (14 PF)	5,84	7,2	-2,67
Избегание (опросник Амирхана)	23,42	20,14	3,65

По полученным результатам, представленным в таблице, можно сказать, что дети с высоким уровнем тревожности чаще испытывают эмоциональный дискомфорт, непринятие себя, возможно негативное самосотношение, обособленность, холодность в отношениях с окружающими. В трудных ситуациях более характерна стратегия избегания, ведомость. При этом они сверхчувствительны к воздействиям, критике. Большое количество ситуаций воспринимают как опасные, угрожающие.

Таким образом, по результатам, полученным при сравнении групп по критерию Стьюдента, можно сделать предположение о том, что повышение

уровня тревожности сопровождается тенденцией к преобладанию стратегии избегания в трудных ситуациях, к снижению чувства эмоционального комфорта, а также к развитию непринятия себя, негативного соотношения, а в отношениях с окружающими людьми – холодности, замкнутости, отстраненности.

Для того чтобы выявить общие закономерности взаимосвязи исходных переменных, нами был использован факторный анализ. Результаты представлены в таблице 3. Факторный анализ данных показал, что можно выделить 2 фактора:

Таблица 3

Результаты факторного анализа результатов

<i>Фактор</i>	<i>Нагрузка фактора</i>	<i>Компоненты фактора</i>	<i>Нагрузка компонентов</i>
Самопринятие	5,41	Коэффициент СПА (шкала СПА)	0,938
		Принятие – непринятие себя (шкала СПА)	0,763
		Эмоциональный комфорт – дискомфорт (шкала СПА)	0,79
		Ожидание внутреннего – внешнего контроля (шкала СПА)	0,817
Тревожность	4,777	Школьная тревожность	0,817
		Самооценочная тревожность	0,828
		Межличностная тревожность	0,913
		Магическая тревожность	0,805
		Общая тревожность	0,963

Из полученных результатов нами сделан вывод, что ведущим фактором выступает фактор «Самопринятие», вторичным – «Тревожность».

Т. о., «Самопринятие» в большей степени оказывает влияние на величину показателей, отражающих личностные, характерологические особенности. От самооценивания, эмоциональной удовлетворенности собой зависят показатели по другим опросникам.

Уровень тревожности детей исследуемого возраста основывается на самопринятии. Если самооценка адекватна и присутствует удовлетворенность собой и окружающим миром, то это сопровождается ощущением безопасности, уверенностью в себе и мире. В обратном случае возникает неуверенность в своих силах, «опасение, выраженное в угрозе некоторым ценностям, которые индивид считает значимыми для собственной личности» [4].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что уровень тревожности является одним из возможных параметров изучения субъективного благополучия. Полученные результаты соотносятся с литературными данными. Таким образом, цель исследования достигнута и требует более тщательного изучения и исследования на выборках учащихся младшего и старшего школьного возраста.

Итак, проведенное исследование является первым шагом к раскрытию взаимосвязи уровня тревожности и субъективного благополучия, внутреннего критерия психологического здоровья.

Субъективное благополучие является комплексным показателем, основывающимся на оценках себя и окружающего мира. Тревожность есть свойство личности, отражающее готовность человека воспринимать ситуации как угрожающие сохранности и развитию «Я», которое складывается в ходе анализа и соответствующей оценки себя и ситуаций. Высокий уровень тревожности сопровождается не-

гативными эмоциональными переживаниями, неэффективными способами реагирования, развитием личностных особенностей, затрудняющих успешное функционирование и развитие личности.

Таким образом, уровень тревожности отражает внутреннее состояние личности. Изучая уровень тревожности учащихся, психолог в образовательном учреждении получает предварительные результаты о субъективном благополучии ребенка, внутреннем критерии психологического здоровья. В дальнейшем при выделении «группы риска» необходим анализ конкретного случая каждого учащегося, а также соотнесение полученных данных о внутреннем состоянии с внешними критериями психологического здоровья детей.

Литература

1. Астапов, В. М. Функциональный подход к изучению состояния тревоги / В. М. Астапов // Тревога и тревожность / под ред. В. М. Астапова. – СПб.: Питер, 2001. – С. 156 – 166.
2. Костина, Л. М. Адаптация первоклассников к школе путем снижения уровня их тревожности / Л. М. Костина // Вопросы психологии. – 2004. – № 1. – С. 137 – 143.
3. Куликов, Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики / Л. В. Куликов. – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.
4. Мэй, Р. Краткое изложение и синтез теорий тревожности / Р. Мэй // Тревога и тревожность / под ред. В. М. Астапова. – СПб.: Питер, 2001. – С. 215 – 224.
5. Прихожан, А. М. Причины, профилактика и преодоление тревожности / А. М. Прихожан // Психологическая наука и образование. – 1998. – № 2. – [Электронный ресурс] // <http://psyedu.ru/view.php?id=244>.

УДК 159.922.72:373.24

РАЗВИТИЕ ОБЩЕНИЯ СО ВЗРОСЛЫМИ КАК УСЛОВИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

С. С. Колесникова

Значимость общения взрослого и ребенка для формирования личностных новообразований признавалась (и признается) большинством западных и отечественных психологов. Однако общение с взрослыми выступает в них как внешний фактор, способствующий развитию, но не как исток и начало развития личностных новообразований. Отношение взрослого к ребенку (его чувствительность, отзывчивость, сопереживание и т. д.) лишь облегчают понимание социальных норм, подкрепляют соответствующее поведение и помогают ребенку подчиниться социальным влияниям. Личностные новообразования при этом рассматриваются как процесс постепенной социализации – адаптации ребенка к внешним для него социальным условиям. Механизм такой адаптации может быть различным. Это либо

преодоление врожденных инстинктивных влечений (как в психоанализе), либо подкрепление социально приемлемого поведения (как в теориях социального научения), либо созревание когнитивных структур, подчиняющих себе асоциальные, эгоцентрические тенденции ребенка (как в школе Ж. Пиаже). Но во всех случаях в результате социализации и адаптации собственная природа ребенка трансформируется, перестраивается и подчиняется обществу.

Обзор психолого-педагогической литературы по проблеме даёт возможность считать проблему формирования личностных новообразований при общении взрослого и старшего дошкольника наиболее значимой. Не только для усвоения детьми опыта человеческих отношений, но и для переноса усвоенных образцов в общении со сверстниками.

Однако влияние общения со взрослыми на формирование личностных новообразований у дошкольников более века оставалось как бы вне руслу развития психологии и педагогики. Наиболее проницательные исследователи человеческой природы понимали всю важность общения для человеческого самосознания и социальных отношений. И. Г. Песталотци предлагал начинать всякое совместное обучение самых различных детей с объединения их «посредством общения». Дж. Локк фиксирует свои мысли о влиянии общения на успех в воспитании и разрабатывает методы воспитания, названные им «мягкими методами», которые ориентированы на естественные интересы и положительные эмоции при общении у детей, они обусловлены стремлением развивать личностные новообразования. Ж.-Ж. Руссо полагал, что материальной предпосылкой мышления служит общение, которое нуждается в постоянном совершенствовании с раннего детства.

Нами предполагается, что общение со взрослыми выступает условием проявления личностных новообразований у детей старшего дошкольного возраста.

Эмоциональная модель общения выступает наиболее значимым фактором формирования новообразований в эмоционально-личностной сфере старшего дошкольника, таких как субъективное отношение к нравственному смыслу поступков, адекватность суждений.

В качестве объекта исследования были выбраны старшие дошкольники ДООУ г. Белово 4,5 – 6,5 лет и их педагоги. Первая группа (контрольная) – 40 диад; вторая (экспериментальная) – 30 диад.

Исследование состояло из нескольких серий. Методики, использованные в 1-й и 2-й сериях, были предназначены для диагностики субъективного компонента общения. Методика 1-й серии предназначалась для диагностики интенсивности актуально переживаемого эмоционального состояния в процессе общения. Она представляла собой описание радости, страха, гнева, печали, используя которые, испытуемый должен был оценить выраженность их у себя в момент исследования с помощью оценок: «очень сильно» (100 %), «сильно» (80 %), «средне» (60 %), «слабо» (40 %), «очень слабо» (20 %), «нет» (0 %).

Во 2-й серии была применена прямая самооценочная шкала диагностики субъективного отношения к нравственному смыслу поступков старших дошкольников и их педагогов. Испытуемые должны были оценить в момент исследования в баллах (от минимума – 0 баллов, до максимума – 5 баллов) выраженность девяти эмоций – конфликтов в семье, уважения, сочувствия, интереса, презрения, страха, стыда, вины, гнева – по отношению ко взрослым (вариант А) и по отношению к детям (вариант Б).

Методики 3-й и 4-й серий предназначались для оценки когнитивного аспекта общения – адекватность оценочных суждений. Он исследовался методиками на распознавание эмоций у другого человека. Методика 3-й серии использовалась для диагностики точности распознавания эмоций по невербальной экспрессии, т. е. для определения уровня

способности к перцепции эмоций у другого человека «вообще». В ней испытуемые оценивали состояние другого человека по 16 рисункам жестов и поз, выражающих радость, страх, гнев, печаль. При анализе результатов подсчитывалось количество верных ответов (в процентах) как для отдельной модальности, так и для всех эмоций в целом.

Методика 4-й серии была предназначена для диагностики способности к распознаванию эмоций в диаде «педагог – ребенок». В ней испытуемые, используя описания четырех эмоций – радости, страха, гнева, печали – должны были оценить их интенсивность у своих партнеров по общению в момент исследования с помощью оценок «очень сильно» (100 %), «сильно» (80 %), «средне» (60 %), «слабо» (40 %), «очень слабо» (20 %), «нет» (0 %). В качестве показателя точности восприятия эмоций у партнера по диаде подсчитывалась степень расхождения в баллах между оценкой одним из членов диады эмоционального состояния партнера по общению и оценкой им (партнером по общению) собственного эмоционального состояния. Чем больше степень расхождения, тем ниже точность восприятия.

Методики 5-й и 6-й серий использовались для диагностики экспрессивности личности при общении – частоты, интенсивности вербального и невербального выражений радости, страха, гнева и печали (модификация методики Е. Богиной, использованной в исследованиях А. Е. Ольшанникова).

Методика, использованная в 5-й серии, предназначалась для изучения уровня общей эмоциональной экспрессивности при общении. Она представляла собой опросник из 28 вопросов, на которые испытуемые должны были отвечать, исходя из того, что для них наиболее типично и характерно, с помощью ответов: «безусловно, да» (4 балла), «пожалуй, да» (3 балла), «пожалуй, нет» (1 балл), «безусловно, нет» (0 баллов). При анализе результатов использовался показатель выраженности экспрессии каждой эмоции $A = \frac{B}{100} \cdot 100\%$, где В – количество баллов, набранных испытуемым по отдельной эмоции, А – максимально возможное количество баллов.

Методика, использованная в 6-й серии, была предназначена для диагностики уровня эмоциональной экспрессивности старших дошкольников по отношению к педагогу (вариант А), педагога по отношению к ребенку (вариант Б). Она была аналогична методике, использованной в 5-й серии, и отличалась только объектом выражения эмоций.

При анализе результатов подсчитывалась достоверность различий между показателями испытуемых различных групп по критерию Стьюдента. Был также проведен корреляционный анализ показателей различных методик по каждой группе испытуемых с помощью критерия Пирсона.

Анализ результатов осуществлялся в два этапа. На первом проводилось сравнение показателей, с одной стороны, педагогов из первой, второй групп, а с другой – старших дошкольников из тех же групп.

Данные исследования субъективного компонента актуального эмоционального состояния педагогов и детей-дошкольников (1 серия) представлены в таблице 1. Они свидетельствуют о том, что у испытуемых второй группы, по сравнению с испытуемыми контрольной группы интенсивность переживания отрицательных эмоций повышена, а положительных снижена. Так, у педагогов из второй группы, по сравнению со взрослыми контрольной груп-

пы, снижен индекс радости на 37 % ($p < 0,001$); повышена интенсивность страха на 23 % ($p < 0,05$); а у взрослых третьей группы повышена интенсивность печали на 36 % ($p < 0,01$), страха на 31 % ($p < 0,05$). У старших дошкольников из второй группы, по сравнению со старшими дошкольниками из контрольной группы, повышены показатели гнева на 40 % ($p < 0,01$), страха на 35 % ($p < 0,05$), печали на 31 % ($p < 0,05$), снижена радость на 29 % ($p < 0,05$).

Таблица 1

Субъективный компонент актуального эмоционального состояния при общении – субъективное отношение к нравственному смыслу поступков

Испытуемые	Печаль		Страх		Гнев		Радость	
	<i>x</i>	<i>σ</i>	<i>x</i>	<i>σ</i>	<i>x</i>	<i>σ</i>	<i>x</i>	<i>σ</i>
Педагоги, первая группа	24	25	15	15	25	24	59	18
Педагоги, вторая группа	34	31	38	30	38	34	22	26
Старшие дошкольники, первая группа	15	20	5	14	12	20	63	19
Старшие дошкольники, вторая группа	46	40	40	33	52	32	34	34

Примечание: здесь и в таблицах 3 и 4 – *x* – среднее, в %; *σ* – квадратичное отклонение.

Аналогичные результаты были получены по методике 2-й серии, направленной на исследование субъективного компонента эмоционального общения педагогов и детей, субъективное отношение к нравственному смыслу поступков. По сравнению с педагогами контрольной группы, у взрослых второй группы по отношению к детям снижено уважение на 22 % ($p < 0,05$), повышены стыд на 40 % ($p < 0,05$) и сочувствие – на 18 % ($p < 0,05$).

Результаты исследования когнитивного аспекта эмоционального общения – адекватность оценочных суждений (3-я и 4-я серии) представлены в таблице 2. Они свидетельствуют о том, что у испытуемых второй группы, по сравнению с испытуемыми первой группы (контрольной), резко снижена точность оценочных суждений другого (3-я серия) и у партнера по общению в диаде (4-я серия).

Таблица 2

Адекватность оценочных суждений

Испытуемые	ΣТР по невербальной экспрессии		ΣТР у родственника	
	<i>x</i>	<i>σ</i>	<i>x</i>	<i>σ</i>
Педагоги, первая группа	75	13	17	13
Педагоги, вторая группа	48	18	34	11
Старшие дошкольники, первая группа	76	12	18	12
Старшие дошкольники, вторая группа	55	17	27	10

Примечание: ΣТР – сумма всех суждений в целом.

Так, по сравнению с педагогами из контрольной группы, суммарный индекс точности оценочных суждений (3-я серия) у педагогов из второй группы снижен на 27 % ($p < 0,01$). По сравнению с детьми из контрольной группы, у детей из второй группы суммарный уровень эмоций снижен на 21 % ($p < 0,05$), у детей из третьей группы – на 23 % ($p < 0,01$).

Аналогичные результаты были получены и в 4-й серии: у дошкольников и их педагогов из второй и третьей групп снижена точность восприятия эмоций партнера по диаде по сравнению с испытуемыми контрольной группы. У них в 1,5 – 2 раза увеличено расхождение между оценкой эмоционального состояния партнера по общению и оценкой партнером по общению своего собственного эмоционального состояния ($p < 0,05$).

Между испытуемыми второй и третьей групп достоверных различий по суммарным показателям эмоций в 3-й и 4-й сериях выявлено не было.

Результаты исследования эмоциональной экспрессии (5-я и 6-я серии) представлены в таблицах 3 и 4. В таблице 3 отражены данные анализа результатов методики 5-й серии, направленной на исследование уровня общей эмоциональной экспрессивности.

Сравнительный анализ результатов испытуемых всех групп (как педагогов, так и дошкольников) не выявил различий в уровне общей эмоциональной экспрессивности.

Результаты, приведенные в таблице 4, свидетельствуют о том, что у испытуемых второй группы, по сравнению с испытуемыми контрольной группы, повышен уровень экспрессии отрицательных эмоций при общении. Так, у взрослых из второй группы уровень экспрессии страха в общении

дошкольников повышен на 14 % ($p < 0,05$), у педагогов из второй группы также повышен на 20 % уровень экспрессии печали ($p < 0,01$). По сравнению с дошкольниками из контрольной группы, уровень экспрессии гнева в общении с воспитателем повышен у детей из второй группы на 24 % ($p < 0,01$). Анализ выявил следующие особенности диадического общения. У педагогов из этой группы повышение уровня субъективного переживания и выражения отрицательных эмоций ухудшает межличностные отношения со старшими дошкольниками. Об этом свидетельствуют следующие корреляции: чем интенсивнее испытывает педагог печаль (1-я серия), тем ниже у него интерес к детям (2-я серия) –

$r = -0,69$; чем интенсивнее педагог выражает печаль (5-я серия), тем менее выражена у него любовь к детям (2-я серия) – $r = -0,66$; чем хуже распознаёт он печаль (3-я серия), тем ниже уровень любви к ребенку (2-я серия) – $r = 0,65$. Чем сильнее испытывает педагог страх (1-я серия), тем слабее сочувствует ребенку (2-я серия) – $r = -0,79$; чем выше уровень экспрессии страха (5-я серия), тем выше уровень экспрессии страха в общении с ребенком (6-я серия) – $r = 0,65$. Чем интенсивнее гнев у педагога (1-я серия), тем выше уровень экспрессии страха в общении с ребенком (6-я серия) – $r = 0,71$.

Таблица 3

Общая эмоциональная экспрессивность

Испытуемые	Печаль		Страх		Гнев		Радость	
	х	О	х	О	х	О	х	О
Педагоги, первая группа	72	19	50	20	54	20	68	12
Педагоги, вторая группа	79	9	60	13	52	12	71	4
Старшие дошкольники, первая группа	72	14	50	11	50	18	77	14
Старшие дошкольники, вторая группа	70	12	56	18	56	9	78	12

Таблица 4

Эмоциональная экспрессивность в общении педагогов и старших дошкольников

Испытуемые	Печаль		Страх		Гнев		Радость	
	х	О	х	О	х	О	х	О
Педагоги, первая группа	60	20	40	20	59	14	74	8
Педагоги, вторая группа	80	11	54	15	65	12	67	14
Старшие дошкольники, первая группа	62	15	40	10	36	20	72	10
Старшие дошкольники, вторая группа	70	16	40	20	63	12	80	13

Для эмоционального общения в диадах «педагог – ребенок» характерны следующие особенности. У педагогов снижение переживания и выражения радости ухудшает межличностные отношения с детьми. Так, чем ниже у педагогов интенсивность переживания радости в актуальном состоянии (1-я серия), тем выше уровень экспрессии печали и страха в общении с детьми (6-я серия) – $r_1 = -0,67$, $r_2 = -0,65$. Чем ниже у педагогов экспрессия радости (5-я серия), тем слабее испытывают они сочувствие к детям и страх за них (2-я серия) – $r_1 = 0,74$, $r_2 = 0,68$. Чем ниже у взрослых точность распознавания эмоций по невербальной экспрессии (3-я серия), тем более выражена экспрессия страха в общении с детьми (6-я серия) – $r = -0,83$.

Таким образом, дефицит переживания, выражения и восприятия радости приводит «педагог – ребенок» к усилению отрицательных эмоций в общении с детьми.

У детей снижение точности восприятия радости у других людей, в том числе у матери, ухудшает отношения с педагогами. Так, чем ниже уровень радости в общении с детьми (4-я серия), тем выше

уровень экспрессии радости в общении с ними (6-я серия) – $r = 0,65$; чем ниже уровень радости по невербальной экспрессии (3-я серия), тем выше уровень любви к педагогам (2-я серия) – $r = -0,69$.

Первый этап анализа результатов выявил у детей и педагогов экспериментальной группы, по сравнению с испытуемыми контрольной группы, следующие нарушения эмоциональной активности и эмоционального общения: нарушение адекватности оценочных суждений; снижение интенсивности переживания положительных эмоций и повышение отрицательных; повышение уровня экспрессии отрицательных эмоций в общении детей и взрослых; снижение точности распознавания эмоций у другого человека по невербальной экспрессии в диаде «педагог – старший дошкольник».

Выводы

1. Для испытуемых из диад экспериментальной и контрольной групп характерны следующие нарушения эмоциональной активности и общения, адекватности оценочных суждений: снижение субъективного отношения к нравственному смыслу поступков; снижение интенсивности

субъективного переживания положительных эмоций, повышение интенсивности отрицательных эмоций; повышение уровня экспрессии отрицательных эмоций в общении детей и педагогов; снижение точности распознавания эмоций у другого человека по невербальной экспрессии и у партнера по диалогу.

2. В диадах контрольной группы ведущим фактором, влияющим на их общение, является недостаток положительных эмоций, а в диадах экспериментальной – усиление.
3. Снижение точности распознавания старшими дошкольниками эмоций у педагогов носит защитный характер. Коррекция этого дефекта нежелательна, так как может ухудшить отношения педагогов и детей.
2. Галигузова, Л. Н. Становление потребности детей в общении со взрослым и сверстником / Л. Н. Галигузова, М. И. Лисина // Исследования по проблемам возрастной и педагогической психологии / под ред. М. И. Лисиной. – М., 2000.
3. Лисина, М. И. Пути влияния семьи и детского учреждения на становление личности дошкольника / М. И. Лисина // Психологические основы формирования личности в условиях общественного воспитания. – М., 1979.
4. Лисина, М. И. Влияние отношений с близкими взрослыми на развитие ребенка раннего возраста / М. И. Лисина // Вопр. психол. – 1991. – № 3. – С. 117 – 124.
5. Мазитова, Г. Х. Влияние опыта общения на развитие поведения дошкольников: материалы V научной конференции. – М., 2000.
6. Развитие общения у дошкольников / под ред. А. В. Запорожца и М. И. Лисиной. – М.: Педагогика, 1974.
7. Смирнова, Е. О. Становление межличностных отношений в раннем онтогенезе / Е. О. Смирнова // Вопр. психол. – 1994. – № 6. – С. 5 – 16.

Литература

1. Авдеева, Н. Н. Формирование личности ребенка в дошкольном возрасте / Н. Н. Авдеева, М. Г. Елагина, С. Ю. Мещерякова // Психологические основы формирования личности / под ред. И. В. Дубровиной, Н. Н. Толстых. – М., 1996.

УДК 159.922.736.2

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

В. П. Михайлова, О. С. Бритвина, Н. И. Корытченкова, И. А. Фокина

Общая характеристика эмоциональной сферы младшего школьника, по сравнению с дошкольником, выражается в уменьшении импульсивных реакций, в более длительном выполнении неприятных для него заданий, наличии элементов самоконтроля и соответствии эмоций социальным требованиям. Эти изменения связаны, в первую очередь, с переменой образа жизни ребенка, со сменой ведущей игровой деятельности на учебную, ориентацией ребенка на мнение коллектива сверстников и мнение учителя, авторитет которого в некоторых ситуациях становится выше авторитета родителей. Все это способствует формированию новой системы отношений и более глубокому осознанию своего «я» («я – эмоционального» и «я – социального»).

Мы рассмотрим только «я – эмоциональное». В структуру эмоционального интеллекта (ЭИ) входят следующие характеристики: самооценка, уверенность в себе, ответственность, терпимость, гибкость, эмпатия – способность осознавать и оценивать свои чувства и чувства других людей, уважение к людям. ЭИ обеспечивает развитие личности, ее зрелость. От него зависит успешность не только интеллектуальной, но и всех других видов деятельности.

Формирование каждой подструктуры эмоционального интеллекта требует определенной программы действий взрослых. Так, формирование положительной самооценки и уверенности в себе требует терпимого отношения взрослых к неудачам и ошибкам ребенка, к его слабостям и недостаткам, повышенного внимания к положительным сторонам

его личности. Совместное обсуждение проблем с ребенком с позиции партнерства помогает адекватному самораскрытию участников диалога. Владение способами анализа собственной деятельности приводит к развитию высокого уровня рефлексии, пониманию своего «я» и взгляда на себя со стороны партнера по общению. В противном случае формируются деструктивные отношения, которые ведут к дисгармонии психического развития.

Помочь ребенку осознать свою идентичность, свое социальное, интеллектуальное и эмоциональное «я» – главная задача взрослых в создании крепкого фундамента психического здоровья. Когда же идет постоянное сравнение одного ребенка с другим, а возможности у всех разные, то создается почва для конфликтных переживаний, ведущих к неврозу личности, к развитию таких негативных качеств, как зависть, подозрительность, раздражительность, обидчивость и т. д.

Нами были обследованы дети первого класса, которые проучились лишь одну четверть, с помощью тестов «Дом-дерево – человек» и «Моя семья». Считается, что рисунок дома, дерева и человека – это своеобразный автопортрет рисующего человека. С помощью данных рисунков определяется степень защищенности, безопасности ребенка, степень конфликтности, доверия или недоверия к себе, чувства неполноценности и депрессивности. Так, о степени незащищенности свидетельствуют место расположения рисунка на листе бумаги, непропорционально длинные руки и широко расставленные ноги. О высокой тревожности ребенка го-

ворят следующие детали: наличие облаков, сильной штриховки и др. (6, с. 62-67).

О позитивном образе своего «я» говорят такие характеристики, как защищенный, благополучный, самостоятельный, независимый, умный, знающий, компетентный, контролирующий себя и ситуацию, любимый, красивый и принимаемый (3, с. 86).

Сохранение позитивного образа «я» является важной составляющей развития и саморазвития личности, доминантой в конструктивной самореализации человека. У великих педагогов А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, Ш. А. Амонашвили была положительная установка на своих воспитанников. Поэтому очень важно выяснить отношение ребенка к себе через невербальные тесты, так как установка на себя определяет отношение и к другим людям. Кроме невербальных рисуночных тестов, разработанных зарубежными психологами Дж. Буком (1948), Р. Бернсом и Кауфманом для диагностики эмоционального интеллекта и внутрисемейных отношений, мы использовали анкеты для изучения импульсивности, агрессивности и тревожности, описанные Г. П. Лаврентьевой и Т. М. Титаренко (3).

Анкеты заполняют как родители, так и воспитатели, или те, кто очень хорошо знает ребенка. Каждый ответ приравнивается одному баллу. Суммируется количество «плюсов», чтобы получить общий балл. Высокий уровень соответствует 15-20 баллам, средний – 7-14 баллам и низкий – 1 – 6 баллам.

Так, Р. Е. (8 лет), обладающий средним уровнем импульсивности, по оценкам взрослых, имеет слабо выраженную агрессивность. Среди четырех признаков агрессивности, выделенных взрослыми, присутствуют следующие: неудачи у него вызывают сильное раздражение, поиски виноватых; часто не по возрасту ворчлив; не может промолчать, когда чем-то не доволен и когда ему кто-то причиняет зло, обязательно старается отплатить тем же. Также у него отмечено четыре признака тревожности: плохо переносит ожидание; не может долго работать, не уставая; ему трудно сосредоточиться на чем-то; не обладает хорошим аппетитом. Какие признаки тревожности выделены через графические методы? Это наличие облаков, сильная штриховка, интенсивно заштрихованные волосы, наличие одного окна в доме и другого на крыше, но с решетками.

О трудностях в общении (закомплексованности) свидетельствуют следующие признаки: отсутствие дверей, крыльца в доме, деталей в лице; о конфликтности, некоторой бесчувственности свидетельствует отсутствие трубы на крыше; о чувстве неполноценности – отсутствие рук. О скрытности и замкнутости Р. свидетельствует рисунок «Моя семья», где нарисован дом с окнами, а к двери не ведет крыльцо. Об отсутствии теплых семейных отношений говорят фигуры членов семьи, которые далеко стоят друг от друга. Погружение в себя, потеря эмоционального контакта с близкими могут быть следствием конфликтности в семье. Временная самоизоляция ребен-

ка является защитной реакцией на существующее неблагоприятное положение в семье.

У мальчика Н. ярко выражены черты депривации при анализе рисунка «Дом – дерево – человек». Еще точнее, – черты невротической дезинтеграции, которые выражаются в несоответствии требованиям взрослых и стремлении оставаться самим собой (1, с. 47). Это противоречие является источником постоянной аффективной напряженности и снижает адаптивный потенциал школьника. При вхождении в новый коллектив, а проучился Н. всего одну четверть в первом классе, он испытывает большую напряженность в отношениях с первоклассниками. Ярко выражен негативный эмоциональный фон: большая тревожность, недоверие к себе, чувство неуверенности, неполноценности и даже враждебности. О трудностях в общении свидетельствуют такие признаки на рисунке: отсутствие дверей, единственное окно и то без рамы.

Конфликт, фрустрация, неудовлетворенная потребность в общении у ребенка отражены через отсутствие трубы на доме и нарисованную собачью будку (желание иметь в своих друзьях хотя бы собаку). Одиночество первоклассника ярко проявилось и в рисунке «Моя семья». Из членов семьи он нарисовал только бабушку в шутовском колпаке, исключив себя. Это соответствует переживаниям чувства неполноценности и отвержения, непризнание себя в целом и поиск самоутверждения и самораскрытия. Поиск надежного положения в своем кругу отражается и в рисунке «Дерево». Ствол дерева очень сильно расширяется книзу, а верхушка его заострена. Листья дерева как будто брошена сверху и не связана никак со стволом. Это попытка ребенка уйти от реальности в мечты и игровые ситуации.

Потребности, которые ярко выражены в этих рисунках: потребность в безопасности; желание, стремление оградить себя от неприятностей; потребность в общении со сверстниками; огромное желание избавиться от негативного отношения к себе, дискомфорта, которые делают его поведение импульсивным и даже враждебным по отношению к окружающим.

Чувство неприятия себя может ожесточить ребенка и сделать его изгоем среди сверстников. Поэтому первоочередной задачей для психотерапевта является избавление ребенка от стереотипов невротического поведения, от недоверия к людям и себе, от негативных эмоциональных состояний.

Поиск безопасного существования – это главная проблема невротика. И в этом поиске ему больше всего могут помочь только взрослые, способствующие преодолению жизненных трудностей, сохранению его психического здоровья. Страх несоответствия ожиданиям окружающих – самый мощный страх в человеке. Дефицит положительных эмоций при неразвитой эмоционально-волевой регуляции может мешать социально-психологической адаптации и адекватной самореализации личности. А нарушение эмоционально-волевой регуляции ведет к невротическому развитию личности, призна-

ком которой является то, что потребность в любви становится навязчивой и неразборчивой. Сам человек, не способный к любви, требует ее от других: «ты должен любить только меня». Так рождается ревность, которая является причиной многих трагедий (симптом Отелло). Второй признак – крайняя чувствительность к отвержению у лиц с истерическими чертами характера, которая выражается в том, что они жестоко расправляются с теми, кто не отвечает на их ласки. Страх быть отвергнутым и неспособность к любви – главные симптомы невротического развития личности (8, с. 162).

Главная черта эмоционального интеллекта человека – эмпатия, у невротика отсутствует. Он не может встать на точку зрения другого человека и почувствовать его переживания. Невротическое развитие личности по типу астении выражается в беспомощности и неспособности человека выйти из конфликта, в неуверенности, ощущении неполноценности и постоянного ожидания неудачи в ситуации общения и соревнования, когда направлены все силы участников на выполнение того или иного задания.

Обратимся к анализу эмоциональных характеристик тестом ДДЧ ученицы первого класса Саши Л. Из 20 характеристик агрессивности взрослые у нее отметили лишь три: часто не по возрасту ворчлива; не может промолчать, когда чем-то недовольна; воспринимает себя как самостоятельную и решительную. Из 20 признаков тревожности в ней отметили три характеристики: не уверена в себе, в своих силах; не обладает хорошим аппетитом; часто не может сдерживать слезы. По шкале импульсивности было отмечено почти в три раза больше признаков, чем в предыдущих шкалах: легко забывает поручения взрослых, увлекается игрой; это человек действия, рассуждать не любит; горячится во время разговора, часто повышает голос; временами кажется, что она переполнена энергией; когда кто-то кричит на нее, она в ответ тоже кричит; обидчивая, но не злопамятная; всегда находит быстрый ответ, когда ее о чем-то спрашивают; может резко отказаться от еды, которую она не любит.

Рассматривая структуру эмоциональных характеристик девочки Л. С. по рисуночным тестам ДДЧ и «Моя семья», можно найти большое сходство. Так, по этим тестам у нее положительное эмоциональное состояние, хороший контакт с действительностью, преобладают жизнерадостные краски в изображении человеческих фигурок, присутствует солнце – символ света и тепла. У нее развита способность контролировать свои подсознательные импульсы. Она склонна демонстрировать себя и способна нравиться другим. В межличностных отношениях у нее хорошая приспособляемость, она раскована и эмпатична, т. е. понимает переживания других. Девочка понимает значимость мышления, духовной жизни в отношениях, у нее развита рефлексия при интенсивном стремлении к действию. Она находчивая, ловкая, не задерживается на тревожных фактах, обаятельная в отношениях с людьми. Иногда у нее наблюдается замкнутость, но это связано с недоверием к себе, стремлением быть не-

зависимой и властной, что порой вызывает противодействие и непонимание со стороны окружающих. Стремление доминировать может перерасти во власть. Чтобы этого не произошло, необходимо создавать ситуации тренинга лидерских качеств, но с обязательным условием время от времени быть и в роли подчиненного. Принцип сменности руководителей был сформулирован А. С. Макаренко, но актуальность его не снижается и сейчас.

Проанализируем рисунок ДДЧ первоклассника М. М. Мальчик нарисовал городской многоэтажный дом с огромным количеством окон и маленькой дверью без ручки, к которой ведет крыльцо. Крыльцо – символ приветливости и гостеприимства, открытости и дружелюбия. Но дверь, у которой нет ручки, и многоэтажность здания свидетельствуют о трудностях в общении и сосредоточенности на своих проблемах. На крыше дома нарисовано несколько антенн разных форм. Это может говорить о стремлении к контактам и желании общаться. Человек же нарисован схематично и без рук, что также свидетельствует о трудностях в общении и чувстве неадекватности при хорошем интеллекте, о чувстве неполноценности и поиске надежного положения в своем кругу.

О трудностях в общении, большой эмоциональности свидетельствует и рисунок ДДЧ девочки П. У нее нарисован большой сельский дом, но без крыльца, без трубы и дверь без ручки, расположенная в левом углу дома. О закрытости ее чувств, неуверенности в себе говорит единственное окно, занавешенное шторами. Неровная штриховка дома свидетельствует о наличии тревожности и конфликтности ребенка. О незащищенности девочки, о фрустрированности (т. е. неудовлетворенности основных потребностей) свидетельствует и другой рисунок человека, у которого чрезмерно длинные руки без пальцев. Это символизирует непризнание, отвержение его. О стремлении укрепиться в этом беспокойном мире говорит и ствол дерева, нарисованный с нажимом и неодинаковой штриховкой.

Наличие разнообразных штрихов во всех трех рисунках – показатель склонности к тщеславии и даже высокомерию и большого напряжения в духовной жизни первоклассницы. Короткие штрихи – свидетельство импульсивности, недостатка упорства и настойчивости. Из 20 характеристик шкалы «уровень импульсивности» учитель отметил у нее 16. Например:

- это человек действия, рассуждать не умеет и не любит;
- требует к себе внимания и не хочет ждать;
- в играх не подчиняется общим правилам;
- у нее часто меняется настроение;
- временами кажется, что она переполнена энергией;
- горячится во время разговора, часто повышает голос;
- многие вещи ее раздражают, выводят из себя и т. д.

Из шкалы «Уровень агрессивности» были отмечены такие черты:

- любит быть первой, командовать и подчинять себе других;
- неудачи вызывают у нее сильное раздражение, поиски виноватых;
- легко ссорится, вступает в драку;
- в ответ на необычные распоряжения стремится сделать все наоборот;
- иногда она так настаивает на своем, что окружающие теряют терпение;
- воспринимает себя как самостоятельную и решительную;
- очень сердится, если ей кажется, что кто-то подшучивает над ней.

Уровень агрессивности и тревожности у П. средний, а уровень импульсивности – самый высокий.

Общие рекомендации при общении с импульсивным ребенком могут быть следующие:

- поощряйте его во всех случаях, когда он пытается сдерживать себя;
- играйте с ребенком в такие игры, в которых ему легче взять себя в руки;
- обучите ребенка игровым приемам отвлечения от соблазна;
- покажите ребенку разницу между поступком и переживанием. Например, ребенку можно сказать: «Чувствовать злость не хорошо и не плохо. Однако давать волю рукам – это уже поведение, причем недопустимое. Ты вправе сердиться на свою сестру, но ударить ее я тебе не разрешаю» (2, с. 6).

Элизабет Крейри в книге «Я расстраиваюсь» из серии «Учимся владеть чувствами» приводит ряд примеров по избавлению от отрицательных эмоций. Так, Алекс не может научиться кататься на роликовых коньках. Первое его желание – разбить коньки вдребезги. Но постепенно он приходит к выводу, что можно справиться со своими чувствами, если: сделать перерыв, высказать вслух свои переживания, можно попросить помощи у других или посидеть и поплакать и т. д.

Необходимо очень тактичное и умное руководство импульсами растущего ребенка, чтобы не превратить его в озлобленное и враждебное существо. Импульсивность зависит от врожденных свойств нервной системы и наблюдается ярко на втором году жизни, признаками ее являются: нетерпеливость, несдержанность, вспыльчивость, раздражительность, жажда новых впечатлений и непереносимость однообразия. Одни очень импульсивны в новой обстановке, богатой раздражителями, другие – склонны к нервным «срывам» при выполнении однообразной и монотонной работы, третьи – несдержанны и нетерпеливы, когда больны.

Формы борьбы с импульсивностью могут быть самыми разнообразными. Но главное – это формирование рефлексии и эмпатии через осознание своих чувств и переживаний другого человека. Научить «читать» чужие мысли и чувства, предвидеть последствия своих и чужих поступков – важная составляющая воспитательной работы. Некоторые из этих рекомендаций содержатся в пособии «Пси-

хология межличностных отношений» В. П. Михайловой (4). Если не «бороться» с импульсивностью, то это приводит к накоплению нервозности и нервозности. Взрослые должны знать проявления этого негатива.

Черты нервного ребенка:

- постоянное чувство страха; его постоянно все пугает, особенно новое и неизвестное, которое он воспринимает плачем и неудовольствием;
- повышенная реакция на окружающее и даже по отношению к своим внутренним органам: срыгивание, рвота, поносы, запоры. Отрицательно сказываются и погодные условия: он становится вялым и постоянно плачет;
- беспокойный сон: частые пробуждения, вскрикивания, испуги, бормотание. Это беспокойство может быть связано с переполненным желудком или мочевым пузырем, хроническим насморком (5, с. 32);
- ненормальная двигательная активность, либо задержание ее, либо чрезмерное усиление. Активность носит неорганизованный характер. Такой ребенок суетится без толку, бессмысленно и без цели;
- тяжело переживает любые неудачи.

Когда дети радуются своему существованию? Тогда, когда окружены спокойными, дружелюбными и приветливыми людьми, когда взрослые постоянно испытывают интерес к окружающему, сами умеют радоваться легкому дуновению ветерка и солнышку на небе. Этот оптимизм непосредственно передается и ребенку. Положительные эмоции – условия и признаки адаптированности ребенка к школе. Доминирование у большинства первоклассников тревожности – свидетельство того, что период адаптации еще не наступил и требуется кропотливая работа взрослых, чтобы пребывание в школе не закончилось нервным срывом.

Эмоциональное «я» имеет несколько вариантов неблагоприятного развития в случае дезадаптации: акцентуация тревожности, эмоциональной неустойчивости, чрезмерной эффективности, агрессивности и апатичности. Повышенная тревожность может быть следствием низкой самооценки, неуверенности в себе, которая, в свою очередь, зависит от успехов ребенка в учебной, игровой и коммуникативной деятельности. Если ребенку кажется, что он в чем-то хуже, чем другие, менее удачлив, чем они, то он находится в постоянном напряжении, пониженном настроении и начинает испытывать страх перед тем как что-то сказать или сделать.

В первом классе был мальчик, который в течение года не сказал на уроке ни одного слова. Но учитель часто ходил к нему домой, убеждался в том, что он от программы не отстает и читает хорошо, и решает примеры. Учитель внушал ему, что скоро он преодолеет свой страх, свою неуверенность. И вот во втором классе он сам поднял руку, и дети были приятно удивлены, что мальчик вдруг заговорил. Сколько нужно было терпения учителю, чтобы не торопить ребенка в преодолении самого себя. Он успешно закончил не только первый класс, но и школу.

Повысить самооценку младшего школьника, сформировать чувство самопринятия и самоуважения помогает овладение техникой анализа детских рисунков взрослыми. Дети все любят рисовать и умение взрослых задавать вопросы в процессе рисования: «Что ты чувствуешь, когда закрашиваешь небо оранжевым карандашом?», «Какой запах имеет этот цвет?», «С чем можно сравнить этот запах?» и т. д. помогает ребенку раскрыть и осознать свои эмоции и чувства, а потом овладеть ими. В преодолении трудностей контактов с детьми помогут советы психолога Н. В. Самоукиной (8).

Преодолевать «коммуникативные барьеры» приходится не только детям, но и взрослым, особенно родителям, у которых уже сформировались негативные установки на своего ребенка, если он не справляется с учебой. Иногда взрослые сами индуцируют свои тревоги и страхи своим детям, и если они сами не изменяют своего отношения к ребенку, то это грозит ему невротическим расстройством. Так, симптомом невроза у детей может быть часто встречающееся у них упрямство. Взрослые начинают «воевать» с этим болезненным явлением вместо того, чтобы помочь ребенку в раскрытии его положительных сторон и качеств, возможностей и перспектив личностного развития.

А. И. Захаров дает несколько рекомендаций таким родителям (1, с. 242):

- вера в положительные изменения и результаты деятельности ребенка; ребенку необходимо постоянно внушать, что он добьется успехов. Оптимизм взрослых незамедлительно изменит отношение ребенка к себе;
- желание и стремление встать на точку зрения ребенка и умение посмотреть его глазами на себя;
- гибкость и непосредственность в отношениях с детьми, использование игровых ситуаций в случаях выхода из конфликтов;
- постоянный контроль за своими чувствами и поступками, самоанализ и предвидение последствий своих действий;
- доброта и искренность в отношениях с детьми, преодоление собственной неуверенности и негативных эмоций.

Нейтрализация психотравмирующих ситуаций в отношениях с детьми будет способствовать

формированию эмпатических способностей, которые и являются конечной целью эмоционального развития личности. Изменить же отношение к себе, преодолеть свои страхи и беспокойство поможет книга Р. Энтони «Секреты уверенности в себе». Самооценка является важным компонентом эмоционального интеллекта и знание ее и коррекция у младшего школьника поможет избежать многих проблем в подростковом возрасте. Тогда что-то страдание откликнется состраданием, а переживание – сопереживанием.

Литература

1. Захаров, А. И. Неврозы у детей и психотерапия / А. И. Захаров. – СПб.: Союз, 1998. – 336 с.
2. Крейри, Э. Я горжусь: [пер. с англ.] / Э. Крейри (Серия, Учимся владеть чувствами). – СПб.: Комплект, 1995. – 32 с.
3. Лаврентьева, Г. П. Практическая психология для воспитателя / Г. П. Лаврентьева, Т. М. Титаренко // Сборник тестов для выявления уровня развития ребенка. Вып. 2. – Киев, 1992. – 30 с.
4. Михайлова, В. П. Психология межличностных взаимоотношений: учеб. пособие / В. П. Михайлова. – Кемерово: ОблИУУ, 1999. – 91 с.
5. Писарева, Л. В. Нервные дети / Л. В. Писарева. – М.: Просвещение, 1952.
6. Рабочая книга школьного психолога / Департамент образования администрации, облИУУ, КГУ; [авт.-сост. С. П. Зуева, В. П. Михайлова, Е. Л. Касаткина и др. / под ред. Н. Э. Касаткиной, С. П. Зуевой]. – Кемерово, 1995. – 233 с.
7. Романова, Е. С. Графические методы в практической психологии / Е. С. Романова. – СПб.: Речь, 2001. – 416 с.
8. Самоукина, Н. В. Практический психолог в школе: лекции, консультирование, тренинги / Н. В. Самоукина. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. – 244 с.
9. Хорни, К. Самоанализ. Психология женщины. Новые пути в психоанализе / К. Хорни. – СПб.: Питер, 2002. – 480 с.
10. Энтони, Р. Секреты уверенности в себе / Р. Энтони. – М.: Мирт, 1994.

УДК 159.9.316.6

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЗАДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В. П. Михайлова, Н. И. Корытченкова, О. Н. Ковтун, Л. С. Хорошилова

Эпоха перемен, связанная с обилием необходимых, а иногда и ненужных реформ, больно ударяет по психике людей, недостаточно гибких и не способных к перестройке своего мышления, своих стереотипов поведения. Они не успевают осмыслить происходящее и уходят из жизни в самом прекрасном возрасте. Каждый год в России кончают жизнь самоубийством более шести тысяч детей разного возраста (1, с. 20).

Реформация школы превратилась в деформацию. Тестируют детей, уже начиная с детского сада, причем насильно, властно, не спрашивая мнения ни самих детей, ни учителей. Такое ощущение, что все встали на одну беговую дорожку и – кто кого обгонит, не замечая тех, кто рядом бежит и тех, кто уже упал в этой бессмысленной гонке. Если верить данным, приведенным в АиФ, то наши старшеклассники по пониманию теста занимают 28-е место из 30 стран, после нас Литва и еще одна

африканская страна. Первое место по самоубийствам занимает Литва, а наша страна – второе.

В Кузбассе число совершенных суицидов значительно превышает таковые по Западно-Сибирскому региону. Так, в 1980 году на 100 тысяч населения приходилось 47,2 суицидов, а в 1994 году – 61,6. В Томской области количество суицидов на 100 тысяч населения в 1993-94 годах удерживалось на уровне 17,9.

По данным ВОЗ, если уровень самоубийств в стране достигает отметки 20 случаев в год на 100 тысяч населения, то этот уровень считается критическим и указывает на выраженную социально-психологическую дезадаптацию населения.

В нашей стране, в связи с ухудшением экономического и политического положения, более всего оказались уязвимыми и незащищенными молодые. Об этом свидетельствует статистика незавершенных самоубийств. В середине 90-х годов в Кузбассе количество самоубийств среди подростков и молодых людей превышало данный показатель 1980 года более чем в 2 раза (49,9 на 100 тысяч населения). Этот же показатель суицидов в возрасте 70 – 79 лет составлял 45,2 на 100 тысяч населения, в остальных возрастных группах – 53,8 (3, с. 43).

Самое страшное, что растет число алкогольных психозов у женщин и несовершеннолетних, что не наблюдалось до 90-х годов.

Растет число наркоманов в Кузбассе: если в 1991 году этот показатель по Кемеровской области составлял 3,5 на 100 тысяч подросткового населения, в 2001 году – 3044 (среднероссийский показатель в 2000 году – 819,8) (5, с. 46).

В 2001 году подростки совершили около 300 тысяч преступлений, из них 80 % – тяжкие и особо тяжкие: убийства, изнасилования, умышленное нанесение тяжкого вреда здоровью, разбой. Осуждено почти 30 тысяч несовершеннолетних, в том числе 1641 человек – за убийство, а около тысячи – за преступления, связанные с наркотиками. У нас в стране ежегодно пропадает 60 – 70 тысяч человек и добрая половина из них – дети (3, с. 286).

Если к этому добавить такие цифры: в 2005 году было оставлено в родильных домах у нас в стране более десяти тысяч новорожденных, а уже насчитывается 700 – 800 тысяч детей-сирот при живых родителях, то встает проблема формирования нравственного здоровья общества.

Всем известно, что подросток отличается бурным биологическим развитием и некоторым отставанием в интеллектуальной, эмоционально-волевой сферах. Это противоречие делает его поведение эмоционально-неустойчивым и непредсказуемым. Последствия такой непредсказуемости бывают иногда трагическими. Например, в одной из школ г. Кемерово произошел такой случай: мальчик-подросток бросил тряпку, которой вытирают доску, на белый фартук девочки, которая ему очень нравилась. Иногда таким необычным образом подростки выражают свои симпатии. Взрослые вмешались, но зеркально повторив его стратегию поведения. Фартук был брошен ему в лицо с требованием

принести его постиранным и поглаженным на следующий день. Все это было на глазах учеников его класса. Мальчик пришел домой, дождался, когда его сестра и мама уйдут в магазин, и повесился. Можно только догадываться – какие унижения и оскорбления пришлось ему испытать в последние минуты жизни. А главная потребность в этом возрасте – потребность быть личностью сильной и независимой. Когда же подростку отказывают в признании и уважении его личности, это заканчивается суицидом.

В 2001 году покончили жизнь самоубийством более 57 тысяч человек, из них – 6 тысяч дети и подростки. Фактором риска суицидентов являются употребление алкоголя и наркотиков. Так, Д. И. Шустов, Ю. В. Валентик (1998), И. Н. Пятницкая (1994) указывают, что риск совершения суицидов больными наркоманией более чем в 200 раз выше, чем у здоровых людей, у алкоголиков 5 – 65 % (5, с. 45).

В последнее время получили широкое распространение социальные страхи, такие, как страх опозориться в глазах близких, страх покраснеть, страх публичного выступления, которые формируют комплекс человека-неудачника. Страхи настолько истощают, утомляют нервную систему, что приводят в конечном счете к депрессиям.

Симптомами или соматическими эквивалентами страха являются следующие:

- беспокойство, нарушение сна;
- мышечная слабость, дрожь;
- постоянное головокружение;
- сухость во рту;
- тошнота, рвота, позыв к мочеиспусканию;
- изменение частоты дыхания, ритма сердечной деятельности;
- выступление пота (9, с. 133).

Отчаяние, ненависть к самому себе иногда выплескиваются на других или на самого себя. Чтобы «разоружить» человека от эмоционального взрыва, необходима психотерапевтическая помощь, которая заключается в анализе причин происходящего, выработке альтернативного мышления как антипода черно-белого мышления, которое всегда ведет человека в тупик и является признаком незрелости личности. Сменить пессимистическое настроение на оптимистическое – одна из задач психотерапевта. Для этого надо укрепить, усилить эмоциональное, социальное и интеллектуальное «я» пациента, внушить веру в его собственные силы, в успех изменения ситуации в лучшую сторону.

Страх перед собственной беспомощностью – самый сильный страх. Отчаяние и страх охватывают человека тогда, когда, зная о своих слабостях, кто-то другой их подчеркивает и гиперболизирует. В такой ситуации человек впадает либо в депрессию, апатию и безразличие, либо в агрессию, в ненависть, враждебность к окружающим.

Выработать социально желательные формы поведения у маленьких детей можно лишь при учете доминирующих потребностей ребенка. Так, до одного года доминирует потребность в эмоцио-

нальном общении, до трех лет – потребность в овладении предметным миром, у дошкольника – потребность в игре, у младшего школьника – потребность в положительной оценке со стороны учителя. Депривация этих потребностей ведет к дискомфорту и дезадаптации (5, с. 4).

Уверенность в себе можно сформировать, ставя перед ребенком посильные задачи, и чтобы ребенок получал удовольствие от выполненного задания. Ситуации творческих заданий и игровые ситуации являются стимулирующими.

Временную дезадаптацию у человека могут вызвать различные психотравмирующие ситуации: разлады в семье и в школе, конфликты с самим собой. К временным неустойчивым формам дезадаптации можно отнести возрастные кризисы развития личности. «Социальная дезадаптация проявляется в нарушении норм морали и права, в асоциальных формах поведения и деформации системы внутренней регуляции референтных и ценностных ориентаций, социальных установок» (7, с. 157).

Более глубокое познание человеком самого себя снижает риск личностных расстройств и асоциального поведения.

Жизненная компетентность выражается прежде всего в знании жизни, которое можно подразделить на знание фактов и знание стратегий. Знание фактов – это знание задач и требований, которые в различном возрасте ставит перед человеком жизнь; под знанием стратегий – знание способов, которые позволяют справиться с этими задачами и требованиями наилучшим образом.

Жизненная компетентность способствует психической адаптации в сложных жизненных ситуациях и является фундаментом психической сопротивляемости, когда человек не поддается болезням и остается общественно полезным человеком.

Профессиональная компетентность выражается в способностях и навыках человека, который успешно справляется с профессиональными требованиями. Положительными сторонами старых людей является их жизненная компетентность, умелое решение жизненных задач и профессиональных проектов. Они могут быть консультантами по организации производственных процессов, по включению молодых сотрудников в работу, повышать их квалификацию, помогать молодым решать производственные и социальные проблемы.

Слабые стороны пожилых людей:

- снижение работоспособности;
- ухудшение работы сенсорного аппарата (зрение и слух снижаются, опорно-двигательный аппарат становится более хрупким);
- интеллектуальные способности становятся менее гибкими;
- снижается объем памяти, объем восприятия и скорость переработки информации.

Показателем зрелости может быть степень интеграции жизненного и профессионального опыта: возрастание точности и надежности высказываний, адекватное понимание происходящего, отношение к неудачам и промахам как к необходимому

процессу накопления положительного опыта восприятия окружающего, как возможности самосовершенствования и постоянного роста. Венцом этого развития становится доброта, спокойствие и мудрость. Тех же, кто не достиг зрелости, их удел – ожесточение, брюзжание, протест. Зрелые люди постоянно в движении, у них изменяется отношение к жизни, дифференцируются представления о действительности и о самом себе, происходит адекватная самореализация, увеличивается степень социальной, физической и психической активности.

Понятие психического здоровья отражают следующие характеристики:

- физическое и душевное здоровье;
- физическая и умственная работоспособность;
- сохранение активности при выполнении важных личных задач;
- самостоятельность в повседневной жизни;
- ответственность в повседневных делах и планирование жизни;
- интерес к приобретению нового опыта и впечатлений;
- способность к поддержанию и установлению прочных социальных отношений;
- способность правильно осмысливать нагрузки и конфликты;
- способность психической переработки невосполнимых ограничений и утрат;
- способность к компенсации невосполнимых ограничений и утрат;
- способность к пониманию о смысле жизни и построению собственной жизни в связи со своими творческими планами и требованиями окружающего мира (9, с. 51).

Критериями психического здоровья по определению ВОЗ являются следующие признаки:

- осознание и чувство непрерывности, постоянство своего «я»;
- чувство постоянства переживаний в однотипных ситуациях;
- критичность по отношению к себе и результатам своей деятельности;
- адекватность психических реакций силе и частоте средовых воздействий;
- способность управления своим поведением в соответствии с общепринятыми стандартами поведения;
- способность к самореализации, т. е. умение планировать свою жизнь и реализовывать свои планы;
- способность изменять поведение в зависимости от жизненных ситуаций.

Признаки психологического старения:

- снижение скорости переработки информации;
- ухудшение кратковременной памяти;
- утрата гибкости в принятии решений;
- замедление реакции на происходящие события;
- неспособность к адаптации при потере близких родственников;
- отсутствие диалога между поколениями и нормального финансового обеспечения;

- понижение психологического и социального статуса.

Истощение душевных сил ведет к росту суицидов: в группе 60-70-летних у женщин происходит 15 самоубийств, у мужчин – 25. В возрасте от 80 лет и старше: у женщин – 25 суицидов на 100 тысяч человек, у мужчин – 70. Особенно склонны к суициду люди, страдающие депрессивными заболеваниями (9, с. 67).

Искусство жить, быть самим собой является потенциалом развития. Умение получать удовольствие от жизни, радоваться лучу солнца и блеску ума – это удел психически устойчивых людей. Психически устойчивых людей отличают следующие признаки:

- удовлетворенность жизнью;
- наличие стойких убеждений;
- адекватность и логичность поведения в соответствии с собственными убеждениями и требованиями социальной и природной среды.

С помощью Фрайбургского опросника (FRJ) были обследованы две группы испытуемых: подростки-деликвенты, находящиеся в СИЗО г. Кемерово (86 человек) и учащиеся лицея (72 человека).

Анализ полученных результатов показал, что в обеих группах были завышенными показатели по таким шкалам, как: невротичность (психосоматические нарушения), депрессивность (неуверенность в себе) и реактивная агрессивность (доминантность). Но все эти показатели были намного выше у подростков-делинквентов (3, с. 69). Подростки-правонарушители плохо адаптированы к социальной среде, так как в их поведении налицо рассогласование их аффективных установок с социальными требованиями: моральными нормами общества.

Превентивные формы преодоления стрессовых ситуаций:

- психологическая подготовка к напряженным эмоциональным ситуациям. Великий немецкий писатель Гете в 21 год страдал сильнейшей неврастенией, а в 50, 60, 70 лет – удивительная крепость и молодость. В молодости он не выносил грохота барабанов, но заставлял себя слушать, и отвращение исчезло;
- символическое отреагирование физических и эмоциональных стрессов. По Фрейду, психическим механизмом невротизации являются неспособность справиться с жизненными проблемами и инфантильность. Неудачи ведут к уходу от действительности через фантазии и детские воспоминания. Обращение к прошлому – это есть механизм регрессии;
- формирование навыков ответственного поведения состоит в осознании своих недостатков. Воспитать в себе трудолюбие, человеколюбие, честность и смелость – задача каждого из нас; ответственность перед собой рождает ответственность перед другими;
- умение распознавать опасные ситуации – это понимание последствий эгоизма, равнодушия и патологической жадности и тщеславия;

- овладение навыками безопасного поведения в экстремальных ситуациях и развитие навыков самоконтроля – отказ от авторитарных методов воздействия и постоянный самоанализ собственного поведения. Уважение прав и достоинств другого человека – развитие способности к эмпатии и рефлексии.

Чтобы наступила гармония, определенное равновесие между внутренним и внешним пространством развития личности, необходимо с раннего детства прививать ребенку уважение к другой личности, любовь и преданность делу, которое бы стало смыслом жизни и творческим уделом человека. Любое поражение, неуспех человек воспринимает как катастрофу. Чтобы не было такого болезненного отношения к своим неудачам, необходимо с раннего детства формировать смысл происходящего вокруг, убеждать в том, что обретение любви к людям, к природе, к труду – это и есть настоящее счастье. Но на пути к нему бывают и победы, и поражения. Главное, не терять надежды и контроля над собой. Хорошо, если бы и школа, и средства массовой информации учили этому.

Настоящим же учебником жизни должно стать преподавание истории в школе и во всех образовательных учреждениях. Изучать историю как историю человеческих побед и поражений, успехов и достижений, подвига и предательства, смешного и трагического, взлетов и падений. Это путешествие во времени, в судьбы разных народов и государств будет полезным уроком для каждого человека, особенно для молодого человека с небольшим жизненным опытом. Приобретать же его ценой собственных ошибок и ценой жизни – непозволительная роскошь.

Личные слабости, неудовлетворенные потребности могут стать факторами асоциального поведения, а значит – дезадаптация. К социальным факторам дезадаптации можно отнести конфликты в семье, в школе, низкий социальный и материальный статус, ощущение дискомфорта в группе, который человек долго не может выносить.

Среди личностных особенностей деструктивными являются следующие: интеллектуальная и эмоционально-волевая беспомощность, которая проявляется в деформированных потребностях, агрессивных наклонностях, неадекватной самооценке, трудностях в общении, ненависти к себе и к окружающим, слабой осмысленности своего жизненного пути.

Наиболее уязвимы к травмирующим ситуациям подростки-акцентуаны, у которых чрезмерно заострены те или иные черты характера. Так, у эпилептоидов, по классификации А. Е. Личко, ярко выражено стремление властвовать над своими сверстниками. Желание власти над другими сочетается с повышенной аккуратностью, дотошным соблюдением всех правил, педантичностью.

Астено-невротический тип характеризуется повышенной утомляемостью, раздвигательностью в обстановке соревнований и соперничества. Аффективные вспышки возникают по любому поводу.

Сенситивный тип характеризуется большой впечатлительностью и наличием чувства неполноценности, часто недовольны своей внешностью. Негативно оценивают все окружение в трудных жизненных ситуациях.

Психастеник – человек нерешительный, тревожный, постоянно живущий в страхе за свое будущее и своих близких, неспособный на самостоятельные действия в трудных жизненных условиях, воспринимает жизнь как катастрофу и также склонен к суициду.

Но более всего склонны к суицидам люди с эмоционально неустойчивой психикой – это *циклоиды*. У них иногда очень быстро происходит смена подавленного состояния повышенным настроением и наоборот. В состоянии депрессии теряют интерес к жизни, падает работоспособность и возникает чувство собственной неполноценности и ненужности. В гипертимной фазе – чрезмерно активны, неразборчивы в выборе знакомств, плохо переносят одиночество. Каждая фаза длится одну или две недели.

Лабильный тип акцентуаций среди подростков обладает чрезмерной чувствительностью к человеческим контактам, искренней привязанностью к близким, любящим их людям. Тонко чувствуют отношение к себе других и адекватно оценивают себя. Все их поведение зависит от настроения в данный момент (10).

Общая черта вышеперечисленных акцентуаций – отсутствие внутреннего стержня, слабость волевого начала и трагическое восприятие как себя, так и окружения. Психологическая помощь могла бы состоять в обретении цели и смысла жизни, которая и мобилизовала бы все его внутренние ресурсы. Это тип Печорина из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

Изучение эмоционального состояния студентов медицинского колледжа показало, что почти каждый второй имеет средний уровень тревожности (52 %), а 43,2 % имели высокий уровень тревожности. Известно, что чрезмерная тревожность снижает эффективность учебной деятельности, приводит к девальвации культурных ценностей. Такие студенты не могут справиться с жизненными трудностями, обладают низкой стрессорезистентностью и эмоционально неустойчивы.

Среди употребляющих ПАВ выше процент лиц с высоким уровнем тревожности (68,5 %). Среди студентов, не употребляющих ПАВ, с высоким уровнем тревожности – 32,2 %, в два раза меньше (2, с. 43).

Необходимым условием жизнедеятельности любого человека, фактором его развития и саморазвития является положительное отношение к себе. В противном случае, жизнь становится полной дискомфорта, напряжения и истощения, ведущей к самоуничтожению личности. Человек не может смириться с ярлыком «я плохой» и «у меня везде плохо». Для того чтобы преодолеть внутриличностный конфликт, нужны физические и умственные усилия. А если этих усилий нет, то личность идет по лож-

ному пути – девиантному, который ведет к дезадаптации – к конфликту с окружающими. Эмоциональное отвержение, неприятие себя достигает таких масштабов, что человек ищет успокоения только в уходе из жизни. И если рядом нет человека, обладающего психотерапевтическим даром, то реализуются суицидальные намерения.

Литература

1. Амонашвили, Ш. Истина школы. – М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 2006. – 88 с.
2. Дедюшева, Ш. А. Изучение тревожности у студентов медицинского колледжа и подходы к ее коррекции: сб. «Региональные аспекты оказания медико-психологической помощи»: мат-лы региональной научно-практической конференции (Кемерово, март 2005) / Ш. А. Дедюшева, Н. П. Кокорина, А. А. Лопатин / под ред. акад. РАМН В. Я. Семке. – Томск; Кемерово: Раско, 2005. – 156 с.
3. Дубровский, А. А. Москва слезам не верит / А. А. Дубровский. – М.: Новороссийское полиграфобъединение, 2003.
4. Ковтун, Л. О. Отклоняющееся поведение подростков как следствие неправильного воспитания. Теория и практика в современных социальных и психологических исследованиях: сб. научных статей по результатам Всероссийской конференции / Л. О. Ковтун, Н. И. Корытченкова / под ред. И. С. Морозовой, М. С. Яницкого. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – 271 с.
5. Лопатин, А. А. Психические и наркологические расстройства среди населения Кемеровской области: – обобщенные данные и основные тенденции за 20 лет / А. А. Лопатин, Н. П. Кокорина, Ю. Ю. Кирина // Материалы I научной сессии Кузбасского научного центра СО РАМН по проблемам здоровья и сохранения трудового потенциала населения Кузбасса. – Кемерово, 2004.
6. Михайлова, В. П. Психология межличностных взаимоотношений: учеб. пособие / В. П. Михайлова. – Кемерово: ОбЛИУУ, 1999. – 91 с.
7. Репина, И. В. Основы клинической психологии / И. В. Репина, Д. В. Воронцов, И. И. Юматова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 480 с.
8. Руденский, Е. В. Психологическая феноменология патологии личности: лекции по курсу «Патопсихология развития личности» для студентов колледжа психологии, обучающихся по специальности «Социальная педагогика и социальная работа» / Е. В. Руденский. – Новосибирск: Институт психологии личности, 1999. – 232 с.
9. Хойфт, Г. Геронтопсихосоматика и возрастная психотерапия: учеб. пособие для студ. высш. уч. завед. / Г. Хойфт, А. Круз, Г. Радебольд. – М.: Академия, 2003. – 370 с.
10. Личко, А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А. Е. Личко. – М.: Медицина, 1985. – 416 с.

УДК 159.942.5-053.6

**ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ОПТИМИЗМА
НА УЧЕБНУЮ УСПЕШНОСТЬ ПОДРОСТКОВ***Т. Ю. Осипова, Е. В. Шушакова, В. П. Михайлова*

Самоутверждение является одной из главных потребностей подростка. И в этой связи огромное значение для молодого человека приобретает его интеллектуальная состоятельность. Например, подросток не сумел поддержать «умный» разговор, невзначай произнёс что-то воспринятое окружающими как глупость, не вписался должным образом в компанию сверстников. У него не получается что-то на одном уроке, затем на другом, он терпит неудачу на спортплощадке. Самооценка разрушается. Подросток ставит себе диагноз: «Я глуп и неудачлив во всём». Эти мысли могут привести к пессимистичному настроению, глубокой депрессии и даже суицидальным попыткам.

С другой стороны, оптимизм рассматривают как важный фактор жизненного успеха, влияющий на интеллект и мотивацию. Соответственно и учебные успехи, по мнению М. Зелигмана зависят как от уровня интеллекта, так и от уровня оптимизма. Но, поскольку данное теоретическое предположение не было подтверждено экспериментально на выборке учащихся, нами было проведено исследование по данной проблеме.

Целью работы стало выявление взаимосвязи между оптимизмом и успеваемостью подростков-школьников. Объектом исследования является уровень оптимизма учащихся 10-х и 11-х классов гимназии № 17 г. Кемерово. Гипотеза: предполагаем, что чем выше уровень оптимизма, тем выше учебные успехи подростков. Нами использованы следующие методы и методики: анализ литературы, тестирование (методики тест «Оптимизм» (М. Зелигман, 1997); «Краткий ориентировочный тест» (КОТ) (адаптация теста Вандерлика)), статистическая обработка, корреляционный анализ, качественный анализ полученных данных.

Многие авторы отмечают только позитивную роль оптимизма в жизнедеятельности личности. «Оптимизм – это рычаг для самоэффективности», – утверждают они. Однако его содержание и природа оказались недостаточно изученными как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Отметим также и незначительное количество методик, позволяющих выявить уровень оптимизма.

Понятие «оптимизм» большинство авторов связывают с личностными свойствами, либо чертами. Часто данное качество относят к профессионально важным, например для учителя, менеджера и др. Так, С. Ю. Головин предлагает следующее определение: «Оптимизм – свойство личности, отражающее пропорциональное развитие всех психических процессов, обеспечивает человеку жизнелюбивое мирозерцание, веру в людей, их силы и возможности, уверенность в прогрессе общества, веру в свои силы и возможности как субъекта деятельности».

Оптимизм присутствует в характеристиках холерического и сангвинического типов темперамента, тогда как пессимизм приписывают меланхоликам. Таким образом, эти свойства имеют свои истоки в особенностях деятельности нервных клеток человека и обусловлены биологически.

Социальную обусловленность оптимизма подчеркивают, например, Л. М. Фридман и И. Ю. Кулагина. Они предлагают выделять такие типы личности как «оптимист», «пессимист» и «уравновешенный» по критерию потребностно-волевых переживаний.

М. Зелигман в своей работе «Как научиться оптимизму» связывает оптимизм и пессимизм со сформировавшимся в детском возрасте стилем объяснения успехов и неудач, т. е. социально обусловленными особенностями когнитивной деятельности.

Автор выделяет три вида характеристик когнитивного стиля: временные, пространственные и личные. Рассмотрим их на примере отношения к неудачам.

Временная характеристика связана с отношением к собственной неуспешности, либо как к постоянной, либо как к быстро проходящей ситуации. Оптимистичные люди объясняют себе хорошие события постоянными причинами: своими характерными особенностями, способностями, используют слово «всегда» и, вслед за успехом, стараются еще усерднее. Пессимисты называют причины временные: настроение, попытки, «иногда и могут сдать даже после собственного успеха, считая его случайным».

Пространственной характеристикой является широта распространения неудачи на жизнь в целом. Пессимисты склонны давать универсальное объяснение своим неудачам, капитулировать по всем направлениям, хотя неудача их постигает в одной конкретной области. Оптимисты, наоборот, придерживаются конкретного объяснения неуспеха и, оказываясь беспомощными в одной области своей жизни, сохраняют эффективность в других.

Наконец, последняя характерная особенность стиля объяснения – его персонализация. Внешняя персонализация неуспеха означает обвинение в нем других людей и/или обстоятельств. Внутренняя же предполагает обвинения в свой адрес. Пессимисты, приходят в итоге к низкой самооценке. Оптимисты, не теряют самоуважения в неблагоприятных условиях.

Большинство отечественных педагогов и психологов, обсуждая проблемы школьной успеваемости, отмечают влияние на нее, в первую очередь, мотивации учащегося, стиля его отношений с учителем, уровня развития способностей, различных черт характера и т. д.

Однако нам не встретились исследования, раскрывающие влияние оптимизма на учебные успехи.

Исследование взаимосвязи между уровнем оптимизма и школьной успеваемостью подростков проведено в два этапа. Всего опрошено 78 человек, в т. ч. 46 человек – учащиеся 10-х классов, 32 человека – учащиеся 11-х классов. Возраст опрошенных от 15 до 17 лет. 35 респондентов – мальчики, 43 – девочки.

В гимназии введена рейтинговая система учета успеваемости. Средний учебный балл каждого ученика определяется путём вычисления среднего арифметического оценок по всем предметам за прошедший учебный год.

Полученные данные позволили представить структуру выборки по уровню оптимизма (рис. 1) и сопоставить, а также проанализировать взаимосвязи между уровнем оптимизма и средним учебным баллом (рис. 2 – 5).

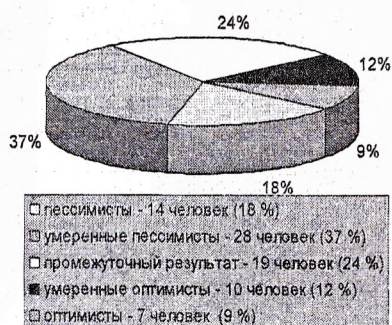

Рис. 1. Структура опрошенных по уровню оптимизма

Из 78 опрошенных учеников наибольшее число – 35,9 % – оказались настроены умеренно пессимистично; 24,36 % учащихся имели промежуточный результат; 17,94 % ребят оказались закоренелыми пессимистами; 12,82 % имели умеренно оптимистичный настрой и всего 8,97 % учеников были настроены весьма оптимистично. Таким образом, большинство опрошенных настроены пессимистично.

На рисунках 2-5 можно видеть, что из тех учеников, результат тестирования которых показал, что они настроены очень пессимистично, 71,4 % имеют средний годовой балл от 3,0 до 4,0. Они не успешны в школе.

Рис. 2. Соотношение умеренного пессимизма и среднего учебного балла

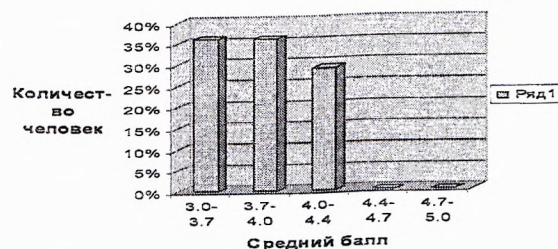

Рис. 3. Соотношение пессимизма и среднего учебного балла

Рис. 4. Соотношение умеренного оптимизма и среднего учебного балла

Большинство учащихся с умеренно пессимистичным настроением также имеют средний годовой балл от 3,0 до 4,0. Но процент таких неуспевающих учеников в этой группе ниже, чем в группе закоренелых пессимистов – 60,7 %. 32,1 % из них имеют средний балл от 4,0 до 4,3, и всего 7,1% учатся хорошо (от 4,4 до 4,5 баллов).

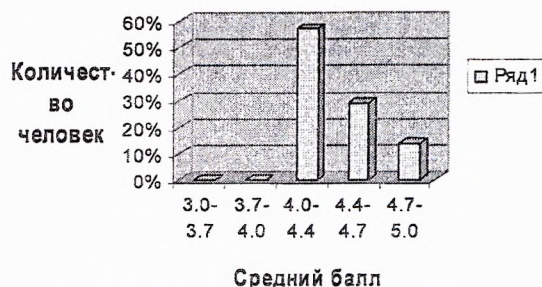

Рис. 5. Соотношение оптимизма и среднего учебного балла

Примечательно то, что в этой группе нет ни одного ребёнка, имеющего средний учебный балл выше среднего, т. е. 4,5.

В группе учеников с умеренно оптимистичным настроением 30 % имеют учебный рейтинг от 4,5 до 4,7 баллов, то есть показали высокие результаты. 90 % подростков в этой группе имеют средний балл выше 4,0. Это говорит о том, что неуспевающих учеников здесь гораздо меньше, чем в группе умеренно пессимистично мыслящих детей, где троечников – 60,7 %.

Детей с весьма оптимистичным стилем мышления оказалось меньше всего – 7 человек из 78 или 8,97 %. Все из них имеют средний учебный балл выше 4, причём 43 % получают высокие оценки (от 4,4 до 4,8).

Таблица

Результаты корреляционного исследования

Коррелируемые параметры	Значение коэффициента корреляции	Уровень стат. значимости
Уровень оптимизма – средний учебный балл	0,4329	$p \leq 0,01$
Уровень оптимизма – уровень интеллекта	0,0263	Не достигнут
Средний учебный балл – уровень интеллекта	0,3884	$p \leq 0,01$

Результаты корреляционного исследования представлены в таблице. Критическим значением выборочного коэффициента корреляции при $n = 46$

для уровня статистической значимости $p \leq 0,01$ будет значение 0,4.

Согласно полученным данным, во-первых, уровень оптимизма и средний учебный балл имеют достоверную положительную связь, т. е. для успешных в учебе подростков характерен высокий уровень оптимизма.

Во-вторых, существует положительная и достоверная связь между средним учебным баллом и уровнем развития общих способностей учащегося. Таким образом, данная рейтинговая система позволяет выделять группы успешных и неуспешных в обучении.

В-третьих, не обнаружено статистически значимой связи между уровнем интеллекта и уровнем оптимизма, хотя эти параметры не находятся в отрицательной зависимости. Следовательно, гипотеза подтверждена.

Несомненно, что оптимизм нам полезен. Научиться мыслить при неудачах более оптимистичным образом – значит обрести навык отражения депрессии. Он может также помочь нам добиваться большего и поддерживать себя в лучшей форме.

УДК 316.627

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ АЛЬТРУИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

А. Г. Портнова, К. Я. Джус

В качестве одной из ведущих личностных характеристик в отечественной психологии выделяется направленность. Сложность и многогранность данного понятия проявляется в разнообразии подходов к его определению: «основная жизненная направленность» (Б. Г. Ананьев); «динамическая тенденция» (С. Л. Рубинштейн); «смыслообразующий мотив» (А. Н. Леонтьев); «доминирующие отношения» (В. Н. Мясищев); «система потребностей» (Б. И. Додонов); «совокупность влечений, желаний, интересов, склонностей, идеалов, мировоззрения, убеждений» (К. К. Платонов) [14].

Направленность в таком контексте понимается как динамическая система установок и тенденций, ценностей и мотивов, интересов и идеалов, находящихся в сложных, в том числе иерархических, связях и отношениях, определяющая направление поведения и деятельности человека, ориентирующая его поведение и действия, отражающая доминанту, становящуюся вектором поведения (А. А. Ухтомский). «В глобальном плане направленность можно оценить как отношение того, что личность получает и берет от общества (имеются в виду материальные и духовные ценности), к тому, что она ему дает, вносит в его развитие», выступая, по мнению Б. Ф. Ломова, системообразующим свойством личности, определяющим ее психологический склад [14].

Объектом направленности человека (Н. А. Бердяев) выступают *ценности*, но не отдельно взятые, а в системе, с учетом их иерархии, приоритетности относительно друг друга.

В своем существовании и функционировании ценности выражают моральный идеал, возвышенный и абсолютный, являясь связанными с жизнью человека, самоопределением и самоосуществлением личности, а также с жизнью сообщества, его (само)управлением и проводимыми в нем политиками, определяют требования и осуществляемые в соответствии с ними практики в социуме. Одним из наиболее существенных трудов по теории, истории и практике ценностных ориентаций личности на сегодняшний день в отечественной психологии можно считать монографию М. С. Яницкого «Ценностные ориентации личности как динамическая система» (М. С. Яницкий, 2000), где ценности рассматриваются с позиций философии, психологии как сложная иерархическая система, важная образующая активности субъекта [20].

Принятие личностью ценностей предполагает построение индивидуальной ценностной иерархии. Ранг той или иной ценности в индивидуальной системе, по мнению Н. Гартмана, может определяться как ее абстрактной «высотой», так и ее «силой», зависящей от «тягости», возникающей при ее нереализации [20]. Ценность, имеющая для индивида наибольшую значимость, т. е. занимающая

самое высокое положение в его системе ценностных ориентаций, определяет общую направленность личности. Предпочтение ценности обусловлено представлениями об её абсолютной значимости для общества и человечества в целом или же их субъективной актуальной важностью. С. С. Бубнова, наряду с принципом иерархичности, выделяет принцип нелинейности системы ценностных ориентаций. По ее словам, «чрезвычайно важным свойством системы личностных ценностей является ее многомерность, заключающаяся в том, что критерий их иерархии – личностная значимость – включает в себя различные содержательные аспекты, обусловленные влиянием разных типов и форм социальных отношений» [5].

Структура направленности личности может быть простой и сложной, но главное в ней, – это устойчивое доминирование какой-то ценности, интереса, вследствие чего человек «настойчиво ищет средства возбуждать в себе нужные ему переживания как можно чаще и сильнее» (Б. И. Додонов) [9].

Психологическая классификация доминирующих ценностей личности является основанием для дифференциации типов направленности. Направленность личности, как отмечает В. С. Мерлин, может проявляться в отношении к другим людям, к обществу, к самому себе. М. С. Неймарк, например, выделены личная, коллективистская и деловая направленности личности [10]. Ш. Шварц и У. Билски считают, что каждому типу соответствует та или иная ведущая терминальная ценность. Д. А. Леонтьев приводит возможные группировки ценностей, объединенные в блоки по различным основаниям и представляющие собой своего рода полярные ценностные системы [12].

Среди инструментальных ценностей Д. А. Леонтьев выделяет следующие дихотомии:

- 1) этические ценности (честность, непримиримость к недостаткам), ценности межличностного общения (воспитанность, жизнерадостность, чуткость), ценности профессиональной самореализации (ответственность, эффективность в делах, твердая воля, исполнительность);
- 2) индивидуалистические ценности (высокие запросы, независимость, твердая воля), конформистские ценности (исполнительность, самоконтроль, ответственность), альтруистические ценности (терпимость, чуткость, широта взглядов);
- 3) ценности самоутверждения (высокие запросы, независимость, непримиримость, смелость, твердая воля), ценности принятия других (терпимость, чуткость, широта взглядов);
- 4) интеллектуальные ценности (образованность, рационализм, самоконтроль) ценности непосредственно-эмоционального мироощущения (жизнерадостность, честность, чуткость).

Д. И. Фельдштейн и И. Д. Егорычева выделяют такие типы личностной направленности, как: гуманистическая, внутри которой выделяется альтруистическая и индивидуалистическая акцентуации направленности; эгоистическая; депрессивная; суицидальная.

Э. Фромм выделяет типы непродуктивной и продуктивной ориентации. Типы непродуктивной ориентации современного общества – рецептивный (получающий), эксплуататорский (берущий), накопительский (сохраняющий) и рыночный (обменивающий). Продуктивная ориентация (производящий, дающий тип характера) подчиняет все усилия человека целям роста и развития всех его потенций [17].

В современной психологии направленность личности на те или иные ценности (ценностные ориентации) рассматривается как двойственное по своему происхождению образование, основанное одновременно на индивидуальном и социальном опыте.

Принятие личностью ценностей, «вращивание» её в свою структуру осуществляется посредством ряда механизмов. Интериоризация, понимаемая как присвоение общественно-исторического опыта, у Л. С. Выготского и других классиков отечественной психологии выступает в качестве основного механизма формирования личности. По словам Б. Г. Ананьева, «формирование личности путем интериоризации – присвоения продуктов общественного опыта и культуры в процессе воспитания и обучения – есть вместе с тем освоение определенных позиций, ролей и функций, совокупность которых характеризует ее социальную структуру. Все сферы мотивации и ценностей детерминированы именно этим общественным становлением личности» [7].

В работах ряда современных авторов, в частности И. Ф. Клименко, отмечается, что интериоризация общественно значимых ценностей проходит через усвоение социальных нормативов, как в вербальном, так и в поведенческом плане [11]. При этом, по мнению Б. С. Круглова, интериоризация ценностей представляет собой осознанный процесс, который предполагает наличие у человека способности выделить из множества явлений те, которые имеют для него некоторую ценность, а затем превратить их в определенную внутреннюю структуру в зависимости от условий существования, близких и дальних целей своей жизни, возможностей их реализации и т. п. Такая способность может осуществиться лишь при достаточно высоком уровне личностного развития, включающем определенную степень сформированности высших психических функций, сознания и социально-психологической зрелости [20].

В психоаналитической традиции рассматривается механизм близкий к интериоризации – интернализация, понимаемая как механизм, «посредством которого объекты внешнего мира получают постоянное психическое представительство, т. е. посредством которого восприятия превращаются в образы, формирующие часть нашего психического содержимого и структуру» [7]. Подобная трактовка, безусловно, сближает понятие «интернализация» с интериоризацией. По мнению А. В. Серого, интернализация – это более сложный механизм, предполагающий сознательное и активное восприятие ок-

ружающего мира, а также активное воспроизводство принятых норм и ценностей в своей деятельности. Кроме того, интернализация подразумевает принятие на себя ответственности, интерпретацию значимых событий как результата своей собственной деятельности [16]. Такая точка зрения восходит к представлениям А. Маслоу, по словам которого «всякий раз, когда человек берет на себя ответственность, он самоактуализируется» [13].

В. Грулих выделяет в интернализации ценностей следующие основные этапы: информация (о существовании ценности и условиях ее реализации); трансформация («перевод» информации на собственный, индивидуальный язык); активная деятельность (познанная ценность принимается или отвергается); инклюзия (иницирование, включение в лично признанную систему ценностей); динамизм (изменения личности, вытекающие из принятия или отрицания ценностей) [16].

Таким образом, по сравнению с интериоризацией, интернализация выступает как более сложный механизм формирования индивидуальной системы ценностей, придающий ей осознанный и автономный характер, обуславливающий направленность личности. Механизм интернализации рассматривался Ф. Сержантовым, В. Д. Шадриковым, Е. А. Климовым и др. на примере профессиональной деятельности. По мнению Е. А. Климова, для каждой определенной профессиональной группы характерен свой смысл деятельности, своя система ценностей [11]. При этом, как подчеркивает Л. Г. Дикая, сегодня профессионально важные качества «становятся производными от нравственных качеств человека... от иерархии ценностных ориентаций» [16]. Роль ценностных ориентаций в данном контексте заключается в том, что они, по словам О. М. Краснорядцевой, «детерминируют профессиональное поведение, обеспечивая содержание и направленность деятельности и придавая смысл профессиональным действиям» [20]. Особое значение система ценностных ориентации личности занимает в деятельности специалистов помогающих профессий, где важным для специалиста является наличие у него способности к чувствованию чужого «Ты» как собственного «Я», что возможно, если другой человек станет такой же ценностью, какой является для него самого он сам, и если любой человек будет вызывать у него искренний интерес.

Данная способность находит своё выражение в альтруистической направленности личности, центральным критерием которой являются интересы другого человека или социальной общности, что выражается в проявлении альтруистического поведения. Под альтруистическим (просоциальным) следует понимать поведение, направленное на благо других и не рассчитанное на какую-либо внешнюю награду. Это поведение обусловлено наличием у человека ряда личностных диспозиций: сострадательности, заботливости, чувства долга, ответственности и отсутствием качеств, не способствующих проявлению альтруизма, подозрительности, жадности, скептицизма [19].

Диапазон помощи весьма широк: от мимолетной любезности до оказания помощи человеку в опасной для него ситуации ценой собственной жизни. При этом, принимая решение об оказании услуги или помощи, человек учитывает такие факторы, как затраты времени, прилагаемые усилия, денежные расходы, отсрочку с их планов, неудовлетворение своих потребностей, опасность для своего здоровья и жизни.

Данные исследований Б. Латане и Дж. Дарли, посвященных выделению факторов альтруистического поведения, указывают на соблюдение этических норм, правил морального поведения. Действительность этих правил зависит от того, насколько человек интериоризировал их, насколько они стали для него внутренними стандартами, насколько поведение в соответствии с ними является для него ценностью. Чем более интериоризованы нормы в качестве стандартов поведения личности, тем сильнее поведение определяется предвосхищением его последствий для самооценки и тем меньше оно зависит от внешних обстоятельств [10].

Альтруистическое поведение характеризуется переживанием субъекта своего деяния как продиктованного внутренней необходимостью и не противоречащее его интересам. В своих работах Л. Берковитц и Л. Даниэльс указывают на взвешивание субъектом затрат (последствий поступка для себя) и пользы (последствий для обратившегося с просьбой). Человек тем меньше готов оказать помощь, чем дороже она ему обходится как материально, так и духовно (например возможность вступления в конфликт с кем-то из-за принятия на себя ответственности).

При принятии решения проявления альтруистического поведения, согласно результатам исследований Б. Латане, Дж. Родин, каждый участник ситуации руководствуется наличной у него степенью ответственности.

Альтруист реагирует на ситуацию спонтанно, в соответствии со своими этическими правилами и нормами. Важным свойством личности, predisposing к альтруистическому поведению, является predisposition к сопереживанию человеку, нуждающемуся в помощи (эмпатия). Чем больше человек склонен к сопереживанию, тем выше его готовность к помощи в конкретном случае.

По мнению Дж. Браун и других психологов, эмпатия может проявляться в двух формах - сопереживания и сочувствия. Сопереживание - это переживание субъектом тех же чувств, которые испытывает другой. Сочувствие - это отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастью другого (выражение сожаления, соболезнования и т. п.) [10]. Первое, считает Т. П. Гаврилова, основано в большей мере на своем прошлом опыте и связано с потребностью в собственном благополучии, с собственными интересами, второе основано на понимании неблагополучия другого человека и связано с его потребностями и интересами [2]. Отсюда сопереживание более импульсивно, более интенсивно, чем сочувствие. Сочувствие не всегда отра-

жает эмпатию, оно может выражаться даже бесстрастно, просто из вежливости («да, я понимаю, что это неприятно, но меня это не касается, не трогает»). Кроме того, Л. П. Калининский с соавторами считают, что при разделении эмпатических реакций вернее было бы говорить не столько о критерии разнонаправленности потребностей, сколько о степени эмоциональной вовлеченности своего «Я» во время такой реакции. Они полагают, что сопереживание является больше индивидуальным свойством, так как связано с такой типологической особенностью, как слабость нервной системы, а сочувствие – силой воли, степенью успешности социального обучения.

С. Шварц и Г. Клаузен показали, что готовность к оказанию помощи более выражена у людей с внутренним локусом контроля, воспринимающих себя как активных субъектов действия [10].

Е. Стауб отмечает положительную роль уровня морального развития и отрицательную роль макиавеллизма (пренебрежение моральными принципами ради достижения цели) для готовности оказать помощь [18].

В связи с этим можно констатировать, что проявление альтруизма связано с двумя мотивами: морального долга и морального сочувствия. Человек с моральным долгом совершает альтруистические поступки ради нравственного удовлетворения, самоуважения, гордости, повышения моральной самооценки (избегание или устранение искажения моральных аспектов Я-концепции представления о себе), относясь при этом к объекту помощи совершенно по-разному (и даже, иногда, отрицательно). Помощь носит жертвенный характер («отрывает от себя»). Люди с выраженной степенью морального долга (а это в основном лица авторитарного типа) характеризуются повышенной личной ответственностью.

Человек с морального сочувствия проявляет альтруизм в связи с идентификационно-эмпатическим слиянием, отождествлением, сопереживанием, но иногда не доходит до действия. Его помощь не имеет жертвенного характера, альтруистические проявления неустойчивы из-за возможного уменьшения идентификации и повышения личной ответственности.

Условием проявления альтруизма является направленность на состояние объекта помощи и сочувствующее отношение к нему. В данном случае происходит совпадение мотива и цели деятельности. Данный механизм позволяет выявить направленность совершаемых человеком действий, а следовательно, и его нравственного сознания, отграничить случаи, когда за кажущейся альтруистичностью действий скрывается достижение собственных узкокорыстных целей. Б. И. Додонов [9] установил, что, например, при гностической направленности личности ее свойства располагаются в следующем порядке: интеллект, трудолюбие, отзывчивость. При альтруистической же направленности они располагаются иначе: отзывчивость, трудолюбие, интеллект. Это отнюдь не означает, как справедливо замечает Т. П. Гаврилова, что человек с альтруистиче-

скими устремлениями не работает и не познает. Он чаще всего находит дело, в котором реализует свои альтруистические склонности [2].

Рассматриваемый феномен связан с определенными альтруистическими переживаниями человека, участвующими в своеобразной регуляции его деятельности, внося коррективы в ее протекание. В ряде работ установлена неразрывная связь между наличием в иерархии мотивов альтруистического мотива и устойчивой, специфической формой эмоционального реагирования. Доминирующий альтруистический мотив порождает и соответствующие ему специфические эмоциональные переживания, носящие характер устойчивого эмоционального реагирования. Это положение хорошо согласуется с данными, полученными в исследованиях Л. И. Божович [4], Б. И. Додонова [9], Я. З. Неверович и других авторов. Так, Б. И. Додонов утверждает, что устойчивая потребность человека во благе другого отражается в тенденции к переживаниям альтруистических эмоций. Если эта потребность не удовлетворена, человек испытывает тягостное состояние.

Таким образом, альтруизм как ценность заключается в бескорыстном служении другим людям, в готовности жертвовать для их блага личными интересами.

Альтруистическое поведение характеризуется переживанием субъекта своего деяния как продиктованного внутренней необходимостью и не противоречащего его интересам.

В ходе проведенного анализа подходов к изучению альтруизма можно констатировать, что:

- альтруизм является следствием эмоциональной реакции – эмпатии, при этом последняя понимается как аффективная связь с другим человеком, как способность приобщаться к эмоциональной жизни другого человека, разделяя его переживания;
- альтруизм возникает в результате воздействий на субъекта общественных моральных норм. Они представлены человеку главным образом в виде ожиданий других людей относительно его возможного поведения. Будучи неразрывно связанным с обществом, субъект, даже в отсутствие наблюдателей, будет вести себя в соответствии с принятыми нормами поведения;
- альтруизм побуждается так называемыми личностными нормами, под которыми понимается реальность, предстающая в форме ценностных ориентаций.

Таким образом, направленность выступает системообразующим свойством личности, определяющим ее психологический склад. Ее объектом выступают ценности, организованные в систему, с учетом их иерархии, приоритетности относительно друг друга. «Вращивание» ценностей осуществляется по средствам механизмов: интериоризации и интернализации. Альтруистическая направленность находит своё выражение в потребности содействия, помощи, покровительстве другим людям, не рас-

считывая при этом на какую-либо награду. Это поведение обусловлено наличием у человека ряда личностных диспозиций: сострадания, заботливости, чувства долга, ответственности и отсутствием качеств, не способствующих проявлению альтруизма – подозрительности, жадности, скептицизма. Альтруистическая направленность характеризуется переживанием субъекта своего деяния как продиктованного внутренней необходимостью и не противоречащего его интересам.

Литература

1. Ананьев, Б. Г. Избранные психологические труды. В 2-х т. / Б. Г. Ананьев. – СПб., 2003. – Т. 1.
2. Антилогова, Л. Н. Психологические механизмы развития нравственного сознания личности / Л. Н. Антилогова. – Омск, 1999. – 184 с.
3. Бодалев, А. А. Вершины в развитии взрослого человека / А. А. Бодалев. – СПб.: Питер, 2003.
4. Божович, Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
5. Бубнова, С. С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система / С. С. Бубнова // Психологический журнал. – М., 1999. – № 5. – С. 38 – 44.
6. Васильюк, Ф. Е. Психотехника выбора / Ф. Е. Васильюк // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. – М., 1996.
7. Выготский, Л. С. Развитие личности и мировоззрения ребенка / Л. С. Выготский // Психология личности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: МГУ. – С. 161 – 165.
8. Гидлевский, А. В. Философские и естественнонаучные основы современной теории нравственности / А. В. Гидлевский. – Омск, 2004.
9. Додонов, Б. И. Эмоция как ценность / Б. И. Додонов. – М., 1978. – 272 с.
10. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2004. – С. 174 – 221.
11. Климов, Е. А. Психология профессионала / Е. А. Климов. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. – С. 68 – 150.
12. Леонтьева, Д. А. Тест смысловых ориентаций (СЖО) / Д. А. Леонтьев. – М., 1992. – 17 с.
13. Маслоу, А. Самоактуализация / А. Маслоу // Психология личности. – М., 1982. – С. 108 – 118.
14. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2000. – 625 с.
15. Сержантов, В. Ф. Человек, его природа и смысл бытия / В. Ф. Сержантов. – М., 1990. – 360 с.
16. Серый, А. В. Ценностные ориентации личности в структуре профессионально значимых качеств школьных практических психологов / А. В. Серый: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Иркутск, 1996. – 25 с.
17. Фромм, Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М.: Республика, 1993. – 415 с.
18. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность: в 2 т. / Х. Хекхаузен. – М.: Педагогика, 1986. – Т. 1. – 408 с.
19. Эфроимсон, В. П. Родословная альтруизма / В. П. Эфроимсон // Новый мир. – М., 1971.
20. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

УДК 159.953.5

ПРИЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В. К. Семенихина, В. П. Михайлова

Могучее оружие человека в любых ситуациях – его разум. В бесконечном познании мира, в преобразовании бытия разум человека всемогущ и неистощим. Недостаточно только иметь хороший разум, но главное – это применять его. Знания приобретаются усилиями мысли. И важнейшая задача цивилизации – научить человека мыслить, а способность мыслить возникает лишь с приобщением к общечеловеческой культуре.

Научить детей мыслить – значит научить анализировать, сравнивать, обобщать, познавать и понимать себя, чтобы понять другого человека, увидеть многогранность и неповторимость его души. Для познания важен диалог логик, разных культур, внутренний диалог с самим собой. Урок – диалог – это постановка каждым учеником своего вопроса, выполнение мысленного эксперимента, понимание окончательной неразрешимости и вечности пробле-

мы, выслушивание разных вариантов решения и подведение ученика к индивидуально неповторимому слову – поступку.

Гедонистический метод познания (гедонизм – наслаждение, повышение хорошего самочувствия) помогает развивать внимание и память, которые являются залогом успешного обучения. Внимание – это особое действие внутреннего, автоматизированного контроля за собственной деятельностью, то есть проверка, сопоставление с требуемым образцом и оценка. Вот несколько приемов для концентрации внимания:

1. Прием шпаргалок – заменить карточки с текстом, упражнениями уменьшенным вариантом, который труднее читается, но запоминается лучше и надолго.
2. Накладывать на текст полупрозрачную бумагу (кальку): чем напряженнее работает мозг, тем

лучше запоминается и в большем объеме. Ученик имеет возможность подсматривать.

3. Повторение цифр: а) прямой и обратный счет с разными по величине рядами и количеством цифр в ряду, б) учитель говорит прямой, а ученик – обратный порядок.
4. Любые печатные тексты: в течение 5 минут найти и зачеркнуть любые по Вашему желанию буквы, затем другие буквы; зачеркивать по-разному; одновременно отыскать две буквы – одна зачеркивается, другая подчеркивается; на одной строке буквы обводятся кружком, на другой отмечаются галочкой.
5. Перепутанные линии: карточки с перепутанными линиями одного цвета: только глазами, без помощи рук, найти дорожку, ведущую от первой цифры ко второй (от «1» до «1» и т. д.), от одного слова к такому же на другой стороне.
6. Как можно быстрее и точнее вычеркивать в тексте часто встречающуюся букву.
7. На листе бумаги несколько предложений с пропуском и перестановкой букв в некоторых словах. Ученику разрешается прочесть текст только один раз, сразу исправляя ошибки цветным карандашом, затем другому ученику карандашом другого цвета. При работе в парах дети бывают более внимательными, когда проверяют друг друга, чем при выполнении собственной работы.

Одна из самых важных психических особенностей человека – это память. Недаром древние греки считали богиню памяти Мнемозину матерью девяти муз, которые покровительствовали всем известным в то время наукам и искусствам. Именно память позволяет человеку быть тем, чем он является, действовать в окружающем мире, осознавать свое собственное «я», учиться, развиваться, совершенствоваться. На начальном этапе обучения иноязычной речи наибольшая нагрузка приходится на память. Механическая и логическая виды памяти различаются способами запоминания: механическая – путем простого повторения, чаще всего многократного; логическая – через использование специальных приемов осмысления материала, языковых ассоциаций по сходству, контрасту или семантической близости.

Рекомендуемые приемы развития памяти дают эту возможность:

- показать 10 слов с трудным написанием на 25-30 секунд и убрать, затем ученики под диктовку пишут эти слова. Зрительная память «подстраховывает» слуховую;
- «Заблудившийся рассказчик». Учитель предлагает тему разговора. Один ученик развивает ее, затем, следуя за случайными ассоциациями, уводит разговор в сторону, переходит с одной темы на другую, стараясь запутать повествование. Затем второй ученик должен кратко пройти по всем ассоциативным переключениям первого ученика в обратном порядке – от конца к началу;
- «Бег ассоциаций». Ведущий произносит два случайных слова. Первый ученик описывает образ, соединяющий второе слово с первым. Затем 1-й

ученик предлагает свое слово ученику слева. Второй ученик связывает 3-е слово со 2-м словом ведущего, а свое слово (4-е) передает другому ученику. Игра движется кругами. Ведущий может остановить игру и предложить кому-нибудь воспроизвести все слова. Если участник помнит только свои слова, то он ориентирован на личное достижение и не участвует в игре;

- «Домино». Нужны наборы открыток, картинки от детского лото или карточки разрезной азбуки. Участники сидят вокруг стола, у каждого несколько карт с открытым изображением. Первый участник начинает повествование: все, что угодно (сказка, фантазия, юмористический рассказ, нелепое сновидение), но обязательно включающее в себя изображенную на картинке вещь. Следующий участник продолжает рассказ с обязательным включением изображения на своей карточке. По окончании игры ведущий может предложить по памяти восстановить последовательность их пересказа;
- «Разведчик». Ведущий старается запомнить внешность всех, а каждый участник – своего соседа. Затем отворачиваются и описывают друг друга, а ведущий добавляет, дополняет описание каждого;
- любая сюжетная картинка с проблемным содержанием. Ученики задают вопросы обо всем учителю или друг другу. Затем они составляют рассказ по этой картинке;
- чтобы преодолеть привычный взгляд на предмет, стереотип действия, учащиеся должны открыть необычные свойства самых обычных предметов. Отмечаются наиболее оригинальные ответы. В конце можно устроить дискуссию о правильности предложений;
- учитель умышленно делает ошибки в чтении, говорении. Ученики должны находиться в постоянной готовности найти и исправить ошибки;
- называется какой-либо хорошо известный предмет, надо найти как можно больше различных способов применения. Это развивает способность концентрации на предмете, умение открывать неожиданные возможности;
- берется несложная фраза, надо предложить несколько вариантов передачи этой же мысли другими словами. При этом ни одно слово данного предложения не должно употребляться в новых предложениях. Важно следить, чтобы не искажался смысл высказывания;
- описывается какая-либо необычная ситуация, необходимо как можно быстрее назвать причины события. Не стоит отбрасывать и маловероятные факты;
- берется небольшой рассказ или сообщение, к нему надо подобрать как можно больше заголовков, отражающих его содержание. Заглавия могут быть строгими, логичными, формальными, образными, яркими, эмоциональными. Задание позволяет легко выражать мысли одной фразой;

- предъявляется письменный или устный короткий рассказ. Его содержание надо передать максимально сжато, используя лишь 1-2-3 предложения, и так, чтобы в них не было ни одного лишнего слова. Основное содержание должно сохраниться, второстепенные моменты и детали следует отбросить. Возможна совместная доработка и шлифовка наиболее удачных ответов. Задание предназначено для развития организованности и умения четко излагать мысли, отвлекаясь от мелочей;
- построение сообщения по алгоритму. Участники договариваются, что, рассказывая о каких-либо событиях, будут четко придерживаться общего для всех определенного алгоритма. Алгоритмы могут быть разными, например: факт - причины, повод - сопутствующие события - аналогия и сравнения-последствия. Рассказчик должен фиксировать все отмеченные моменты в этой последовательности. Можно использовать алгоритм Цицерона: «Кто - что - чем - зачем - как - когда». Задание дисциплинирует и углубляет мышление.

Восприятие - это психический процесс, с которого начинается всякое познание. Восприятие предшествует переработке и удержанию в памяти учебной информации. Слуховое восприятие, мышление и память составляют интеллектуальную сторону иноязычных способностей человека. В процессе усвоения языкового материала мышление способствует его смысловой организации, память - его фиксации. Развитие речевого слуха с помощью фонетических упражнений и аудирования текстов является предпосылкой развития многих других компонентов и должно осуществляться на всех этапах обучения иностранному языку.

Упражнения для формирования общих аудитивных навыков:

1. Прослушать ряд слов и распознать слова с определенными звуками.
2. Распознать вопросительное, утвердительное, отрицательное предложение.
3. Отметить соответствующими номерами услышанные слова в той последовательности, в которой они звучат.
4. Назвать части речи в предложении.
5. Сказать, в каких предложениях действие произошло, происходит, будет происходить.
6. Повторять за диктором предложение, которое постепенно удлиняется.
7. Указать границу между главным и придаточным предложениями.
8. Догадаться по контексту о значении неизвестных слов в знакомой грамматической форме.
9. Прослушать предложения, произнесенные в быстром темпе, и перевести на родной язык. При повторном прослушивании исправить ошибки в переводе.
10. Записать прослушанные номера телефона, даты.
11. Прослушать фрагмент текста и продолжить его устно.

12. Прослушать 2 текста и определить общее и разное в них.

13. Изложить сжато содержание текста.

Если мнемическая деятельность направлена на то, чтобы понять текст, на выделение главного, установление связи с уже имеющимися знаниями, то такая память называется смысловой, для которой характерно преобразование материала.

Смысловая память основана на понимании, то есть деятельности мышления, и связывается с развитием языка. Слово является не только символом какого-либо объекта, но и понятием. Различие между смысловым запоминанием и мышлением заключается в том, что в процессе мыслительной деятельности выделяются существенные стороны предмета и его многочисленные связи с окружающим миром. В процессе смыслового запоминания в первую очередь создаются крупные структурные единицы припоминания, так называемые мнемические опоры, что и позволяет преодолевать ограничения кратковременного запоминания. Наиболее эффективными будут те мнемические опоры, которые будут отражать главные мысли материала. Для детей со слаборазвитой памятью пути ее компенсации лежат в развитии смысловой памяти: умении обобщать материал, выделять главные мысли. Чтобы вычленить главное, ученики должны последовательно отвечать на 2 вопроса: о ком/чем говорится в этой части и что говорится (сообщение) об этом.

Общие правила выделения мнемической опоры:

1. Текст предварительно не разбивается на части.
 2. Главные мысли выделяются по ходу чтения.
 3. Части формируются сами собой вокруг главных мыслей.
 4. Главные мысли текста должны иметь единую смысловую связь.
 5. Правильно выделенные основные мысли должны составить короткий рассказ.
 6. Мнемические опорные пункты - главные мысли - должны представлять собой развернутые, самостоятельно составленные или взятые из текста предложения.
 7. Составить план пересказа:
 - а) в пунктах плана должна быть выражена главная мысль;
 - б) пункты плана должны быть четко сформулированы (подлежащее, сказуемое и другие члены предложения).
- Так как в процессе обучения приходится воспринимать большой объем информации, важно соблюдать гигиену мнемической деятельности. Любой вид памяти может быть произвольным и непроизвольным. Приступая к приготовлению урока, необходимо поставить перед собой цель - запомнить; представить, что и как следует запомнить:
- а) все подряд или отдельные части материала;
 - б) наизусть;
 - в) близко к тексту или общий смысл содержания.

Четкое, сознательное намерение запомнить надолго помогает добиться нужного результата, повышает прочность запоминания материала. Почти весь материал можно представить в виде картинок и описать необходимыми словесными средствами. Текст, который требует механического запоминания, хорошо повторять в последний раз перед сном.

Забывание особенно быстро развивается в первые 48 часов после восприятия любого материала. Наибольший процент забывания приходится на первые 24 часа. Значит, следует готовить уроки сразу в день объяснений, по горячим следам: достаточно посмотреть в учебник и убедиться, что все понятно. Если все понятно, выделить главное и попробовать один раз пересказать хотя бы основное. Еще раз прочитать, отметить про себя, что запомнилось, а что нет, и отложить до дня приготовления уроков. При такой подготовке уроков требуется в два раза меньше времени, чем при подготовке накануне. При приготовлении уроков на завтра следует разделить по времени понимание материала и запоминание его. За один прием не следует повторять больше 2-3 раз. При каждом повторении нужно обращать внимание на допущенные ошибки и трудные места.

На умственную деятельность человека влияют его личностные качества: воля, ответственность, дисциплина, целеустремленность и другие, так как они мобилизуют резервы личности, стимулируют его психические возможности и обеспечивают высокие результаты учебной деятельности. Установлено, что эмоциональные и общительные ученики легче и быстрее овладевают иностранным языком. Поэтому в структуру иноязычных способностей включают эмоциональные (впечатлительность, экспрессивность, импульсивность и т. д.) и коммуникативные качества (умение вступить в разговор, убе-

дить собеседника, доказать свою точку зрения и т. д.). Хотя эти особенности личности в какой-то степени определяются темпераментом, но, как и все психические явления, они могут изменяться под влиянием специально организованного воздействия. Такое воздействие осуществляется в форме систематически выполняемых упражнений в общении, в эмоциональном речевом поведении, в ролевых учебных играх, ситуациях, диалогах.

Успех развития речемыслительной деятельности зависит от положительной эмоциональной обстановки. Страх, беспокойство, нервное напряжение, предэкзаменационное возбуждение ведет к отрицательному восприятию, а отрицательный опыт запоминается лучше, чем нейтральный. Чем сильнее эмоции, и положительные и отрицательные, тем больший объем материала запоминается. Знание своих слабых и сильных сторон позволяет преодолеть стресс и способствует возникновению положительных эмоций, связанных с достижением успеха, и которые ведут к повышению эффективности речемыслительной деятельности.

Литература

1. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранному языку в школе / И. А. Зимняя. – М.: Просвещение, 1999.
2. Рогов, Е. И. Настольная книга практического психолога в образовании / Е. И. Рогов. – М.: Владос, 1995.
3. Маркова, А. К. Диагностика и коррекция умственного развития в школьном и дошкольном возрасте / А. К. Маркова, А. Г. Лидерс, Е. Л. Яковлева. – Петрозаводск, 1992.
4. Бориско, Н. Ф. Сам себе методист / Н. Ф. Бориско. – Киев, Инкос, 2001.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.11'1+811.161.1'1

МОДАЛЬНЫЕ ОТТЕНКИ АНАЛИТИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ ГИПОТЕТИЧНОСТИ

Т. А. Логунов

Во всех исследованиях языковой категории футурума, как правило, подчеркивается ее комплексный характер. Семантика средств выражения футуральности включает несколько компонентов помимо собственно темпорального, и одним из основных осложняющих факторов является модальность. Обозначение будущих действий отличается по содержанию от обозначения настоящих и прошедших тем, что будущему по самой его природе (как области не еще реализовавшегося) присуща своя особая обязательная модальность. Факты истории языка и его развитие в онтогенезе и филогенезе

показывают «вторичность» категории будущего относительно прошедшего и настоящего (Кравченко, 1996, 80). Это является следствием того, что ирреальная природа будущего когнитивно более абстрактна относительно более осязаемых и эмпирически доступных временных планов. Взаимодействие модальности, гипотетичности и темпоральных значений при функционировании указанных средств на синтагматическом уровне и составляет специфику системных футуральных средств языка.

Как известно, в языковых категориях отражены результаты переработки в сознании членов

языкового коллектива объективных явлений и отношений между объектами, поэтому и языковая категория футурума имеет онтологические основания. Следовательно, одним из основных источников модальности будущего в языке является его специфика как понятийной категории (Сахарова, 1987). Таким образом, некоторые лингвисты предлагаются рассматривать футурум в языке одновременно и как *грамматическую*, и как *когнитивную* категорию (Fleischmann, 1982).

Исходя из этого, при описании функционирования футуральных форм необходимо учитывать не только ближайший лингвистический контекст, но и такие факторы широкого контекста, как объем знаний коммуникантов на момент речи и модус их отношения к будущим событиям, иными словами, их когнитивную позицию и, шире, всю коммуникативную ситуацию. При обозначении будущих действий в языке большое значение приобретают концептуальные представления носителей этого языка о будущем, о возможностях воздействия на него. Таким образом, при интерпретации высказываний о будущем повышается роль внеязыковой информации, фоновых знаний. На этом основании исследователи грамматической семантики приходят к выводу о том, что в будущее время входит не только семантика компонентов его формы, но и *прагматика высказывания* (Фичи Джусти, 1997).

Л. Хэгеман называет высказывания о будущем «относительными» в том смысле, что они являются продуктами умозаключений, догадок, суждений, ожиданий со стороны говорящего или пишущего и не подвержены никакому объективному контролю в момент t_0 (Haegemann, 1982, 95). Употребляя грамматическую форму будущего времени, говорящий указывает, что называемое им событие еще не стало объектом фактического *объективного знания*, но является продуктом *субъективной оценки*, сделанной на основании положения говорящего в момент t_0 , т. е. основанной на некоторых знаниях, имеющихся у него в этот момент (Haegemann, 1982, 102). В. М. Комогорцева выделяет специальный модальный признак для форм будущего, всегда сопутствующий временному признаку, и обозначает его как «*предположительность*». Ему противостоит признак «*определенность*», входящий в семантическую структуру форм настоящего и прошедшего времени, так как они характеризуются актуальностью и фактичностью действия (Комогорцева, 1965, 4).

В диссертации Н. С. Сахаровой, посвященной средствам выражения проспективности, в качестве одного из объединяющих компонентов в семантической структуре данных средств выделяется модальное значение *гипотетичности*, свойственное самому понятию будущего как категории вероятностной. Автор подчеркивает, что значение гипотетичности не противоречит значению проспективности, а как бы накладывается на него. «Дополнительные модальные значения, передаваемые средствами выражения перспективности, являются следствием реализации данных средств в определенных речевых

условиях» (Сахарова, 1987, 4). Модальность гипотетичности предлагается относить к сфере, промежуточной между модальностью реальности и модальностью ирреальности, то есть в одних случаях действия, обозначенные средствами выражения проспективности, относятся к сфере реальности, а в других случаях их осуществление связано с проблематичностью, неуверенностью (Сахарова, 1987, 20).

Для описания мы произвольно выбрали аналитические формы будущего русского и английского, поскольку соотношение категорий футурума в этих двух языках является несимметричным благодаря наличию в русском языке двух грамматических футуральных форм.

В настоящем исследовании мы рассматриваем различные частные ситуации и оттенки модальных значений, реализуемых как разновидности более общего значения гипотетичности. В сфере будущего к этому значению приближается значение потенциальности, т. е. возможности возникновения или проявления чего-либо в последующем временном отрезке при каких-либо условиях. Соответственно, действие, мыслимое как потенциальное, противопоставлено реальному и, таким образом, рассматривается как предположительное осуществление чего-либо.

Очевидно, одной из основных ситуаций, в которых гипотетичность как категориальная характеристика футуральных средств проявляется наиболее ярко, является условная зависимость. Действительно, степень вероятности реализации действий, относимых к будущему, значительно понижается, если действие зависит от другого, еще не совершившегося, или если действие находится в отношении каузации с другим действием, которое само мыслится лишь как возможное. В данном случае можно говорить об усилении гипотетичности всей ситуации и о принципиальной потенциальности такого будущего действия. Синтаксически эти ситуации оформляются в языке как сложно-подчиненные предложения с придаточными условия, в которых аналитическая форма представлена в сказуемом главной части. Однако условие реализации может быть просто имплицировано контекстом. Обусловленность будущего действия характерна для речевых актов угрозы, предупреждения (предостережения) и других, в которых форма сложного будущего выражает возможные негативные последствия для адресата в том случае, если он не выполнит требование. Поэтому адресат в такой ситуации часто занимает позицию пациенса, хотя при синтаксической реализации пропозиции он представлен как исполнитель действия. «Гражданин, ... Вы бы Вашу собаку страшную увели куда-нибудь, тут все-таки Вам не зона.... В общественных местах намордник полагается. ... Вас я, учтите, на полном официальном предупредила. Покусает – будете штраф платить» (Владимов). Асиндетон в русских предложениях со значением условия предупреждения распространен не менее чем в английском (ср. *Try that and I'll kill you* (Forsyth)).

Реализация будущего действия, которое необходимо или желательно с точки зрения говорящего, зависит от действий адресата высказывания и 3-х лиц; этот каузирующий предикат имеет более конкретную семантику, нередко называет физическое действие и выражается формой императива или другой побудительной формой. При этом желаемое действие в большинстве примеров является не физическим, а мыслительным или речевым. Субъект речи «отдаляет» это первоначально желаемое для адресата действие от момента настоящего в будущее, так что между двумя действиями устанавливаются, помимо каузирующих, еще и темпоральные отношения. Типичный для русского языка способ подчинительной связи в этом контексте – это союзное сочетание «тогда и», который можно развернуть как «только после этого возможно Р»: «*Давайте поработаем измерителем, давайте переведем на язык цифр – тогда и будем говорить*» (Астафьев). «*В конце концов, физики преподнесут нам свой энцефалограф... Долгожданный... И тогда мы будем, наконец, знать, кто что думает...*» (Дудинцев).

Использование *shall/will* в главной части условных периодов в английском распространено примерно так же широко, как и употребление сложного будущего в соответствующем контексте в русском, то есть, достаточно частотно: «*They'll hear the shot,' Castle said. 'We'll take a little walk down to the cellar. One shot - nobody pays any attention. They think it's a back-fire*» (Greene).

Следует отметить, что имплицуемое условие, которое выражается контекстом, как в предыдущем примере, еще более снижает степень вероятности будущего действия. В тех случаях, когда контекст содержит логический вывод относительно малой вероятности определенной ситуации в будущем, или, как в следующем примере, указание на невозможность, будущее действие представляется уже, скорее, как совершенно ирреальное, так что при переводе на русский возможна замена индикативной формы на сослагательное наклонение: «*I regard your side as having four votes certain. Yourselves and Nightingale. Nightingale can't cross over again, or he'll make the place too hot to hold him*» (Snow).

Имплицуемое условие, включающее отрицание, предполагает отказ или согласие адресата на определенное действие в будущем, что необходимо для исполнения другого потенциально положительного для него действия [Модель: «если (не) согласишься, тогда (не) получишь»]: «*I suppose,' said Joan thoughtfully, 'there are some arguments in favour of a formal wedding.' 'Of course there are. You must never think of anything else.' 'She means,' said Crouchback, 'that you'll miss the presents'*» (Waugh).

Когда субъект речи контролирует ситуацию и совершение действия зависит от него, он может прямо ставить перед адресатом условие в форме требования его согласия/обещания: «*Tell me the truth. If you don't hate me tell me the truth.*» «*We don't hate you,' said Roy. 'We're very fond of you. So will you stop hurting yourself? Then I'll tell you the truth'*» (Snow).

Иногда потенциальность ярко проявляется при реализации сложных пропозициональных комплексов с функторными предикатами (Касевич, Храковский, 1983) качества, у которых первая валентность заполнена предикатным актантом со значением тождества, что на поверхностном уровне соответствует инфинитивным предложениям с формальным подлежащим в английском или безличным предложениям в русском [МОДЕЛЬ: «It will be ADJ + INF»]. Такая синтаксическая конструкция используется, в частности, для выражения различного рода оценок действия говорящим и, благодаря употреблению *will*, относит к будущему всю ситуацию, хотя содержательно сам факт оценки относится к настоящему. Несмотря на формальную невыраженность, субъект оценки совпадает с субъектом высказывания, ср.: в следующем примере «It will be nice to see ...» интерпретируется как «I think now that it will be nice when we have opportunity to see...», таким образом, форма с *will* вполне взаимозаменяема с нереальным наклонением: «*As you know, Eustace, I understand these things very little - but it will be extremely nice to see your genius. I stipulate, however, that I am not expected to converse in any language but my own*» (Snow).

Употребление формы будущего в придаточном сравнения, когда настоящая ситуация, представленная в главной части, оценивается как более предпочтительная, чем потенциальная будущая, создает оттенок ненужности будущего действия и представляют его как гипотетическое, крайне маловероятное: «*Jago satisfies what I want better than anyone we shall find*» (Snow).

Потенциальность совмещается с предсказанием: поскольку говорящий или субъект данного ментального действия исходит из своих знаний о свойствах ситуации, ее участников в прошлом и настоящем, он уверен в реализации своего предсказания в случае наступления соответствующей ситуации в будущем. Потенциальность же возникает благодаря обусловленности, т. е. каузации другим еще не реализованным событием, при которой вероятность реализации обеих альтернатив примерно равна. Ср. ситуацию выборов в следующем примере: «*Jago has sacrificed himself for me college, Eliot. Just as every college officer has to. Whereas Crawford has not sacrificed himself, he has become a distinguished man of science. On academic grounds his election will do us good in the outside world*» (Snow).

Еще более ярко потенциальность проявляется, когда сочетание «*will + inf.*» функционирует не в чисто футуральном значении, а содержит, например, элемент предположения. В данном случае вес модальной составляющей значения повышается, однако именно футуральный компонент указывает на потенциальную верификацию в будущем того предположения, которое выразил в этом высказывании субъект речи: «*If anything more is known about your Eduard Roschmann, he'll know it*» (Forsyth).

Обусловленность временными придаточными также весьма частотна в нашей выборке, причем характер обусловленности в этом случае несколько

иной, так как временное придаточное обозначает (а) время наступления или (б) прекращения существования ситуации, каузирующей будущее действие. Наиболее ярко потенциальность проявляется во втором случае, то есть когда придаточные вводятся союзами *while*, *so long as*, *till* и т. п. Сохранение определенной ситуации, имеющей место в настоящем, это препятствие для изменений, но условие сохраняется только до определенного момента. Подобные предложения трансформируются в условные «ирреального типа» с отрицанием: «если бы С не было, тогда ..., а пока С существует, то ...». Следовательно, именно какое-либо изменение обуславливающей ситуации каузирует начало того действия в будущем, которое выражено футуральной формой: '*... so long as the collective guilt theory remains unquestioned nobody will start to look for specific murderers*' (Waugh). '*The ODESSA [secret organization for SS members] is still there, and will be while there is an SS criminal to protect*' (Forsyth).

Ср. также сопоставительные (двухкомпаративные) темпоральные предложения: '*I haven't come all this way to talk about myself,*' the priest said. '*The sooner your confession's done, the sooner I will be gone...*' (Greene).

В нашем описании выделяется ряд специальных ситуаций, характерных для русского или английского языка, в которых при проявлении категориальных значений футуральных форм (в частности, значений гипотетичности, потенциальности) реализуются различные оттенки, в том числе и модальные.

1. Ситуация «эмоционального выбора». Рассматривая собственные перспективы в будущем, субъект речи практически всегда принимает решение в ситуации выбора, поскольку ему обязательно приходится сравнивать несколько возможных действий и их результаты. Сравнение может иметь как формальное выражение, так и имплицироваться всем сопоставительным контекстом. Выражение «я лучше буду Р₁, чем Р₂», как правило, имеет эмоциональную окраску, привносимую лексическим контекстом: «... *Никогда я не пойду по пути своего папочки, никогда не позволю поработить себя никакой политической идее, любая из них мерзее другой, хватит с меня этого дурмана, да лучше я на саксофоне буду играть...*» (Аксенов).

Важно, что альтернативное решение связано с отказом от какой-либо достаточно перспективной (с внешней точки зрения собеседников) линии развития; это, в свою очередь, предполагает волевой акт решения. В то же время ситуация предпочтения одного действия, менее привлекательного и престижного для общественного мнения – и мнения самого говорящего, актуализирует гипотетичность, ирреальность будущего, поскольку действие, выраженное формой будущего сложного, рассматривается как последняя альтернатива. Обусловленность, которая реализуется как необходимость принятия решения о выборе и является каузирующим фактором, имплицирован контекстом. (Ср. возможное прочтение предыдущего примера: «Чтобы не стать

политиком, я согласился бы даже на работу музыкантом [но существует много других видов деятельности, которыми я тоже могу заняться]»).

2. Нейтрализация индикатива и неиндикатива. Если главный предикат обозначает ментальное действие, связанное с конструированием так называемых альтернативных миров (например, «представлять себе» – «мысленно воспроизводить, воображать» (словарь С. И. Ожегова)), то в зависимой от него пропозиции, реализуемой придаточным определительным или дополнительным сложное будущее время оказывается вполне взаимозаменяемым с формами сослагательного наклонения. Причем последние являются более ожидаемыми в таком контексте, однако форма сложного будущего в силу особенностей своего содержания отлично подходит для выражения нереального: «*А нетрудно и представить такое общество, в котором все отношения, будут вытекать [= вытекали бы] из нравственности*» (Солженицын).

3. Мысленное конструирование. В этом случае реализуемая пропозиция зависит от предиката мыслительного действия, представленного глаголом внутреннего зрения «представлять себе». Характерно, что в большинстве случаев он имплицирован контекстом, поскольку все представленные субъектом речи ситуации существуют лишь как ментальные конструкции, представления в его сознании.

Мысленное конструирование будущей ситуации (Хрисонопуло, 2001, 205) – сравнительно распространенный случай употребления сложного будущего в его чисто видовом длительном значении. Субъект ментального состояния детально представляет, как правило, *благоприятную* или *желательную* для себя ситуацию и описывает ее с помощью нескольких форм будущего сложного, обозначающих параллельные действия/состояния самого субъекта и третьих лиц. Будущая ситуация четко отделена от настоящего, в котором находится субъект, как темпорально, так и локативно (т. е. субъекту необходимо переместиться в пространстве), и наступление благоприятного будущего связано со значительными изменениями в настоящем положении субъекта: «*Проволакивалось через его голову всё нужное и ненужное: ... и оживлённые лица Кадминых при жёлтой керосиновой лампе, когда он будет выкладывать им миллион городских впечатлений, а у них будут новости аульные и какие они за это время слышали музыкальные передачи – и приплюснутая хибарка будет казаться им троим наполненной вселенной...*» (Солженицын).

Реже субъектом ситуации в будущем является только третье лицо или же ситуация оказывается безличной (бессубъектной), в таком случае характер будущего меняется на нежелательный, неблагоприятный или прямо опасный для субъекта мысленного конструирования: «*Майор Зарубин подумал: со временем немцы сообразят бомбить плацдарм, заходя не с реки, а пикируя вдоль берега, вот тогда начнется страшное дело – обвали-*

вающимся яром будет давить людей, будто мышат в норках» (Астафьев).

В английском языке, так же как и в русском, футуральное сочетание с *shall/will* используется для мысленного конструирования будущего. Контекстуальные условия, к которым относятся и неопределенное время осуществления, и лексическая детализация ситуации, а также желательность в отношении будущей ситуации, в двух языках в целом совпадают. Говорящий может представлять такую будущую ситуацию, в которой он является центральным лицом или одним из участников, в последнем случае описывается будущее объектов, тесно связанных с ним: *«There was plenty of work. Gold teeth. But then the peso dropped. And now I can't get out. One day I will.' He said, 'I'll retire. Go home. Live as a gentleman ought to live. This' – he gestured at the bare base room – 'I'll forget all this. Oh, it won't be long now. I'm an optimist»* (Greene).

Конструирование восприятия. Эта ситуация является разновидностью предыдущего случая, поскольку пропозиция здесь также подчинена предикату мыслительного действия «предположение», который тем не менее вводит предикатный актанта, реализуемый глаголом визуального восприятия.

Сложная форма будущего с глаголом «выглядеть», определяемым наречиями типа «глупо», «по-дурачки», которые негативно характеризуют внешний облик (образ) субъекта речи, создает гипотетическую ситуацию будущего. Будущее в таком случае ментально конструируется с точки зрения внешнего по отношению к субъекту мыслительного действия восприятия. Семантика этого глагола подразумевает визуальное восприятие со стороны внешнего объекта – «производить какое-либо впечатление своим видом» (словарь Д. Ушакова). Таким образом, говорящий (=субъект мышления) конструирует ситуацию, в которой он видит себя чужими глазами: *«Сперва он вышел встречать её в садик, зная по какой кривой аллейке она должна прийти, ... но потом подумал, что в бабьем халате будет выглядеть глупо, не так, как хотел бы ей представиться»* (Солженицын).

Такое будущее состояние характеризуется как совершенно неприемлемое, недопустимое для субъекта мысли и поэтому он предпринимает или планирует предпринять действия, ведущие к альтернативному будущему. Таким образом, автор высказывания «Я буду выглядеть глупо» заранее отказывается от такого варианта развития будущего, что делает форму будущего в этом выражении синонимичной форме нереального наклонения (ср. *«В этом халате я выглядел бы глупо, поэтому я не хочу, чтобы меня в нем видели»*).

4. Ситуация «нереализованных ожиданий». Реализация пропозиции (предикатного актанта), зависимой от предиката пропозиционального отношения, выраженного глаголом мнения/предположения, оказывается особенно специфичной, благодаря тому, что из-за расхождения временной характеристики двух предикатов в предложении может выражаться как собственно

предположение, так и оценка уже реализованной ситуации. Так, в придаточном, зависимом от формы прошедшего времени глагола «думать» с отрицанием, особенно при совпадении субъекта главного и придаточного, выражается оттенок *маловероятности*, проблематичности или *невозможности* такого развития ситуации с точки зрения субъекта ментального действия. Форма с «буду» здесь употребляется для обозначения «относительного» будущего (ср. будущее-в-прошедшем в английском языке), верифицируемого наступлением настоящей ситуации. Фактически в этом контексте говорящий сообщает о своих нереализованных предположениях и даже об имевшей место в прошлом уверенности в том, что наступление такой ситуации невозможно. *«Никогда не думала, что буду так переживать!» – хрустнула Донцова пальцами в пальцах»* (Солженицын). *«Не думал, что буду горько жалеть об упущенных возможностях, зная, что они более не представляют»* (Ефремов).

Данные высказывания легко трансформируются за счет переноса отрицания из главного предложения с глаголом ментального действия в придаточное (ср. *«Я была уверена, что не буду так переживать»*). В то же время сама форма будущего ярко сохраняет здесь значение гипотетичности, поскольку верификация будущего изначально была возможна лишь при условии наступления определенной ситуации.

5. Риторический вопрос. Риторический или формально риторический вопрос является еще одним контекстом, ярко демонстрирующим гипотетичность аналитического будущего. Яркой особенностью риторического вопроса является расхождение между формальным построением предложения и иллокутивной силой высказывания. В коммуникативном аспекте здесь следует говорить, скорее, о констатирующих высказываниях с достаточно сильной эмоциональной окрашенностью, а не о вопросах к адресату.

В основе риторического вопроса с формой аналитического будущего лежит либо такая пропозиция, в которой один из актанта представляет собой нечто неизвестное для говорящего (что выражается вопросительным местоимением «кто?», «что?»; ср. *«[некий X будет делать А]?», «[Y будет делать некое В]?»*), либо обычная агентивная пропозиция, которая, благодаря содержанию предиката, может модифицироваться до воликативной, когда под вопросом оказывается желание адресата. Таким образом, формально и первый, и второй типы представляют собой запрос, лишь во втором случае при речевой реализации мы получаем запрос о воле, желании адресата. Однако анализ материала показывает, что простое соответствие этих типов специальному и общему вопросу на поверхностном уровне не исчерпывает различий между ними.

В нашей выборке на русском языке доминирует один тип риторических вопросов с вопросительным словом; содержанием таких вопросов является невозможность, проблематичность для гово-

рящего или адресата найти выход из ситуации и, как следствие, растерянность говорящего, что подтверждается даже отрицательным ответом со стороны самого автора этого вопроса. Такие высказывания, как правило, ярко окрашены эмоционально: «Эх, девочка! Куда Вы полезли? Зачем? Кто о Вас плакать-то будет?» (Домбровский). «Где теперь вот я буду искать Полину Юрьевну?» (Гранин). «Он же всех профессоров... Ты же видел приказы министра! Видел в ректорате? ... Кто будет завтра настоящую науку преподавать? Некому! Некому!» (Дудинцев).

Возникновение невозможности совершить действие всегда основывается на определенных событиях прошлого или настоящего. Наиболее проблематичным для говорящего является отсутствие подходящего субъекта для выполнения желаемого или необходимого действия: «И Клопова – сняли!.. Да кто же будет беречь кадры?.. Совершенно новые какие-то имена...» (Солженицын). Этот случай, при котором субъект действия выражен вопросительным словом, т. е. остается неизвестным говорящему, поскольку нет возможности установить референт агенса для данного предиката, является наиболее распространенным для русского языка.

Утвердительное предложение, реализованное в форме риторического вопроса на основе такой пропозиции, актуализирует значение обобщенного настоящего, осложненного гипотетичностью футурума. Такие высказывания также являются стилистически ярким средством выражения модального значения невозможности (ср. ниже: «кто же будет так поступать» интерпретируется как «никто не будет так поступать, кроме...» или со снятием футурального значения – «никто так не поступает, кроме...»). «В глухой и пустынный час Лучников увидел в "Аркадах Воображения" вдалеке одинокую женскую фигуру. Без сомнения, советский человек, кто же еще посреди ночи на перекрестке фальшивого и реального мира, ... будет столь самозабвенно изучать витрину парфюмерной фирмы» (Аксенов). Вместе с тем форма будущего здесь также имеет вневременную отнесенность, поскольку указывает на нетипичность данного поведения для всего неограниченного множества субъектов, кроме названной группы. Указание на конкретные обстоятельства действия способствует выражению оттенка гипотетичности: «никто, кроме советского человека, не стал бы действовать таким образом, оказавшись с подобной ситуацией».

Контекст риторического вопроса позволяет актуализировать модальное значение невозможности, что верно для обоих рассматриваемых языков. Однако имеется и существенное различие, связанное с тем, что в английском более распространены риторические вопросы второго типа, т. е. реализуемые как формально общие вопросы. В этом случае очевидно коренное различие природы и источника невозможности, поскольку такие вопросы, как пра-

вило, обращены к разуму и воле адресата, а не только к эмоциональной сфере, при этом сам адресат может повлиять на события, сняв ситуацию невозможности: «*And you would let your judgement of all this, of the greatness that once was Germany's and will be again one day, of the essential unity of us ... the German people, you will let your judgement of all this be affected by what happened to a few miserable Jews?*» (Forsyth). Невозможность в этом случае есть невозможность для говорящего представить себе реализацию описанной им ситуации, т. е. несовпадение возможного или прямо предлагаемого собеседником пути развития и фоновых знаний, представлений или мотивов говорящего. (Можно предложить следующую экспликацию: «*It is difficult to believe, can it really happen so?* или *Will you/he/she/they really do it?*»).

Таким образом, практика описания семантического наполнения аналитической футуральной формы демонстрирует значительное многообразие выражаемых оттенков значения как модальной, так и темпоральной природы. Несмотря на наличие очевидных иерархических отношений между различными значениями и оттенками значений (подчиненность некоторых групп частных оттенков более общим значениям, реализуемым в них), системное описание семантики футурума представляет немалую трудность, в том числе и по причине многообразного взаимодействия грамматических футуральных средств с факторами самого широкого контекста.

Как показала весьма длительная история исследования футуральных грамматических средств, комплексный характер футурума в языке требует выхода за рамки строго формальной интерпретации содержания этой формы и привлечения дополнительных сведений практически в каждом конкретном случае. Не удивительно поэтому, что многочисленные попытки вывести единую строгую классификацию употребления, например глагола *will* в системе английского языка (как модального, «полумодального» и темпорального), не были окончательными и подвергались критическому пересмотру (см., в частности, диссертационные исследования (Комогорцева, 1965; Маулер, 1968)). Это верно и для гипотез о «единстве» и нерасчлененности лексемы-граммемы *will* в английском языке (Heagemann, 1982).

Мы исходим из того, что при описании функционирования футуральных аналитических форм (а также других языковых единиц, относящихся к будущему) наиболее подходящим методом является анализ высказывания в рамках когнитивного подхода. Его объяснительная сила возрастает благодаря учету в числе прочих факторов экстралингвистической составляющей, под которой понимается объем знаний коммуникантов, интенции автора высказывания (субъекта действия) и другие компоненты общей коммуникативной ситуации.

Литература

1. Касевич, В. Б. Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики [Текст] / В. Б. Касевич, В. С. Храковский // Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1983. – С. 5 – 27.
2. Комогорцева, В. М. Система грамматических средств выражения будущего в современном английском языке [Текст] / В. М. Комогорцева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1965.
3. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации [Текст] / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1996.
4. Маулер, Ф. И. Конструкции Shall/will + инфинитив в современном английском языке [Текст] / Ф. И. Маулер: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1968.
5. Сахарова, Н. С. Развитие средств выражения перспективности (новоанглийский период) [Текст] / Н. С. Сахарова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987.
6. Фичи Джусты, Ф. Видовые отношения в будущем времени в русском и в других славянских языках [Текст] / Ф. Фичи Джусты // Труды Аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1997. – Т. 2. – С. 115 – 127.
7. Хрисонопуло, Е. Ю. Когнитивный аспект варьирования форм indefinite при выражении будущих действий [Текст] / Е. Ю. Хрисонопуло // Квантитативная лингвистика и семантика. – Новосибирск, 2001. – Вып. 3. – С. 200 – 206.
8. Flieschmann, S. The future in thought and language: Diachronic evidence from Romance [Текст] / S. Fleischmann. – Cambridge, 1982.
9. Haegeman, L. The Semantics of Will in Present-day British English: A Unified Account [Текст] / L. Haegeman. – Brussels: Paleis der Academiën, 1982.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111:572.1/4

ОТ ДОЧЕЛОВЕКА К ПОСТЧЕЛОВЕКУ

Е. Ф. Казаков

В современной философии и науке сформированы самые разнообразные представления о человеке. Некоторые из них пытаются определить человека как особую физическую реальность. Из 10 млн единиц воспринимаемой информации, доказывают американские физики *П. Шугрин* и *Р. Обут*, осознаётся только одна единица. Остальные воспринимаются сферой бессознательного, с которой как раз и связана творческая интуиция, генерирование гипотез. Человек определяется отсюда как «*многоканальная система*». Организм человека понимается как особый приёмник электромагнитных волн (к которым относятся и информационные поля). Но науке мало известно о воздействии электромагнитных излучений на живой организм. Английский физик *У. Эйди*, например, экспериментально установил влияние магнитного поля непосредственно на головной мозг, минуя органы чувств. Однако код работы мозга в достаточной степени ещё не раскрыт.

Из сказанного следует, что подсознание человека – намного более информационно ёмко, чем сознание. Будучи основным хранилищем информации (содержание её человеку до конца никогда не ведомо), функционирование которого освобождено от логических схем, законов и парадигм интеллекта, оно и способно «выбрасывать» неординарные образы, идеи и решения. Отсюда очень важным является умение снимать с подсознания интеллектуальный контроль, раскрепощать бесконечные возможности его интенций (что и делал, например, Будда во время медитаций под деревом Бо). В этом плане акту-

альны слова *Шри Ауробиндо*: «*Умение думать – великое достоинство человека, умение не думать – достоинство ещё большее*». Для современного, гипертрофированно рационального человека способность отключать «ментальную машину» очень насущна.

Американский физик *Ф. Капра* сформулировал «*некартезианский образ человека*», используя при этом принципы квантовой физики, голографии, синергетики. Человек есть не только вещество, но и поле (биополе является одним из видов электромагнитных полей); иными словами, человек обладает корпускулярно-волновым дуализмом. Такое до-биологическое, до-социальное определение человека позволяет сделать его тождественным по своей природе «организму» Вселенной и без труда включить человека в последний в качестве интегрального компонента. В результате очевидным предстаёт утверждение, что человек (как элемент) не существует отдельно от Вселенной (как системы), но и Вселенная не существует отдельно от человека.

Корпускулярно-волновую модель человека выстраивают и российские физики *Ю. В. Гуляев* и *Э. Э. Годик*. Вокруг человека, как и любого биологического объекта, вследствие его жизнедеятельности, образуется сложная картина из восьми физических полей (тепловое и радиотепловое излучения, низкочастотные электрические поля, магнитные поля, акустические сигналы, сигналы биоломинисценции и т. п.), несущих информацию о биосисте-

ме. Эти поля – нестационарные, быстро изменяются во времени в зависимости от психофизиологических состояний человека. Человек, таким образом, предстаёт состоящим из двух частей: анатомо-геометрической компоненты (то есть атомно-молекулярной структуры) и полевой компоненты, «размазанной» по всей Вселенной. Благодаря квантово-волновым процессам мозга, человек взаимодействует с растениями и вообще с любыми биосистемами на расстоянии (о чём говорят результаты исследования академика *В. П. Казначеева*). Данная модель даёт возможность более глубокого понимания всеобщего информационного единства живого (что является необходимым условием единства биосферы), увидеть существенную связь человека и Вселенной, понять человека как космобиопсихосоциальное единство, как *«голограмму Вселенной»*.

Но как из корпускул и волн человека «вывести» его сознание? Если не привлекать для этого идею Бога (или безличного Вселенского Разума), то приходится исходить из некоей степени «разумности» физической реальности. Для этого, например, предлагаются понятия *«лептоновая душа»* (так называется информационное «облачко», окружающее как микро-, так и макрофизические объекты и несущее в себе их содержательную характеристику) или «волны мышления» (к каковым относится наиболее сложно структурированные информационные потоки). Американские физики *А. Эддингтон* и *С. Сирага* приходят в связи с этим к утверждению, что в фундаменте природы находится «ум». Отечественный философ *Э. В. Ильенков*, рассуждая о «космологии духа», доказывает, что «каждая частица мыслит». Много раньше, *Патанджали* в *«Йога-сутре»* (200 г. до н. э.) развивал положение о непрерывном вселенском потоке волн мышления, который проходит через ум человека. Современные психологи, рассуждая на данную тему, говорят о «потоке ассоциаций ума». В художественной литературе давно известен метод «сплошного потока сознания» (его используют, например, Д. Джойс в «Улиссе», В. Орлов в «Альтисте Данилове», В. Пелевин в «Чапаеве и пустоте»); в искусстве метод раскрепощённого потока вдохновения используется в экспрессионизме, абстракционизме, ташизме, фовизме.

Из вышеприведённых рассуждений физиков следует, что если от волн и квантов Вселенной мы движемся к «наблюдателю» и «сознанию», то «физика становится ветвью психологии». О заключённой в человеке бесконечности рассуждает и *«трансперсональная концепция человека» С. Грофа* (развёрнутая американским врачом в книге *«За пределами мозга»*). Она обобщает результаты исследования нескольких тысяч человек (в том числе и с использованием наркотика ЛСД). Каждый эксперимент позволял раскрывать всё более глубокие уровни бессознательной памяти. Человек оказался способным вспомнить те исторические, религиозные, природные события, знания, языки, о которых в бодрствующем состоянии сознания он представления не имел. Трансперсональный опыт свидетельствует, что человек обладает способно-

стью беспрепятственно «путешествовать» в любом времени, в любом мире, микро- и макрокосмосе. В трансперсональном опыте человек может получить информацию, которую невозможно получить в процессе специального образования.

Для объяснения трансперсонального опыта Гроф выдвигает концепцию, согласно которой человек есть единство материального тела (биомашин) и бесконечного поля сознания, то есть речь идёт о корпускулярно-волновой природе человека. С. Гроф приходит к выводу, что психика подобна пирамиде, причём доступна исследованию только вершина, а основание теряется в глубинах космоса. То есть психика человека не заключена только в анатомическом пространстве индивида: она соразмерна всей Вселенной и всему существующему. Эксперименты позволили выйти за пределы «Я-эго» (биографии индивидуальной памяти) – в трансперсональный (надиндивидуальный) опыт человека (называемый Грофом *«холоotronным сознанием»*). Из этих рассуждений следует, что, если не в человеке заключена бесконечность, то человек открыт бесконечности мира, или, по другому, бесконечность человека сливается с бесконечностью мира.

Если этот выход в бесконечность есть одновременно выход в трансперсональный опыт, то есть ассимиляция тех информационных потоков, которые не «переплавлены» человеческой индивидуальностью, то получается, что надиндивидуальное – информационно более ёмко, чем индивидуальное, и глубины этой информационности – бездонны. Индивидуальное человека (ограниченное его жизнью, опытом, временем и пространством) – конечно, а надиндивидуальное – бесконечно. И в этой информационной бесконечности «сливаются» основания всех пирамид психики людей. Бессознательное – вселенское информационное море, сознательное – вытекающие из него ручейки индивидуального.

Данный подход окончательно разрушает концепцию «разум человека – чистая доска». Человек от рождения несёт в себе сложную определённую информационную бесконечность. Из приведённых размышлений также следует, что «чистой доской» не является и Вселенная, несущая в себе устойчивые информационные структуры, взаимодействующие друг с другом. Вполне закономерным отсюда предстаёт предположение о разумности Вселенной и её наполненности творческими интенциями.

Молекулярная биология позволила сделать вывод, что человек и обезьяна отличаются друг от друга на 1-2 % в последовательности генетического алфавита, кодирующего различные белки (геном человека по своим важнейшим характеристикам ближе даже не к обезьяне, а к мышам или даже к свинье). Чем же объясняется колоссальный разрыв между обезьяной и человеком при столь ничтожной генетической разнице? Несомненно, сверхбиологическими (социальными, культурными, трансцендентными) характеристиками. И в прошлом, и те-

перь человек определяется нередко как *особое* животное, животное-сверхживотное существо. Причём не (сверх) биологическое в человеке определяется исходя из самых разных оснований, одно из которых выделяется в качестве доминантного. Так, Аристотель определял человека как «поэтическое животное», Ф. Рабле – как «смеющееся», А. Шопенгауэр – «трагическое», Э. Кассирер – как «символическое» и т. д.

О том, как в эволюции человека сопряжены культура и наследственность, размышляется в *модели человека как «двойной таблицы»* (Р. Докинз, К. Лоренц, Э. Уилсон). Индивидуальное своеобразие человека есть результат синтеза генотипа (генетического кода, передаваемого от родителей) и фенотипа (культурного кода, передаваемого обществом, представляющим собой новый, свойственный только человеку, вид памяти). Если первый код (локализованный в хромосомах) обозначается понятием «ген», то второй (локализованный в человеческой памяти и передающийся от поколения к поколению с помощью слов) – понятием «мем» (от английского слова тетюга – «память»). В качестве мемов могут выступать мелодии, идеи, теории, религии, философские учения, предрассудки, жесты, позы и т. п.

Человек не является ни генетически запрограммированным роботом, ни совершенно аморфным существом, из которого посредством культуры можно «лепить» что угодно. Надындивидуальная трансляция опыта от поколения к поколению осуществляется, например, через наследование таких приобретённых свойств, как склонность к профессии (профессиональные династии), усвоение культурных традиций, закреплённых в долговременной памяти (например ненападение на слабого), освоение словоимитации (когда, например, ребёнок использует слова по назначению, не понимая полностью их смысла). Культурная эволюция человека, в некоторой мере, зависит от биологической эволюции: гены и мемы нередко подкрепляют друг друга, но иногда находятся в оппозиции.

Некоторые исследователи считают, что не (сверх) биологическое в человеке утверждено недостаточно глубоко и прочно. Так, австрийский писатель Р. Музил в книге «Человек без свойств» утверждает, что человек наделён «чувством возможности», а не «чувством реальности». Единственным свойством человека является изменчивость. Человек, с этической точки зрения, представлен как нечто почти бесформенное, неожиданно пластичное, на всё способное. Добро и зло колеблются в нём как стрелки чувствительных весов. Всё это внушает Р. Музилю чувство пессимизма во взгляде на будущее человека. Получается, что сверхбиологическое в человеке – лишь «яблочная кожура», не преобразующая его сущность и легко скрывающаяся при экстремальной ситуации, обнажая скрытое до того биологическое и асоциальное. В результате человеком начинают управлять инстинкты (в частности, самосохранения) и рефлексy, эгоизм и корысть. Однако, если биологическое и асоциальное укоренены

в человеке так прочно, то почему же они до сих пор окончательно не восторжествовали? Видимо, всё не так просто и однозначно.

Американский психолог Б. Скиннер предложил «операционно-бихевиористскую» модель человека (изложенную в книге «По ту сторону свободы и удовольствия»). Он доказывает, что природа человека – несовершенна, имеет склонность к агрессии, разрушению и произволу. Представление о свободе и достоинстве человека – продукт донаучной стадии развития психологии, верящей в автономию человека. В силу того, что всякое поведение обусловлено внешней средой, человек не способен верно распорядиться своей свободой. Значит, этой свободы он должен быть лишён. Отсюда вывод о контроле и, в случае необходимости, – о модификации поведения человека ради уничтожения войн, насилия, предрассудков и других социальных пороков. Жизнедеятельность человека описывается по принципу «стимул – реакция» (как тут не вспомнить дедушку И. Павлова: звенит звонок к обеду – у собаки выделяется слюна). Применение «разумных» стимулов позволяет программировать жизнь каждого человека, формировать его «репертуар поведения».

Вся эта «поведенческая инженерия» строится на том, что жизнедеятельность человека – механический ответ на награду и наказание, «пряник и кнут». Это очень напоминает дрессировку, находя тем не менее применение на практике, например в тюрьмах и психиатрических лечебницах (об этом пишет К. Кизи в романе «Полёт над гнездом кукушки»). В данных заведениях используются такие методы, как электротерапия, химиотерапия, психирургия, аверсивная терапия. Система Скиннера приводит в конечном счёте к «упразднению» человека, так как он лишается свободы выбора, творчества, индивидуальности, превращаясь, по сути, в марионетку.

Польские психологи А. Мейер-Гинсбергова и В. Витвицкий развёртывают идею «многослойного мировоззрения» человека. Польша – страна религиозная, большинство людей ходят в церковь, погружаясь там в свойственное христианству мировосприятие. Однако, выйдя из церкви, включившись в обыденные, служебные, домашние дела, они уже предстают носителями вполне светского мировосприятия. В оба уровня мировидения человек погружается достаточно сильно, а так как они мало взаимосогласуются, то правомерно говорить о нескольких автономных картинах мира, носителем которых является один индивид. Современный человек предстаёт, отсюда, нецелостным, внутренне расколотым, противоречивым, непоследовательным, непредсказуемым.

Феномен множественности Я, существующих в одном теле человека, исследует также американский учёный Р. Мак-Лин. С его точки зрения, мозг человека состоит из трёх основных эволюционных формаций, отражающих последовательно связь с пресмыкающимися, млекопитающими и различающихся по структуре и химическому

составу. Это значит, что поведение и психологические функции человека контролируются тремя различными ментальностями: сознание как бы расщеплено на три относительно независимых сознания, самое молодое из которых связано с даром речи, остальные же являются «немыми». К. Юнг вводит представление о комплексах, представляющих собой любые неосознаваемые аффективные состояния, заряженные психической энергией и вытесненные в бессознательное. Каждый из этих комплексов стремится к формированию маленькой собственной личности, обладающей своего рода Эго и вступающей в противоречие с волей и сознанием Я. Таким образом, каждый человек содержит в себе множество личностей. С точки зрения российского учёного **Б. Котляра**, мозг предстаёт системой с переменной структурой, отличаясь структурной и функциональной «многоликостью», представляя собой множество в едином.

В связи с этим, интерес представляет *полицентрическая модель человеческого Я*, в которой развёртывается представление о многоцентривой личности, зомбируя сознание которой, можно задавать ей те или иные поведенческие параметры (они могут быть как связанными, так и не связанными друг с другом). Таким образом, можно актуализировать в человеке несколько Я-структур, «переключая» его психику на ту из них, которая нужна в настоящее время (об этом пишет **Б. Скиннер** в книге «Уолден Два»). И наоборот, можно редуцировать многослойность человеческой психики, получив «одномерного» человека (**Г. Маркузе**) – человека индустриальной эпохи.

С точки зрения американского психолога **А. Маслоу**, человек – это «*хотящее животное*», никогда не достигающее удовлетворения. Маслоу формулирует иерархию потребностей человека: физиологические потребности (питание, продолжение рода); потребности в безопасности и защите; гуманистические потребности (в истине, добре, уважении, справедливости), являющиеся содержанием обобщающей потребности в самоактуализации. Данная потребность – высшая, связанная со стремлением нести людям благо (Маслоу, в отличие от Скиннера, считает, что человек по своей сути добр) и быть таким, каким человек может стать (человек должен осуществить своё предназначение, использовать все свои способности). Состоявшимся, успешным человек может почувствовать себя, лишь реализовавшись в полной мере в профессиональной сфере, в семье, получив признание, уважение родных, близких и коллег, полностью утвердившись в правильном и достойном осуществлении своего жизненного пути.

В *психоаналитической модели* З. Фрейда мы видим «человека желающего», влечения которого предшествуют сознательному поведению и мышлению: внутренние стимулы доминируют над внешними, а сексуальное поведение является прототипом его общего поведения в жизни. Двумя главными влечениями предстают либидо (влечение к жизни) и *танатос* (влечение к смерти), находящие-

ся в отношениях как единства, так и противоборства. Данные внутренние влечения вступают в конфликт с внешним миром, ограничивающим спонтанность влечений созданием социальных норм, правил, законов. *Либидо* и *танатос* составляют главное содержание *Оно (Ид)* (бессознательного в человеке). *Оно* находится во взаимодействии с *Я (Эго)* (сознательное в человеке) и *Сверх-Я (Супер-эго)* (сверхсознательное в человеке). *Сверх-Я* социализирует бессознательные влечения человека; *Я* – делает их проявления индивидуально-личностными по характеру. Таким образом, движущим мотором человеческого поведения выступают влечения-желания, умиряемые, корректируемые и направляемые сознанием и сверхсознанием человека.

К. Юнг включает в *модель внутреннего мира* человека Эго, Я-сознание, *Маску* (или *Персону*), *Тень*, Образ души («*Анима*» – бессознательное женское начало в психике мужчины; «*Анимус*» – бессознательное мужское начало в психике женщины), лично-бессознательное (различные комплексы) и коллективное бессознательное (архетипы). Все эти слои интегрируются Самостью, где Маска – это «социальная кожа» личности, которую человек надевает, чтобы производить впечатление на других и скрывать свою истинную сущность; Тень («ветхий человек») – «моё зло» (всё мерзкое, грязное, неприятное, что живёт внутри нас и что мы прячем где-то глубоко в себе; тёмный двойственный слой психики, содержащий не только «демона», но и те качества, которых недостаёт сознательной личности); Образ души – компонент психики, связывающий Я (наиболее глубоко лежащий и обширный слой коллективного бессознательного, часть которого никогда не может быть осознана) и бессознательное, лично-бессознательное (организация бессознательного материала в систему устойчивых связей с присущими ему чертами другого пола).

Оригинальную психоаналитическую модель «личности рыночного типа» предлагает **Э. Фромм** (1900-1980 гг.). Человек у него предстаёт раздвоенным на инстинкты, с одной стороны, и самосознание (разум, воображение, творчество) – с другой. Преодоление этой раздвоенности возможно через доминанту *иметь* (заглушение коллизии человеческого бытия и погружение существования в океан иллюзий) или *быть* (развитие творческих потенций индивида). У современного – «рыночного» – человека первая доминанта обычно побеждает, что обуславливает его гипертрофированное, постоянно меняющееся Я, отсутствие чувства идентичности, неумение ни любить, ни ненавидеть – функционирование в соответствии с логикой «мегамашины» (государства), частью которой они являются. Критерием успешности для этого человека предстаёт счёт в банке и карьерное продвижение.

Американские исследователи **Ч. Ройс** и **Р. Пауэлл** выстраивают *модель человека как целостной системы*. Человеческая личность предстаёт у них как совокупность шести систем: сенсорной

(ощущения), моторной (двигательная функция), когнитивной (познание), аффективной (эмоции), стилевой (имидж, этикет), аксиологической (ценности). Человек, будучи единством этих систем, предстаёт целостной суперсистемой, важнейшей целью которой является поиск смысла собственной жизни. Ведь, в отличие от машины (сущность которой в единообразии), главная особенность человека – разнообразие и уникальность.

Данная идея развёртывается также через представление о *многомерном человеке* (Д. Рисмен, П. Друкер), включённом во множество измерений (космическое, физическое, биологическое, социальное, психическое, культурное), обладающим критическим творческим мышлением и стремящимся к самореализации. В процессе творческой деятельности он преобразует природу, общество и самого себя, развивая свои физические и духовные потенции. Многомерность человека проявляется в следующем: его действия обусловлены разнообразными материальными и духовными мотивами; его деятельность осуществляется на сознательном и бессознательном уровнях; он живёт одновременно во внешнем и внутреннем мирах; он развёртывает познавательные, эмоциональные и волевые интенции; он является уникальной личностью. В современном мире намечается тенденция появления индивидов, ориентированных на другого – восприимчивых к реакциям других людей, стремящихся установить с ними ответственные контакты, откликающихся на их беды и проблемы. Тем самым происходит сдвиг от «делового» общества к «постделовому», в котором бизнес является не самоцелью, а условием творческой самореализации.

В модели *внутреннего космоса* Р. Ассаджоли выделяет семь основных слоёв человека:

- 1) низшее бессознательное, содержащее элементарные психические акты, которые управляют функционированием тела, а также разумной координацией телесных функций (влечения, побуждения, грёзы, сновидения, фобии);
- 2) среднее бессознательное, содержащее психологические элементы, близкие бодрствующему сознанию (ассимиляция опыта, ментальные и имажинативные процессы, созревание идей);
- 3) высшее бессознательное или суперсознание, представляющее человеку его высшие интуиции и вдохновения (научные, художественные, философские, этические императивы и побуждения к гуманному и героическому действию);
- 4) поле сознания – непрерывный поток ощущений, чувств, желаний, импульсов, образов, мыслей, которые человек наблюдает и оценивает;
- 5) Я-сознание, являющееся точкой самосознания индивида;
- 6) высшее Я – перманентный центр, истинное Я, расположенное за пределами Эго, вне эмпирического индивида;
- 7) коллективное бессознательное, погружающее человека в океан «психического космоса», где осуществляются психические контакты между людьми.

В *экзистенциальной модели человека*, развиваемой в творчестве А. Камю (1913-1960 гг.), Ж.-П. Сартра (1905-1980 гг.), К. Ясперса (1883-1969 гг.), Г. Марселя (1889-1973 гг.), Л. Шестова (1866-1938 гг.), человек представлен неповторимой личностью, познать которую можно только посредством интуитивного переживания. Наука не может познать человека, так как она постигает лишь частичное, повторяющееся, общее, внешнее. Уникальность личности обусловлена тем, что «мыслит человек, а не мозг». Внутренний мир индивида является ведущим относительно его взаимодействий с внешним миром, воспринимаемым только через чувствование. Человек «вброшен» в очень неуютный мир; он пребывает в одиночестве, постоянной заботе о куске хлеба, испытывает чувство тревоги, а порой и страха. Общество устроено так, что любой его член может бездумно и безответственно прожить свою жизнь, просто-напросто подчиняясь общепринятым правилам. Для истории и большой политики человек – ничто; его собственная биография может утратить смысл, оказавшись частью какого-то очень большого исторического процесса.

Существование человека предшествует его сущности. Ко всему прочему, жизнь должна неизбежно закончиться смертью... Большинство людей коротают свой век как будто во сне. Их не оставляет ощущение, что вокруг – не настоящая жизнь, а какие-то декорации. Настоящая жизнь откладывается им на будущее, и так до самой кончины. Таким образом, жизнь человеческая представляет собой один колоссальный тупик. Но спящие могут пробудиться, осознать, что окружающий их мир существует на самом деле, а больше никакой жизни не будет. Но пробуждение от сна возможно. Глубинные планы личности проявляют себя лишь в момент её пребывания в «пограничной ситуации» (на грани жизни и смерти). Только побалансировав на этой грани, человек способен отделить главное в жизни от второстепенного, понять истинный смысл своего бытия, определить правильное отношение к абсурдности мира. Нет иного творца человека, кроме человека. Он сам создаёт свою сущность, а следовательно, творит самого себя, причём это осуществляется не раз и навсегда, а ежедневно. В каждый момент своей жизни человек есть не результат, а проект. Он есть существо, устремлённое в будущее. «Человек – это будущее человека» (Сартр). Если человек сам творит своё бытие, значит он и ответственен за него. Он отвечает за свой выбор, с чем и связана его тревога, доходящая до отчаяния.

В модели *нульмерного человека* (Г. Марсель, Л. Бодар) продуцируется образ современного индивида, имеющего нулевое измерение своего существования. Представления об обществе как линейной системе и методы линейного управления данной системой способствуют производству нульмерного и одномерного и общества, и человека, превращению его в «ничто» («никто» или «нуль»). Для государства и общества индивид является неким номером на доске, а не живым человеком. Сила чуждая, непостижимая похитила у него всё, благо-

даря чему он считал этот мир своим домом, что придавало форму, определённую его существованию. Но человек этим представляет не только себя: он одновременно и последнее звено исторического развития. Нульмерный человек не может обрести себя потому, что общество своими методами линейного управления подавило хаотическую составляющую его природы и превратило его просто в номер, не способного к осуществлению хоть каких-то своих потенций.

Близка к вышеприведённой *модель одномерного человека* (Г. Маркузе, Г. Померанц, А. Зиновьев). Линейное управление социальной системой порождает одномерных индивидов, ориентированных на идеалы индивидуализма и потребления. Они лишены критического мышления, находятся на уровне бесформенности, аморфности мещанского быта, не дошедшего до бытия. Для них значимы успех, ценность денег, борьба за существование, хотя бы за счёт других. Купленные ими за деньги любовь, дружба, внимание, забота и пр. – по своей сути неподлинны, эрзацы.

Современная цивилизация – экономическая по своим доминирующим приоритетам. Адекватным ей предстаёт *экономический человек* (М. Вебер, В. Зомбарт), полностью ориентированный на экономическую деятельность. Для данного человека характерны следующие общие свойства:

- центральные жизненные ценности для него – нажива и дело;
- он стремится завоёвывать, организовывать, вести переговоры, спекулировать и калькулировать;
- вся деятельность его подчиняется принципам абсолютной рационализации и расширения своей активности;
- такие его добродетели, как прилежание, бережливость и благополучие, стали составными частями делового механизма.

Экономическому человеку присущи этика обогащения, «товаризованный» взгляд на социальные отношения и самого человека, принцип максимизации, ставший осознанным принципом образа мышления, поведение, исходящее из соображений выгоды и издержек.

Итак, в процессе исторического самопознания человека происходит постоянная смена его образов. Это объясняется уникальностью человека, сменой характера исторических эпох, развёртываемой в единстве с развитием самого человека, непрерывным открыванием в человеке новых граней и глубин, позволяющим говорить о заключённой в человеке бесконечности.

Во взгляде на будущее человека сложились как оптимистический, так и пессимистический подходы. И для каждого из них есть серьёзные основания. Аргументом в пользу последнего из них является экологический кризис, имеющий тенденцию к нарастанию (сразу отметим, что эта тенденция – не единственная. Понимание остроты данной проблемы обуславливает поиск путей её разрешения, которые, несомненно, начинают находиться). Проявлением её выступает большая активность деструктив-

ной деятельности человека, относительно созидательной. Как известно, природа может выдержать лишь десятикратную (по сравнению с обычной) нагрузку техногенной цивилизации и не более, иначе начинается её деградация.

Созидательная деятельность человека не соотносится с рекреативными возможностями биосферы, поэтому планетарные ресурсы жизнеобеспечения (почва, воздушная среда, мировой океан, грунтовые воды) не выдерживают давления цивилизации и происходит их деградация. Нагрузка на природу в настоящее время достигла критической величины. А. Печчеи («Римский клуб») сделал вывод, что человечество теряет способность к саморегенерации, что проявляется, например, в несостоянии переработать собственные промышленные отходы. Созидая новую природную среду, человек одновременно разрушает биосферу, причём разрушительная деятельность гораздо активнее созидательной. Как сказал поэт: «Всё меньше окружающей природы, всё больше окружающей среды».

Если исходить из представления П. Рассела, что *Земля – живое существо* (смена дня и ночи – пульс; реки и моря – кровеносная система; электрические сети – нервные волокна; библиотеки – коллективная память; человечество – нервная система и мозг), то деградация природы есть его умирание. Природное начало несёт в себе и человек. Поэтому экологический кризис не может не быть и кризисом биологической составляющей человека. Однако возможность *«генетической катастрофы»* (И. Т. Фролов) обусловлена и другими причинами, в частности, манипуляцией геномным материалом, что также грозит исчезновению человека как биологического вида. Возможность вживления чипов в человеческий организм, зомбирования человека (с целью построения особого сценария социального развития), его клонирования способны привести к появлению нового супермыслящего живого существа, для которого вся прежняя культура может оказаться непонятной и чуждой. Исходя из этого, в том числе, и прогнозируется становление *«постчеловеческой цивилизации»* (В. Стёпин).

Один из самых неутешительных прогнозов основывается на предположении, что *человек – «ошибка природы»* (И. Шкловский). Разум человека – одно из «изобретений» эволюции, но не все изобретения полезны (природа нередко действует вслепую, методом проб и ошибок). Анализ земной эволюции жизни показывает, что значительная часть «изобретений» природы – бесполезна и даже вредна для процветания вида, результатом чего является появление эволюционных тупиков (как то было с динозаврами); Земля, таким образом, превращается в «кладбище видов». В эту линию вписывается и человек с гипертрофированным противоречивым развитием разума. Доказывается это, например, фактом «молчания Вселенной», несмотря на все попытки вступить с ней в «разумный» диалог. Делается вывод, что Вселенная в нас (таких!) не заинтересована, не оставляя нам возможности интеграции с нею.

Фатальные обстоятельства видятся футурологами во взгляде не только на природную, но и на социальную составляющую развития человека. Предполагается, что человек исчерпал возможности не только своей биологической эволюции (генетический потенциал любой популяции имеет определённые временные пределы), но и социального прогресса. *«Закатом Европы»* назвал эту тенденцию О. Шпенглер, *«концом истории»* – Ф. Фукуяма. Так, например, последний доказывает, что человечество в конце XX столетия достигло, в своих важнейших параметрах, главную цель истории – свободу. Свобода понимается как высшее обретение человека, находящее воплощение в либеральной системе ценностей (восторжествовавшей над абсолютизмом). А если эта цель высшая, значит она – «последняя», «за нею» другой цели более не существует.

В современном мире место борьбы за признание занимает соперничество за наиболее эффективное удовлетворение потребностей человека. При этом участников спора не разделяют принципиально различные идеологии, мировоззрения и религии; предметом спора выступают не нравственные ценности, а степень экономической эффективности. Вместо биполярного мира утвердился однополюсный мир во главе с США. Идеологические коллизии возможны только на окраинах мировой цивилизации. Историческое движение потеряло свои качественные метаморфозы, оно носит чисто количественный характер, представляя собой круговой процесс.

Одно из существенных возражений против концепции «конца истории» связано с тем, что она игнорирует природу человека. Ни наука, ни технология не могут дать решения всех мировых проблем: их может решить только сам человек. Будущее можно прогнозировать лишь в том случае, если ответственные за судьбы мира лица понимают функционирование человеческой природы. А ей свойственно и стремление к нравственному совершенствованию, и жажда власти. То есть, тотальность либерализма, в силу противоречивого характера человеческой природы, теряет статус универсальности. С точки зрения американских учёных Р. Лернера, С. Мичэм, Э. Бернса, основные компоненты либерального кредо – демократия, права человека, правовое государство, рыночная экономика – несовместимы, то есть, неустранимы причины конфликтов.

Мировой экономический кризис, начавшийся в 70-х годах XX века и не преодоленный до сих пор, вызвал критическую неуверенность в будущем, обещанном либерализмом. Вследствие этого на Западе начался «демонтаж» государства всеобщего благоденствия, утеряна вера возможности кейнсианского регулирования экономики. Возникает вопрос об универсальности либерализма: является ли он некой целостной идеологией, способной решить все противоречия и удовлетворить человеческие потребности? Ни рыночная экономика, ни научный и технический прогресс, ни демократизация пока не

поставлены на службу человечеству. Мы видим как раз противоположное: рыночная экономика приносит благо одной (меньшей) части человечества перед другой (большей). Неосуществимость либерализма может привести к трансформации западных государств в фашистские.

Х. Ортега-и-Гассет видит кризис европейской цивилизации в *«расчеловечивании» человеческих отношений*, в утрате Европой роли ведущей мировой силы, в отсутствии ясного видения будущего (неизвестно, какой народ и какая система ценностей будут лидировать), в росте пессимистических настроений. Однако, в отличие от О. Шпенглера и М. Фукуямы, Х. Ортега-и-Гассет считает, что нынешний этап истории – не конечный, а переходный, временный (отсюда ощущение эфемерности, несерьёзности, фальшивости жизни) – «междоцарствие» между двумя историческими эпохами мирового господства: той, что была (происходит деструкция прежних, разделяемых европейской цивилизацией ценностей и этических установок, вызвавшая экзистенциальный вакуум) и той, что придёт.

Говоря о тупиках современного развития, и О. Шпенглер, и М. Фукуяма исходят из положения западной цивилизации. Одним из путей преодоления этих тупиков является интеграция с восточной культурой. Так, стремясь выйти из духовного кризиса, Запад пытается осуществить импорт буддизма, кришнаизма, суфизма и других восточных религиозных учений и культов, при этом не оставляя попыток переделать Восток на свой манер. Восточный образ мышления получает всё большее распространение в науке и производстве. Если западной науке присущ анализ мира и классификация его явлений и свойств, то для восточной науки характерна склонность к синтезу, восприятию сложностей мира как единого целого.

Для современности же характерен именно поиск смежных областей исследования, развитие «пограничных» наук (биохимия, биофизика, биоинженерия и т. п.), не разделение труда, не увеличение масштабов производства и не расширение рынков, а нахождение новых удачных комбинаций основных компонентов производства вопреки разделяющим их государственным, региональным или отраслевым барьерам. Возникает *«четвёртая индустрия»* – новая категория эпохи информатики и высоких технологий, выражающая целостность мира, то есть в XXI веке должна доминировать цивилизация интеллекта, главным капиталом которой оказывается человеческий разум, ориентированный на целостное восприятие мира (активно эти идеи развёртывает «китайский Форд» – Моу Цзи-чжун).

Современные глобальные проблемы человечества, особенно экологические, с необходимостью требуют экономики, ориентирующейся не на максимум прибыли, а на человека. Такой подход выработан в рамках азиатских культур, в частности в «буддистской экономике», принимающей во внимание человеческую природу и значимость *«неэкономического роста»* (Ф. Капра). Американский

футуролог *О. Тоффлер* сформулировал тезис о *конце «белой интермедии»* – господстве белых (западной цивилизации) над всем остальным миром. Восток из арсенала Запада берёт только орудия и технику, отбрасывая мировоззрение, так как у него есть своя древняя культура. Поэтому Востоку (с точки зрения мексиканского философа *Л. Сеа*) будущее европейской культуры безразлично, и он, очевидно, будет стараться её уничтожить, если она и дальше будет проникать в его собственный мир. Перед современной западной цивилизацией – те же проблемы, что и перед Римской империей накануне её краха. Современные глобальные проблемы настолько сложны, что демократические методы их решения уже неэффективны, поэтому не исключена вероятность некоторого «возврата» в прошлое, но уже на ином (например «неорабовладельческом») уровне. В отличие от физического принуждения, характерного для прошлого, могут применяться мощные методы манипулирования психикой человека при помощи средств массовой информации и коммуникации, непосредственного воздействия на мозг человека, психотропного оружия и пр.

Современная цивилизация имеет явно выраженный рациональный характер, гипертрофированно рациональный, его доминирование, несомненно, наносит ущерб другим не менее важным приоритетам развития человека. Интеллект не просто торжествует, но агрессивно подавляет всё ему противостоящее, подчиняя иррациональное, чувственное, трансцендентное, нравственное, как раз и составляющие содержание жизни души. Всё это не может не обуславливать (как считает, например, *К. Лоренц*) *регресс человечества*. Возрастает расхождение между сформированным культурой и цивилизацией общественным порядком и естественными склонностями человека. Это расхождение связано с самим человеком: разум является противником сердца (психики или души). «Сердце» как бы застыло, тогда как разум, культура, техника со всё большей скоростью изменяют окружающую среду. Благодаря технике, разум подчинил себе «сердце», трактуя его как противника. Чтобы избежать социального взрыва, нужно отказаться от ценностей технократического общества, потребительской цивилизации, ориентированной только на максимизацию прибыли, на вещи и их использование.

Сверхизбыточное развитие рационального и привело (по *Д. Л. Андрееву*) к *«эволюционному сбою»*. Тем самым была нарушена закономерная смена важнейших этапов земной эволюции: геогенез (развитие Земли как геологического тела: тектонические образования, формирование ландшафта, материков); биогенез (развитие жизни до появления человека); ноогенез (становление человека как существа разумного); духогенез (становление человека как духовного нравственного существа). Переход от ноогенеза к духогенезу вовремя не произошёл, в результате не только человеческая, но и вся земная история оказались в «эволюционной яме», чем и обусловлено современное кризисное состояние.

Случилось, в буквальном смысле, давно предсказанное «горе от ума».

Широкий общественный резонанс в мире получает развёртывание процесса глобализации, обусловливающего стирание национальных границ, образование однополюсного мира. Это находит выражение, например, в *«информационном империализме» США* (65 % всего мирового информационного потока исходит именно отсюда); в вестернизации, американизации мировой культуры, становящейся в результате космополитичной, анациональной; в развитии наднациональной по своей природе «цифровой революции» (с той же американской доминантой), приводящей к концу западной культуры контроля (одно из условий существования «мировой паутины» – свободная циркуляция информации; опасность чего почувствовал уже Китай, создав свой Интернет); в создании транснациональных корпораций (наднациональных по своему характеру, но опять же с особенно активным участием именно американского капитала), которые обладают большей финансовой мощью, чем многие национальные экономические и финансовые структуры (тем самым создаётся опасность потери государством суверенитета, ведь, как известно, «кто платит деньги, тот и заказывает музыку»). В нынешнем веке, по мнению американского социолога *И. Валлерштейна*, *США утратит роль мирового лидера* (так как каждая гегемония обладает своим «жировым» запасом), что будет сопровождаться снижением уровня её материального благосостояния, комфорта и сильным психологическим потрясением.

Одной из активно развёртывающихся тенденций, экстраполируемых на будущее, является *глобализация* (распространение *Глобалтехы* – глобально-технологического вида культуры). Ареной Глобалтехы (с точки зрения американского учёного *П. Рикс-Марлоу*) выступает рыночная система, где господствуют транснациональные корпорации (ТНК), оказывающие существенное влияние на развитие мировой экономики. Деятельность этих корпораций приводит к всё большему отрыву процесса производства от национальной почвы и осуществлению его в масштабах всего мира, что приведёт (по *Г. С. Хаймеру*) к созданию *космополитического производства*.

Для Глобалтехы характерна новая ментальность: вся повседневная, в том числе деловая, жизнь индивида протекает в созданных из металла, бетона и электроники анклавах. Номенклатура ТНК представляет собой симбиоз промышленников, социологов и дипломатов, которые усматривают своё предназначение в том, чтобы быть мировыми менеджерами. Их власть обусловлена контролем над средствами создания богатства во всемирном масштабе, а в итоге она должна заменить собой функции государства и национальной корпорации. Их господство будет прологом к *«новой мировой симфонии»* (*Р. Барнет, Р. Мюллер*). Сердцевиной Глобалтехы является американская культура, что позволяет ей жить за счёт всего остального мира.

Ситуация усугубляется тем, что современные международные политические механизмы (находящиеся, в частности, в руках ООН) далеко не всегда могут управлять общественными процессами (например разрешать межгосударственные противоречия, не доводя их до военного конфликта), из чего вполне правомерно предположение о грядущей *«эпохе глобального беспорядка»* (З. Бжезинский), одной из важнейших составляющих которой будет *«столкновение цивилизаций»*: «умирающего Запада и набирающих жизненные силы незападных цивилизаций» (С. Хантингтон) (в Западной Европе, например, около 10 млн выходцев с Востока, которых она уже не в силах ассимилировать. В результате будет расти ксенофобия по отношению к мигрантам с Юга, что вызовет волны расизма и фундаментализма); прогнозируется и нарастание «разрыва» между атеистическими и религиозными обществами: демонтаж системы «пакс-американа» по аналогии с демонтажем СССР, крушение западного либерализма по аналогии с тотальным крушением марксизма (Т. Умехара).

Внести свои коллизии в прогнозируемый «глобальный беспорядок» способен и грядущий *«четвёртый великий передел мира»* (первым из «великих переделов мира» был передел территории, особенно проявившийся в Первой мировой войне; вторым – перераспределение капиталов, проявившийся во Второй мировой войне); технологический передел мира развёртывается сейчас). Его суть – в интеллектуальном переструктурировании в пользу стран, совершивших наибольший прорыв в науке и образовании, получающих в результате этого огромные политические и экономические преимущества.

Важную роль в современных информационных процессах играет и будет играть *«цифровая» революция*, открывающая безграничные возможности доступа к информации и общению, к свободному виртуальному взаимодействию индивидов в массовых масштабах. Она не просто транснациональна, она – анациональна, в том смысле, что действует не через, а над всеми национальными законами, «живя» в международном пространстве. А контролировать, тем более конфисковать, биты и байты «ещё сложнее, чем наркотики» (Ж. К. Гедон). Открытая в последнее время квантовая криптография (шифрование информации) делает возможность контроля ещё более эфемерной. С помощью новых тренажёров виртуальных систем человек может подключаться к коллективному сенсорному опыту, не отличимому от моделируемой действительности. С распространением «паутины» произошёл скачок от порядка, базирующегося на контроле, навязанном сверху, к порядку, основанному на формах, рождающихся внутри. Так делает Природа. Мы вступаем в мир, где «машины станут организмами» (Дж. Барлоу). В этом случае все социальные отношения в обществе подвергнутся переоценке и пересмотру.

Достаточно весомые основания есть и для оптимистического взгляда в будущее. Нарастание эко-

логических проблем помогло осознать их важность и насущную потребность в разрешении. Происходят явные подвижки в общественном сознании, находящие выражение как в политических, так и в экономических решениях. Это проявляется, например, в акциях «зелёных», в принятии рядом стран конвенций, касающихся контроля за экологической безопасностью индустриальных структур, транспорта, сохранении природных ресурсов, создании энергосберегающих технологий. Происходят изменения и в образе жизни современных людей: это и культ здоровья, и понимание ценности общения с природой, и сады на крышах небоскрёбов, домашние растения и животные, и забота о чистоте городских улиц. Вполне вероятно, что нагрузка на окружающую среду уменьшится в связи с перенесением акцента в «магистральном пути человечества» с экспансии в макромир на экспансию в микромир (Г. Идлис).

Прогнозируется и иной сценарий эволюции человечества. Её новый этап, в работах Т. Умехара и Л. В. Лескова, получил название *НООБИОНТ*. Суть последнего в формировании единого социального суперорганизма с планетарным разумом. Здесь достижима тесная связь индивида с коллективным интеллектом. Сохраняемая индивидуальность при этом соединяется с мощью планетарного разума, что, как предполагается, сделает возможным достижение практического бессмертия.

С космической точки зрения (по мнению американского астронома К. Сагана), нет оснований для мнения, что мы представляем первое или последнее, относительно совершенное, творение эволюции. Не исключено, что в будущем возможен «эволюционный скачок» в анатомической структуре нашего мозга, подобный тому, который произошёл при переходе от обезьяноподобного предка к человеку. Это коренное изменение может привести к совершенно новому «образу» человека, «сверхразумному» существу, которое найдёт иные пути для достижения поставленных человечеством целей. Сейчас мы находимся только у порога понимания весьма сложной и многомерной природы человека, но нет оснований считать, что современный человек является целью длительной эволюции земной биосферы, а вся космическая эволюция на протяжении 15-20 млрд лет служила только цели создания человека.

Не таким безысходным представляется и почувствованный западной цивилизацией «конец» своей истории. Во-первых, свобода, обретенная западными демократиями, больше относится к внешней жизни человека («свобода от»), чем к его внутренней жизни («свобода для») (Э. Фромм). Что касается свободного самоопределения, самовыражения *каждой* человеческой личности, то здесь явно все возможности и необходимости ещё далеко не исчерпаны. Внутренняя свобода, в отличие от внешней, гораздо более бесконечна и «вглубь» (самораскрытие внутреннего мира, душевных интенций), и «вширь» (раскрытие бесконечного многообразия человеческих индивидуальностей). Один из

важнейших «исторических резервов» человечества – в интеграции Запада и Востока, взаимообогащении их культур. Перенесение акцента с истощающей себя доминанты рационального, прагматического, потребительского, материального, внешнего на иррациональное, внутреннее, духовное, созидательное, нравственное, несомненно, перспективно. В эту тенденцию вписывается прогнозируемое наступление нового религиозного Ренессанса (*«эпохи нового средневековья»*, по У. Эко).

Религиозные основания будет иметь, с точки зрения японского политика и мыслителя Д. Икеды, грядущая *этическая революция*, предстающая *«революцией в человеке»*. Будут исключены из жизни «внешние революции», насильственные изменения социальных структур. Разрешение кризисов будет происходить не в технических и материальных революциях, а во внутреннем (в соответствии с буддизмом) преобразовании самого человечества, в результате пробуждения его духовной жизни, гармонизирующей отношение к природе и обществу. Важнейшим компонентом *«этической революции»* А. Печчеи считает будущую *«новую этику жизни»*, основанную на стирании национальных границ и признании того, что всякий ущерб системе поддержания жизни на планете бумерангом обрушится на нас самих. Единственной гарантией выживания является *«просвещённый консерватизм»*, противостоящий мифу безудержного и неограниченного

роста. По мнению Печчеи, развёртывание «этической революции», являющейся по своей сути культурной революцией (основанной на «новом гуманизме»), возможно как на религиозной (христианской, буддистской и т. п.), так и на секулярной основе. Главное – осознание того, что преобразование общества начинается с самого человека, с изменения его сердца. Импульсом для инициации этого процесса способны стать волевые усилия отдельных людей.

Таким образом, единого представления о будущем не существует. Будущее – многовариантно, значит оно – непредсказуемо. Поэтому человек не может подготовиться к определённому сценарию развития событий. Этим обусловлены тревожность и страх в предожидании завтрашнего дня, выливающиеся в *«футурошок»* (О. Тоффлер), вызывающий неврозы и стрессы. Человек оказывается перед необходимостью быть готовым к огромному разнообразию и чрезвычайно высокой скорости различных перемен, из-за чего подрываются устои общества, меняются ценности, забываются корни. Посредством футурошока будущее входит в жизнь человека, нарушает его обычное существование, заставляет адаптироваться к происходящим переменам и вырабатывает у него способность контролировать время. И всё же, может ли человек, хоть в какой-то степени, управлять своим будущим? Только если окажется способным управлять собой.

УДК 128(=161.1)

РУССКАЯ ДУША И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ

В. И. Красиков

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 06-03-02011а

Для нас, людей начала XXI века, одинаково необходимы и нужны все наши культурные традиции, в том числе и та, которую можно назвать «русской философией». Они, каждая по-своему, в концептуальной, мировоззренческой, метафорической формах, выразили особенности *русского способа переживания и обсуждения* вечных общечеловеческих проблем, или же основные черты «русской души» и «русской идеи». Присмотримся поближе к этой работе наших предшественников: какие черты нашего национального характера и каким образом представлены в идеях русской философии?

Говоря о чертах национального характера, мы будем иметь ввиду прежде всего характерные, отличительные. Ведь собственно набор распространенных человеческих качеств есть, в той или иной степени представленности, у каждого из нас, как и у любого из народов. Мы будем рассматривать, так сказать, заведомо специфические – те общечеловеческие черты, которые по каким-либо причинам получали у нас гипертрофированное развитие.

Прежде о соображениях методологического характера в понимании такого сложнейшего, рационально-иррационального и, вдобавок, всегда сильно идеологизированного, потому имеющего болезненные реакции при своем обсуждении, феномена как «национальный характер», «русская душа». Мне близка в понимании этого феномена позиция витальной культурологии (Данилевский, Шпенглер, Кребер, Херскович): оригинальная совокупность общечеловеческих черт «души» (менталитета) какой-либо культуры составляют ее основу, социоприродное априори и, по сути, не могут быть изменены в дальнейшем развитии культуры. Хотя могут быть и определенные коррективы (ослабление интенсивности, резкости проявления, комбинация с другими) этих характерных черт со стороны окружающих условий, однако общий рисунок, узнаваемый типаж, склад – не меняются. Душа только может умереть со смертью культуры (хотя этнический тип, физические люди, потомки, могут и остаться), так же, как и характер человека с его смертью.

Сначала обратимся к отечественной философской классике в обеих ее формах: националистической и космополитической. Адекватно ли выразили они неизбывные черты национального ха-

рактера, узнаваемы ли они сейчас? Мне представляется, что вполне.

Начало векового противостояния двух великих партий в отечественной философии современного формата, связано с осенью 1836 года, когда состоялась первая теоретическая дуэль: Чаадаев – Хомяков. Хотя дуэль была теоретической, и начинателем был Чаадаев, следствия оказались для последнего катастрофическими – он официально был объявлен сумасшедшим и подвергнут массовой общественной обструкции, со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями. Речь идет о знаменитом первом «Философическом письме» (сентябрь, 1836 г.) и спустя месяц (октябрь) ответе Хомякова: «Несколько слов о философическом письме». С этого началась и продолжается перманентная полемика о характере и судьбе русского народа. Со стороны славянофилов это были Вл. Соловьев («Русская идея», «Национальный вопрос в России»), В. Розанов («Черты характера древней Руси»), Н. Бердяев («Русская идея», «Самопознание»), С. Булгаков («Размышления о национальности»), Б. Вышеславцев («Вечное в русской философии»), Н. Лосский («Характер русского народа»), Л. Карсавин («Восток, Запад и русская идея») и некоторые другие. Со стороны западников: К. Кавелин («Философия и наука в Европе и у нас», «Наш умственный строй»), Б. Яковенко («Очерки истории русской философии»), Г. Шпет («Очерк развития русской мысли») и др.

Пожалуй, единственное, что их объединяло, это именно весьма сходная характеристика национальных черт «русской души» и их представленность в специфике нашего мировоззрения. Это очень и очень знаменательное обстоятельство – они видели в принципе одно и то же, хотя, разумеется, и давали тому довольно разные оценочные характеристики, строя различные объяснительные модели.

Только ленивый не говорил как о доброте, религиозности, открытости, радушности, так и о крайнем идеализме (фантазерстве), расхлябанности, душевной нестабильности, максимализме и нигилизме. Но вот из этого набора как позитивных, так и негативных качеств были сконструированы, по крайней мере, три модели национального характера, причем в основание каждой лежали разные объяснительные схемы. Что это за модели?

Начнем с формально исторически первой. «Формально» потому, что первый громкий прецедент идеологического вызова в общественно-политической борьбе двух вечных партий в российской мировоззренческой жизни случился со стороны западнически ориентированных интеллектуалов. Тот вызов «Философического письма» более эпатажировал публику, чем содержал какую-то упорядоченную аргументацию главного авторского тезиса и выражал, как отмечают многие знатоки инцидента, более тщеславные амбиции автора. Собственно, содержательные аргументы и проницательные наблюдения мы находим у другого крупного теоретика направления – К. Д. Кавелина, спустя около полувека после первого знаменательного столкновения.

У Чаадаева основные постулаты еще не имели точных понятийных формулировок, присутствуя более на уровне эмоций зависти, раздражения и негодования по поводу «недотыкомки». Русские – какие-то «недотыкомки», «заблудившиеся в мире», «растерянные существа», «пустые души», «расплывчатые сознания». Бурная реакция на подобные эпитеты была гарантирована. Здесь можно разве что отметить одно интересное наблюдение по поводу, так сказать, «неполноценной рациональности» – это «неумение сосредоточиваться на чем-то определенном, удерживать последовательность, руководствоваться ощущением непрерывной длительности» [1, 22-23]. Критерии классического (картезианского) рационализма – культивируемые способности разума к сосредоточенности, последовательности, непрерывности – при сличении с русским мышлением дают столь плачевные результаты, что впору лишь развести руками: «Ну для чего Господь явил миру столь странных созданий? Может, для какого-то поучительного урока, назидания всем остальным?» Однако в том знаменитом первом письме Чаадаев не приводит, по сути, никаких объяснений подобных результатов, кроме как туманных рассуждений о дисциплинирующей силе католицизма в сравнении с православием. Правда, спустя несколько месяцев после обвала обструкции, когда он становится, так сказать, героем «черного пиара», в «Апологии сумасшедшего» Чаадаев формулирует ключевую для последующих поколений западников идею об «азиатчине, татарщине» как основной причине нашего плачевного состояния: «Самой глубокой чертой нашего исторического облика является отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии» [1, 143]. Справедливости ради следует сказать и о том, что помимо того Чаадаев колеблется и между другими объяснительными схемами, правда, все одинаково европоцентристского происхождения: географической (лишь намеченной) и констативной.

Идея Чаадаева о «неполноценной рациональности» была развита Кавелиным и приняла у него форму тезиса о слабости развития личностного начала у русских: «Наша нравственная личная несостоятельность и негодность» [2, 288]. Главные причины того: отсутствие самоорганизации и интенсивности – двух имманентных сторон одного целого, рождающегося всегда в культуре личной активности, индивидуального почина. «Личное нравственное ничтожество» и «такое величавое государственное развитие» – взаимообусловлены.

Итак, по сути, наши западники, в лице Чаадаева и Кавелина, интуитивно предвосхитили веберовскую концепцию о рождении европейского капитализма: роль религиозной самоорганизации в обуздании стихийности, персонализации и формировании рациональной культуры и личностное профилирование трудовой этики. Всего этого не было в российской истории религии фантазерства и мечты, господства стихийности и массовидности – «при таком величавом государственном развитии». Отсюда проистекают такие органические произ-

водные черты, как серость (бессодержательность: ни хорошо, ни плохо, не подлежит нравственному измерению), легкомыслие (надежда на «авось»), ветреность, всеобщее равнодушие, юродство и маниловщина. Вот вступим на стезю политической, экономической и религиозной модернизации – тогда и встроимся в общечеловеческий прогресс, станем нормальным европейским народом.

Те качества, которые были столь не по нраву либералам, совсем по-другому предстают во второй модели национального характера, сформулированной славянофилами. Это модель национального партикуляризма, прикрытого специфической религиозностью. Оказывается, для восточной, византийской версии христианства указанные выше качества русских оказались как нельзя кстати, как и наоборот: православие обрело в русских душах свою истинную, адекватную форму – форму «Святой Руси» [3, 453]. Ничего не умеющий «христолюбец» априорно много выше, чем стяжающий умелец, маловерный или же, нежа паче, атеист. Смирненное пассивное ожидание (долготерпение) манны небесной, «просветление действительности» [4; 86, 94-95], моральность – выше легальности, а душа дороже формальной организации.

Главная индульгенция всем национальным слабостям (беспорядочности, халатности, пассивности, безалаберности и пр.): «Не смотрите, что русские делают, смотрите на то, к чему они стремятся». Цели же абсолютны, святы и бесспорны.

– Найти не много не мало, а универсальную истину, ибо «мы – центр в человечестве европейского полушария, море, в которое стекаются все понятия, когда оно переполнится истинами частными, тогда потопит свои берега истиной общей» [5, 450].

– «Россия имеет в мире *религиозную* задачу: «восстановить на Земле ... верный образ Божественной троицы (церковь, государство и общество)»; «всеобъемлющее служение христианскому делу, для которого и государственность, и мирское просвещение суть только средства» [6, 1 т., 289; 2 т., 246].

Раз такие цели, то какие могут быть разговоры о таких мелочах, как повседневный методичный труд, упорство и реализм? Споры нет, были и есть фанатики, подвижники, для которых эти слова и цели – не пустой звук. Эти витально одаренные индивиды или, если угодно, «пассионарии», по гумилевской терминологии, могут эффектно и эффективно реализовать себя в любой религиозно-идеологической оболочке: будь то в католическом упорядоченном богослужении или войнах за веру, или в протестантском «призвании к профессии», либо в православном богомольстве и милостивости.

Для большинства народа, однако, рассказы о созерцательном, «боголепном» отношении к жизни, поощрение нестяжательства как легкомыслия и ветрености, юродства, безалаберности (живите, как птицы небесные), фантазерства и жалостливости к себе – культивировали отрицательные национальные черты, вместо того, чтобы их ограничивать либо придавать им позитивные формы проявления.

Вместо того – их смысловая инверсия и сакрализация. Мы упиваемся своими особенностями и снисходительно третируем европейцев (сейчас более американцев) за их ограниченность, точность и педантизм. Национальный партикуляризм, эгоизм выворачиваемы наизнанку и предстают в виде «универсализма» и «всемирной отзывчивости». Самое интересное в том, что мы убедили в том и Европу: они, будучи обрабатываемыми в течение полтора веков, также поверили в особый возвышенный склад русской души и русской религиозной философии. Впрочем, если есть сильная в том убежденность, значит, это можно считать «реальностью», т. к. последняя и есть то, что данная культура почитает за таковую. В этом смысле славянофильствующая, религиозно-неортодоксальная интеллигенция создала, сконструировала «религиозно-православную идентичность» или «русскую идею», ставшую соционтологической силой в виде коллективных представлений значительной части российского общества начала XX в., русской эмиграции и, в конце-концов, некоторой существенной части населения современной России.

В этом плане у западнической критической модели национального характера, строгой к национальным слабостям и взыскующей труда и организованности, было мало шансов на успех в деле конструирования новой российско-европейской идентичности. Вместе с тем, справедливости ради, следует сказать и о неоднородности славянофильского направления в понимании и конструировании «образа России». Самые яркие философские звезды этого направления, будучи серьезными, глубокими мыслителями, не ограничивались готовыми идеологическими штампами, были самокритичны, двигались далее в понимании специфики российской ментальности – далее исходных координат, заданных отцами-основателями славянофильства. Тот же Соловьев, который хотя и продолжал дело Хомякова-Киреевского, более того, выдвинул лозунг «всемирно-религиозной миссии» России, был довольно критичен к «извинительным слабостям» российского национального духа, полагая необходимость их трансформации.

Рефлексивному разуму всегда тесно в догматических одеждах, он стремится создавать всегда нечто соразмерно имеющемуся жизненному опыту и своим способностям проникновения. Так и получилось, что другой знаменитый последователь линии славянофилов Соловьева и негласный лидер «неославянофилов» начала XX в. Н. Бердяев не только создает персоналистскую религиозную философию (где эпитет «православная» был малоуместен и втихую саботировался РПЦ), но и разрабатывает некую синтетичную модель «русской души». Оставаясь в целом на позициях славянофильства в отношении провиденциализма и мессианизма, он учитывает, включает в свою схему и критические, западнические, акценты. Также в его модели сказались и влияния авторитетных в то время в Европе исторического органицизма Э. Шпенглера и философии жизни. Бердяевскую модель нацио-

нального характера можно назвать «виталистской». Суть ее в аналогии культуры как с органическим циклом, так и, более узко, с историей взросления человеческой души. Как и любое живое образование, культура проходит фазы детства, юности, мужания (созревания), затем увядания, дряхления. Тому сопутствуют душевные изменения: при созревании – притупление чувствительности, охлаждение горячности воображения, накопление опыта и возрастание степени собранности, самоорганизации (рациональности) и прагматизма; при увядании – одряхление души, вырождение витальности. «Мы более молодой, варварский народ», – отмечал близкий к Бердяеву Б. Вышеславцев [7, 9]. Отсюда такие характеристики национального характера русских, как органицизм духовной жизни (нерасчлененность, целостность рационального и иррационального), коммунотворность (единство коллективистских и анархических импульсов), амплитудность поведения.

Казалось бы: вот повзрослеем, наберемся опыта – и станем не менее рациональными и организованными. Но не все так просто. Возможно, время органических эволюций уже прошло. Молодые культуры, сохраняя свой архаизм, приобретают от старых самый что ни на есть продвинутый модерн: цинизм, высокие технологии уничтожения и декаданс – все это порождает страшную гремучую духовную смесь анархии, апокалипсических настроений и тоталитарных практик.

Ясно, однако, что приведенные три модели национального характера несколько по-разному, с разных позиций выражают в принципе одни и те же признаки специфического российского типа национального сознания:

- малодифференцированное, слаборационализированное;
- в большей степени религиозно озабоченное;
- социально-пафосное;
- солидаристское;
- тяготящееся личной ответственности и самоорганизovanности.

Вряд ли правомерно говорить, что эти признаки есть признаками лишенности, как о том может сложиться впечатление из-за эпитетов «мало», «слабо», «тяготящееся». И не только потому, что их по-славянофильски можно «обернуть» в:

- универсализм, целостность, органицизм;
- высокую религиозную духовность, жертвенный идеализм;
- социальное служение;
- соборность и кротость.

Это вообще-то распространенные, встречающиеся сплошь и рядом в других странах и менталитетах, характеристики *начала становления* национальных философских, шире, мировоззренческих, традиций. Они встречаются более по одиночке, специфика России в том, что у нее они представлены вместе, в целокупности. В Древней Греции, у истоков развития национального мышления, мы видим преобладание космологической проблематики, тотальная христианская философия предстает разви-

тию западноевропейского мышления, а сильная этико-политическая озабоченность свойственна китайцам, точно так же, как мистицизм и беспредметная созерцательность – индийцам.

Вкупе они и характеризуют русскую философию. Классические рефлексии наших историков философии (Бердяев, Лосский, Зеньковский, Яковенко) относительно описания особенностей (склонностей) отечественного мышления, по сути, *коррелируют* с приведенными выше признаками национального мышления:

- онтологизм (Зеньковский), гносеологический реализм (Лосский), философская метафизичность (Яковенко);
- идеал цельного познания (Лосский); идеал целостности, единства теории и практики, истины и справедливости (Зеньковский); целостность (Бердяев); философский конкретизм, стремление понять и изобразить живой опыт (Яковенко);
- религиозность (Бердяев, Зеньковский, Лосский), религиозное исповедничество (Яковенко);
- этизированность (Лосский); антропоцентризм, панморализм (Зеньковский); социальный идеал служения (Бердяев); философский максимализм, выражающийся в требованиях и поисках последних и окончательных решений, экзальтированность (Яковенко);
- соборность, склонность к метаисторическим построениям (Бердяев, Зеньковский, Лосский), тягостная зависимость философии от перманентной общественно-политической борьбы в России (Яковенко);
- внушаемость русского мышления и философии, отсутствие подлинного философского профессионализма (= независимости) от европейских влияний, особенно в начале пути (Бердяев, Лосский, Зеньковский); вековой период эпигонства (Яковенко).

Представляется все же, что наши классики обеих форм философской традиции в России хотя и верно выразили основные признаки национального характера, однако увлеченные взаимной борьбой и, опять-таки, новомодными тогда западными влияниями, дали более партийно-пристрастные образы и интерпретации русской философии. К ним и следует относиться как к полезным и необходимым моментам национальной рефлексии, которые дают материал и повод для все новых и новых построений,двигающих нас ко все более полному, постоянно обновляющемуся самопониманию или – развивающемуся далее базису русской философии. Обсудим подобное новое построение, родившееся из размышлений над приведенным выше материалом.

Мне представляется, что при объяснении генезиса национального характера следует первоначально учитывать глобальную ситуацию этногенеза. Еще ли она полностью естественна, социобиологична (в духе «старого Биологического Порядка» Ф. Броделя), либо уже подвержена влиянию духовных факторов? Для большинства народов харак-

терна ситуация стационарности (даже кочевники имеют ограниченную определенную территорию), где ландшафт и климат определяют особенности добывания средств пропитания (хозяйство), а те, в свою очередь, формируют своеобразную культуру и менталитет. Но так было до появления первых городских цивилизаций, сопряженных с ними империй, в которых появляются космополитическая духовная жизнь и космополитически настроенные группы интеллектуалов, которые разрабатывают первые универсалистские идеологии – религиозного либо философского характера. Именно они принимают первые опыты *конструирования* новых коллективных идентичностей, типа «эллины», «христиане», «римский народ», «мусульмане» и т. п. Впоследствии на основе этого опыта, уже в преддверие Нового времени, группы националистически настроенных интеллектуалов (литераторы, политики, религиозные деятели) конструируют европейские национальные идентичности.

Возможны, таким образом, два пути формирования национальных идентичностей: естественно-стихийный, в отсутствии мировоззренчески озабоченных групп националистически мыслящих интеллектуалов, и конструкционный, когда наличествует в разной степени сознательность деятельность по выработке желаемой идентичности. В русской истории до «учреждения» Петром интеллигенции, роль подобной мировоззренчески озабоченной группы играло высшее духовенство, чья забота однако не простиралась далее укрепления идентичности «Святая Русь», в чем они, похоже, и преуспели. Деятельность уже по-настоящему аутентичных групп националистически мыслящих интеллектуалов начинается опять-таки с Петровских реформ, но отделение их самосознания от сугубо элитарных интересов и самоидентификация с крестьянским и разночинным большинством России происходит лишь в деятельности славянофилов. Рассмотренные выше их модели национального характера и являются плодом их конструирования.

Сказанное означает, что в отношении русского национального опыта может быть еще применена модель, описывающая взаимосвязь территории, климата, хозяйственно-культурного типа и менталитета. Необходимость в дальнейших попытках конструирования остается, она востребована опять, ибо мы знаем, что случилось с предшествующими попытками. Они оказались временными и малоуспешными. Модель «Святой Руси» дискредитировала себя еще до Петра, славянофильская модель идентичности, конструируемая в XIX – первой половине XX вв., была отвергнута советским экспериментом и утратила в эмиграции актуальную связь с коллективным сознанием, модель идентичности «советского народа» потерпела крах вследствие краха советской империи, из-за грубых просчетов в экономической политике. И вот мы опять, как будто и не было позади тысячи лет истории, вновь находимся в поисках «русской (российской) идеи». Положительное в этой ситуации то, что сейчас мы имеем хотя бы более свободное пространство для

интеллектуальных маневров и рефлексии, многие сакральные символы и идеи «засветили» свою связь с «коллективным субъективным».

Итак, учитывая два обстоятельства: нашу многовековую стационарность, можно сказать, «сращенность» с родной землей и крах имевших место конструирований национальной идентичности, показавших лишь их условность, – мы можем применить к полаганию объяснений национального характера стандартную модель «трехшаговой причинности». Последняя устанавливает детерминационную однонаправленную связь: «ландшафт / климат → хозяйственно-культурный тип → менталитет». Хотя связь детерминационная и однонаправленная, это не «географический детерминизм», т. к. влияние на духовную сферу осуществляется через определенные, уместные и утилитарные в данных природных условиях, видах и особенностях хозяйственной деятельности. Тем самым это уже не «чистый экономический детерминизм», который утрачивает свою обязательную каузальность, ибо мы утверждаем, что особенности осуществления хозяйственной деятельности определяет не «что» продуцируется в головах данного народа, а, скорее, «как» это делается: характерные рисунки ценностей, способы представленности и артикуляции мыслей.

Русские – это европейцы, которые от тепла Гольфстрима и Средиземного моря были загнаны в холодные снежные евразийские просторы, где непредсказуемость стала самим форматом их существования. Конечно, «загнаны» здесь метафора и синоним «исторической судьбы». Суровость климатических условий имеет прямое каузальное воздействие на эффективность единственного возможного для поддержания в таких широтах вида хозяйственной деятельности в рамках традиционного общества – земледелия. Последнее в природных реалиях собственно Центральной России (Нечерноземье) исконно было возможно как *рискованное, скудное земледелие*. Здесь же, на исконно русских землях, сложился и этнос с соответствующим менталитетом. Здесь по объективным причинам «силы плодородия» почв нерационально вкладывать много труда – отдачи больше, чем исторически известная мера, все равно не будет.

Интенсификация усилий сверх некоей, эмпирически найденной опытом поколений нормы вложения сил, отложившейся в виде «традиции», здесь именно нерациональна. Здесь рациональны не методически размеренная организация, а «ударный труд» лишь в строго соответствующие благоприятные (и необходимые) периоды и безделье в остальное время, время непролазной грязи и лютой стужи. Систематичность и обилие трудовых затрат (как, к примеру, у немцев или китайцев) не дают результатов, соразмерных вкладываемому. Либо стабильно непредсказуемый климат, либо лихие люди из Великой степи делали нерациональными любые трудовые затраты сверх необходимых. Так сложилась своеобразная наша рациональность.

Вообще, рациональности не может быть «меньше» или же «больше» – это всегда качественное понятие и означает найденные или передаваемые варианты реагирования, соразмерные типичным ситуациям, минимизирующие затраты и потери в обеспечении основных потребностей. Типичные ситуации проживания в разных местах планеты очень разнятся, интеллект же есть прежде всего адаптивная система, мышление же заключается найденные интеллект технологий выживания в жизнеутверждающий мировоззренческо-ценностный формат: менталитет, фольклор и житейскую мудрость народа, которые, в свою очередь, когда-нибудь подвергаются концептуализации в религиозной и философской формах.

Итак, рационально то, что минимизирует усилия и ведет к тем же результатам при сохранении сил в данном контексте выживания. Знаменитые русские расхлябанность и «авось» – это не есть выражение «природной лени русского мужика». Это, если хотите, выражение некоего русского культурно-исторического «априори» или своего рода «опережающего отражения» (суперрациональности). Нежелание «пожизненно горбатиться» происходит из особо развитой рефлексивности – умения перед процессом деятельности прикинуть его затраты, риски и результаты, их возможную последующую судьбу. И, это скорее, «коллективная рефлексивность»: знание, сценарии, «философия русской жизни», представленные в культурно-образовательном комплексе сказок, притч, песен, анекдотов, пословиц, составляющих среду инкультурации.

По обдумыванию, пониманию, интуитивному прикидыванию затрат и результатов, процессов добывания благ и жизненного финиша как такового русский человек, сызмальства впитывающий национальную «философию жизни» и воспроизводящий потому древние адаптации, древние решения-ответы на тотальную непредсказуемость и рискованность существования, делает важное для себя экзистенциальное вопрошание: «И зачем все это надо?» И немец, и китаец трудятся до изнеможения, не задавая вначале этих вопросов – в их более щедрых и предсказуемых природных и исторических условиях существования имеется на порядок выше вероятность воздаяния «по делам их». Иные риски делают русских метафизиками – горизонт мелких дел и небольших результатов, обнимающий скудный, суровый, полный напастей русский ландшафт, не вдохновляет к тому типу труда, в отсутствии которого нас все время обвиняют. Отсюда знаменитые русская хандра и русская лень. За лень выдают нежелание растрчивать впустую свои усилия, за исключением необходимого и преднайденного поколениями до нас, которые в данных условиях неминуемо обернутся несоразмерно плачевными результатами. «Русская хандра», или хроническая раздражительность, ввиду обилия труднопереносимых мелкоты, пошлости, нудного повтора бытовых, служебных и государственных дел, есть обратная сторона «русской лени». Если невозможно быть

святым или великим, то тогда не все ли равно кем, хоть свиньей и последним пропойцей.

Неутоленность целеполагания, отчаяние от физической и социальной невозможности в реализации «сил необъятных» (которые вполне успешно канализируются у немца и китайца) компенсируются в высоких запросах, безмерных целях, проявляются в нетерпеливости и максимализме. Потому-то русские и метафизики, любят разговоры о смысле жизни, Боге, всемирно-исторической миссии России: их историческое априори требует очень сильной побудительной мотивации к деятельности и впечатляющих горизонтов перспектив. Именно в этом смысле у русских «смысл стоит впереди дела»: сперва надо решить – достойно ли дело, прежде чем его делать.

Равномерно распределенная жизненная интенсивность, ровное горение, отлаженное функционирование представлены в методизме, систематичности, продуманности и основательности немецкого мышления и немецкой философии, горестном вздохе русского мышления. Хорошо ли это? Бесспорно, хорошо в каком-то смысле и для кого-то, в условиях, когда особенности одного типа национального мышления сами стали на два столетия единственными стандартами «серьезной философии как таковой», – по крайней мере, в континентальной философии. Однако прецедент становления англо-американской философии, а к концу XX в. и уже становящихся самостоятельными других региональных философских традиций – африканской, южноамериканской, новоиндийской, новокитайской и пр. – актуализируют проблему осмысления особенностей «русской философии», а не «философии в России».

Что мы можем сказать о подобных особенностях в дополнение или в полемике с выявленным нашими предшественниками? Полагаю, что речь должна идти более о корректировке языка описания. Многое сказано верно, но часто выражено посредством чрезмерных националистических идеализаций, породивших новые мифологемы. Я имею в виду построения типа «соборности», «цельного познания», «особой религиозности», которые были вменены всей русской философии лишь одним из ее направлений, ставшего, правда, мейнстримом, – собственно русской религиозной философией линии «славянофилы – Соловьев – Бердяев, Булгаков, Флоренский и К°».

Следует иметь в виду, что в особенностях философствования находят свое выражение не прямо непосредственно этнические особенности «толщи народной», а, скорее, они же, но представленные опосредованно, как черты мировоззрения и мироощущения особой группы российского общества – интеллигенции. Происхождение этого слова возводят к латинскому «*intellegentia*». Известно, что история отечественной интеллигенции сформировала ее качественно отличный от западных аналогов «интеллектуалов, работников умственного труда» облик.

Интеллигенция была «введена» Петром, как и другие иноземные новшества. Двойственность ее положения также известна: вроде бы «баре» по образованию, социальному положению и оказываемому уважению, однако слишком бедны для бар и из простых. Эта амбивалентность (бедные, но уважаемые) создавала типично экзистенциальное мировоззрение: чувство вины, «долга перед народом», стремление к настоящей свободе и самоопределению, презрение к бытовой, утилитарной стороне жизни. Потому и русская философия прежде всего *экзистенциальна*, как выражение мятущегося, виновного, идеалистического интеллигентского сознания, когда историческое априори русских – лень, хандра, нетерпеливость и максимализм – получают соответствующие наличные культурные оформления в религиозности, социальности и литературности.

Русская философия не потому «религиозна», «социальна», что русские как-то особо от природы религиозный народ или народ, более других озабоченный социальными вопросами. Нет, скорее, указанные черты (нетерпеливость и максимализм) находили свое адекватное выражение в радикальных формах религиозности и социальности, так же как своеобразная, исторически адекватная российская рациональность – в «русской лени и хандре» и в особом трагическом и болезненно-депрессивном экзистенциализме.

Итак, в любом случае, мы можем говорить о том, что у нас в течение двух веков сложилась культурная традиция русского философствования в двух формах:

- националистической, партикуляристской, в виде «русской религиозной философии», которая, однако, сумела представить свой партикуляризм в виде универсализма «истинного христианства» (православия) в рамках «богочеловеческого проекта»;
- космополитической, апеллирующей к «общечеловеческому содержанию» философии, на деле – зависимой и копирующей, опять-таки, партикуляристские, только немецкие, образцы философствования: классической немецкой философии, марксизма, неокантианства и феноменологии.

Отечественное философствование важно не только потому, что оно «наше», и нам, чтобы не утратить эту, пусть флуктуирующую, неопределенную еще, скорее, неясно мерцающую, но все же свою историческую идентичность, следует внимательно разбираться именно с ним, осваивать именно его. Русская философия, а не «философия в России», заявила о себе и среди других национальных философских традиций. Соединение непосредственной, архаической еще, витальности (выраженной в национальном историческом априори), прилежно усвоенного европейского опыта изощренности мысли и чувств («модерна») и переживаний перманентных

социальных катастроф породило оригинальность и мощь экспрессии русской философской мысли, отлившейся в следующих формах:

– Русский «протестантизм» – обновление, восстановление мирового этико-преобразовательного пафоса христианства, который, в отличие от западного протестантизма, был обращен не в коммерцию и предпринимательство, а на моральные и социальные преобразования. Я имею в виду неортодоксальное, философское «активное христианство» Соловьева, Бердяева, пытавшихся реализовать с новой силой революционно-моральный ресурс христианства. Это сформировало новый религиозный идеализм, разительно отличный от всех ~~прежущий~~ космизм – как новая форма универсализующего, интегрирующего мышления, стремящегося к синтезу философии, науки и мистически-интуитивного постижения в создании новых всеобъемлющих описаний и объяснений сущего.

– Русский персонализм – как выражение просяпающей от векового забвения коллективизма и соборности юно-иррациональной, трагически разорванной личности, «собирающей» себя в условиях заброшенности в экстремальную среду обитания.

Однако главное даже не это. Традиция – это не то, что только хранят и, сдувая музейную пыль, вытаскивают из запасников на свет Божий в праздники. Традиция – это то, что нужно сейчас для сегодняшней злобы дня, активно востребуется и актуально используется: как в наши дни начала XXI века, когда опять, в который раз, с новой силой вспыхнули споры о национальной идентичности, «русской идее» – уже среди неославянофилов и современных западников.

Литература

1. Чаадаев, П. Я. Сочинения / П. Я. Чаадаев. – М.: Правда, 1989. – 655 с.
2. Кавелин, К. Д. Наш умственный строй / К. Д. Кавелин. – М.: Правда, 1989. – 654 с.
3. Булгаков, С. Н. Размышления о национальности / С. Н. Булгаков // Сочинения: в 2-х т. Избранные статьи. – М.: Наука, 1993. – Т. 2. – 752 с.
4. Розанов, В. И. Черта характера древней Руси / В. И. Розанов // Религия и культура. – М.: Правда, 1990. – Т. 1. – 636 с.
5. Хомяков, А. С. Несколько слов о философическом письме (Напечатанном в 15 книжке «Телескопа») (Письмо к г-же Н.) / А. С. Хомяков // Сочинения: в 2-х т. Работы по историософии. – М.: Московский философский фонд «Медиум», 1994. – Т. 1. – 590 с.
6. Соловьев, В. С. Сочинения: в 2-х т. – М.: Правда, 1989. – Т. 1 – 687 с.; Т. 2 – 735 с.
7. Вышеславцев, Б. Этика преображенного Эроса / Б. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994. – 368 с.

ЭКОЛОГИЯ. ЗДОРОВЬЕ

УДК 387.17

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ

М. Г. Березина, А. М. Прохорова

Наряду с формированием общетеоретических представлений о здоровье «практически» здорового человека не менее важной проблемой является разработка адекватных подходов и критериев оценки состояния здоровья.

По мнению К. В. Судакова (1993), «ориентация в сторону здорового человека заставляет изменить сложившиеся в медицине традиционные понятия. Возникает необходимость диагностики состояния практически здорового человека, измерения... ведущих... показателей в процессе его обычной жизнедеятельности с целью выявления дисфункций или же констатации состояния здоровья. Именно это и составляет «диагностику здоровья».

В настоящее время многие исследователи считают здоровье неоднородным, имеющим градации, уровни или степени, что и позволяет характеризовать его не только качественно, но и количественно (23; 5; 19; 4). Понятие об уровне или степени здоровья основывается главным образом на учете особенностей адаптации организма к природным и социально-производственным условиям (25). Для всестороннего представления о качестве и количестве здоровья необходимо располагать информацией, как о параметрах внутренней среды организма, так и о влиянии внешних факторов и характере их взаимодействия (9).

Одним из вариантов количественного выражения состояния здоровья является понятие нормы. До настоящего времени распространены попытки поставить знак равенства между понятиями «здоровье» и «норма»; понятие «норма» идентифицируется, как правило, со среднестатистической нормой, отражающей некую среднюю закономерность. Такой подход использует соответствующие нормативы, обеспечивая выделение лишь крайних состояний организма, определяемых как «еще здоровье» и «уже болезнь» (16). Он не позволяет определить границы для диагностики переходных (пограничных) состояний, таких как «дезадаптация» и «предболезнь». «Норма – это те границы (верхние и нижние), в пределах которых могут происходить различные количественные сдвиги, не ведущие за собой качественного изменения в морфологическом и физиологическом состояниях организма, его различных тканей, органов и систем» (29). Поэтому недостаточно средних значений, характеризующих состояние организма в покое, необходимо установление отклонений от среднего уровня. Следовательно, норма – это динамическое понятие, это оптимальное состояние организма, при котором обеспечивается его максимальная адаптация (11; 8; 29).

Для оценки здоровья предложено множество различных методик, однако широко распространен-

ное практическое применение получили лишь некоторые из них. Наиболее часто для характеристики индивидуального здоровья используются методы оценки адаптационного потенциала, определения максимального потребления кислорода, оценки биоэнергетических резервов, выявления резерва здоровья, определения биологического возраста (7).

В настоящее время большинство исследователей для оценки здоровья предлагают использовать комплекс методик, количество которых увеличивается. Так, 10 лет назад, в соответствии с предложенным определением здоровья как уровня функционального состояния (УФС), авторы (14; 18) оценивали его на основе минимального набора клинико-физиологических показателей – измерения роста и массы тела, объема грудной клетки, определения частоты пульса, САД, ДАД. Рассчитывались показатели ударного и минутного объемов кровообращения, пульсового и среднего гемодинамического давления, общего периферического сосудистого сопротивления, индекс Пинье, идеальный вес. УФС оценивался как низкий, ниже среднего, средний, выше среднего. Кроме того, анализировали волновую структуру сердечного ритма в покое и при проведении активной ортостатической пробы. К настоящему времени в работах указанных авторов предлагается описывать паспорт функционального состояния, включающий показатели социального статуса, факторы «риска», основные медицинские заключения, данные о функциональном состоянии по результатам автоматизированной экспресс-диагностики, результаты психологического обследования, определение биологического возраста, данные антропометрии, показатели кардиоритма, эмоционального состояния на основе теста Люшера. При этом, по мнению авторов, основной задачей скрининг-оценки здоровья человека является выбор комплекса экономичных методик, параллельно регистрирующих количественные морфо-функциональные показатели гомеостаза и ключевые параметры нервно-психической деятельности в конкретном функциональном состоянии.

Для адекватной оценки состояния здоровья, учитывающей влияние ряда факторов, требуется разработка «модели здоровья». В качестве таковой можно рассматривать структуру здоровья здорового человека, описание которой предложено А. Г. Щединой (1989). Выделяются пять элементов, характеризующих определенную стабильность гомеостаза и отражающих какую-либо сторону здоровья, которые связаны между собой и соподчинены:

1) уровень и гармония физического развития;

- 2) резервные возможности основных физиологических систем;
- 3) уровень иммунной защиты и неспецифической резистентности организма;
- 4) наличие (или отсутствие) хронического заболевания, дефекта развития;
- 5) уровень развития морально-волевых и ценностно-мотивационных установок.

И. В. Шаркевич, А. В. Чоговадзе и др. (2000) считают, что «модель здоровья может быть представлена как четырехуровневая иерархическая система». Авторы полагают, что высший первый уровень включает основные системы – психическую, биологическую и социальную. Второй определяется как уровень подсистем, отражающий реально существующие системы жизнеобеспечения человека. Третий уровень – уровень функциональных элементов. С помощью элементов этого уровня обеспечиваются основные функции подсистем верхнего уровня. На низшем, четвертом уровне, расположены так называемые структурообразующие элементы. Взаимодействие этих элементов между собой обеспечивает проявление разнообразия функциональных свойств элементов третьего уровня. Элементы четвертого уровня больше других подвергаются воздействию внешней среды и внутренних частей системы. Параметры, характеризующие элементы этого уровня, подвержены наибольшему динамическим изменениям по сравнению с элементами более высоких уровней. Каждый элемент соответствующего иерархического уровня обладает определенными свойствами и может быть описан некоторой совокупностью параметров. Значения этих параметров в какой-либо момент времени определяют состояние данного элемента. Совокупность состояний всех элементов будет определять уровень здоровья человека как сложной макросистемы. Так как все параметры принимают числовые значения, величина оценки состояния здоровья также будет числом.

Анализ представленных в литературе методов определения здоровья свидетельствует о том, что к настоящему времени все более распространенной становится точка зрения о необходимости комплексного подхода к его оценке.

По мнению О. А. Бутовой с соавторами (1998), здоровье человека складывается, по меньшей мере, из трех основных составляющих – структурно-функциональной, физико-химической и психоэмоциональной. Учитывая это, оценка состояния здоровья должна основываться на комплексе показателей (15; 13).

Для решения задач оценки и улучшения здоровья предлагается проведение мониторинга здоровья, «валеологического мониторинга», морфофизиологического мониторинга здоровья и функциональных возможностей. Валеологический мониторинг (20) включает данные анамнеза; индивидуальные результаты выполнения объективных тестов (физического развития, двигательной подготовленности, психофизиологических методик); характеристику социально-экономического статуса семьи; санитарно-гигиеническую и медико-педагогическую

оценку условий обучения и места проживания. Оценка результатов тестов, входящих в программу валеологического мониторинга, состоит в их сопоставлении с заранее определенными нормами, а также в учете индивидуально-типологических особенностей, которые могут существенно отклоняться от среднепопуляционной «нормы».

Обучение в высшей школе – сложный и достаточно длительный процесс, имеющий ряд характерных особенностей и предъявляющий высокие требования к пластичности психики и физиологических функций молодых людей. К сожалению, данному процессу физиологами и психологами уделяется недостаточно внимания по сравнению с изучением психофизиологии и организации учебного процесса школьников (12).

В течение всего курса обучения студенты находятся в постоянном напряжении, которое у них значительно выше, чем у молодых представителей других социальных групп. Дважды в год, во время экзаменационной сессии, состояние умственного и нервного напряжения у студентов резко обостряется в результате сильных эмоционально-стрессовых воздействий (26; 30). Труд экзаменуемых, особенно в вузах, относится к особому виду умственного труда – к эмоционально-интеллектуальному труду. Экзамены для студентов – критический момент, который определяет их положение в институте. При сдаче экзаменов отмечаются изменения вегетативных показателей, увеличиваются частота сердечных сокращений, систолическое давление, минутный и систолический объемы крови, наблюдается некоторое снижение диастолического давления, что характерно для состояния тревоги. Иногда при этом отмечаются глубокие физиологические и биохимические изменения, и, что особенно важно, эти изменения исчезают медленнее, чем при физическом труде и сохраняются ещё определенное время после экзаменов (24).

Молодые люди, только что окончившие среднюю школу, нелегко привыкают к новым для них методам преподавания и контроля успеваемости в вузе, к системе ежесеместровых экзаменов. Адаптация первокурсников к высшей школе является одной из насущных проблем любого вуза (17). Наиболее значим первый семестр. Это период, когда необходимо привыкнуть к вузовским условиям, к новым системам отношений. При кажущейся сравнительной свободе студенческой жизни необходимость самостоятельно планировать работу во внеучебное время и тем самым регулировать равномерность нагрузки в течение учебного года осознается далеко не сразу и не всеми. Это создает дополнительные трудности и приводит к резкому умственному перенапряжению при подготовке к экзаменам, нарушению режима труда, отдыха, питания, переутомлению, снижению работоспособности и успеваемости, а иногда и к прерыванию учебы в вузе (1).

Значительная часть студентов при поступлении в вуз переезжают в другой город, отлучаются от семьи и живут в общежитии. Это приводит к

полному изменению привычного образа жизни, требует самостоятельного решения повседневных жизненных и бытовых проблем без привычной консультации с родителями. Условия общежития вынуждают к постоянному пребыванию среди других студентов, затрудняют возможность уединения, необходимого время от времени каждому человеку.

Годы студенчества совпадают с периодом возрастной физиологической перестройки организма, переходом от детской зависимости к статусу взрослого со всеми его правами и обязанностями, необходимостью оценки собственных способностей и склонностей в избранном направлении деятельности. Каждому молодому человеку, ставшему студентом, приходится искать свое место в новом коллективе, заново устанавливать взаимоотношения с множеством людей, преподавателями и студентами, приобретать социальный опыт и ответственность за принятие решений. От того, насколько студент сможет утвердить себя как личность в рамках коллектива группы, от его межличностных отношений, ценностных ориентации, убеждений и внутренней мотивации к учебе зависит успешность адаптации.

Наконец, для многих студентов, прибывших в вуз из отдаленных регионов с резко отличными природными условиями, ко всему прочему добавляется влияние новых климатических факторов (1). Изменения условий жизни и характера деятельности приводят к резкому изменению динамического стереотипа, перестройка которого зависит от типа высшей нервной деятельности каждого человека, от его индивидуально-психофизиологических особенностей (10; 17).

Таким образом, после поступления в любой вуз студент вынужден адаптироваться к комплексу новых факторов, специфичных для высшей школы. Процесс адаптации происходит на фоне других влияний, характерных для современных условий, и в той или иной степени отражающихся на здоровье всех людей. Если студент не смог быстро адаптироваться, то он чувствует себя дискомфортно, а это в конечном счете может привести к социально-психологической дезадаптации, в результате чего студент не сможет раскрыть свои индивидуальные способности, не реализует себя как личность.

В начальной фазе адаптации у студентов преимущественно наблюдаются трудности психоэмоционального характера, которые при неблагоприятном течении приспособительного процесса могут перейти в стадию «предболезни», что является предвестником целого ряда заболеваний. Важно выявлять состояния, когда заболеваний еще нет, но защитные и приспособительные возможности организма истощены или ослаблены.

Состояние здоровья студентов, как и любой социальной группы населения, требует комплексного рассмотрения во взаимосвязи с факторами окружающей среды, степенью социально-экономического развития, особенностями образа жизни, уровнем и доступностью медицинской помощи, с формированием у них культуры здорового образа жизни.

Мониторинг состояния здоровья студентов в вузах предлагается проводить одновременно в нескольких направлениях, осуществляя диагностику соматического здоровья, уровня физической подготовленности, психологического благополучия, социальной адаптации, учебных затруднений, оценку эколого-валеологической организации образовательной среды. Проведение такого мощного комплекса мероприятий требует не только высокого профессионализма ряда специалистов, но и здоровьесберегающего характера организации и функционирования образовательных учреждений. Существует необходимость обязательного соблюдения принципов мониторинга индивидуального здоровья (комплексности, системности, преемственности), а также корректности выбора диагностических методик и их валидности на всех уровнях регуляции организма и личности (генетическом, метаболическом, морфо-физиологическом, сенсорно-перцептивном, психомоторном, личностном и социальном). На основе этого также возможна разработка подходящего режима занятий физической культурой и спортом, организованных с учетом индивидуальных особенностей студента как организма и как личности.

Целью работы явилось констатировать необходимость учета индивидуальных особенностей при анализе здоровья студентов. Исходя из поставленной цели, были выделены основные задачи:

- 1) изучить неоднородность здоровья юношей в контексте адаптационного потенциала;
- 2) оценить особенности состояния психофизиологических функций у лиц, занятых умственной деятельностью.

Для решения поставленных задач были проведены экспериментальные исследования в условиях лаборатории психофизиологии кафедры физиологии человека и животных и валеологии Кемеровского государственного университета.

Проводили обследование юношей младших курсов дневного отделения биологического факультета Кемеровского государственного университета в возрасте от 17 до 20 лет – всего 36 человек. При выполнении данной работы соблюдали следующие условия: исследование проводил один и тот же экспериментатор, как правило, в первой половине дня в помещении с оптимальными гигиеническими условиями (температура воздуха –18 – 22°C, относительная влажность – 40 – 60 %).

Для оценки индивидуального здоровья использовали методы оценки адаптационного потенциала, вариационной пульсометрии.

Для подсчета адаптационного потенциала регистрируются следующие показатели: возраст, масса тела, рост, частота пульса и артериальное давление в покое. Формула расчета адаптационного потенциала такова:

$$АП = 0,011 \times ЧП + 0,014 \times САД + 0,008 \times ДАД + 0,014 \times В + 0,009 \times МТ - (0,009 \times Р + 0,27),$$

где АП – адаптационный потенциал,

ЧП – частота пульса (количество ударов в минуту),

САД – систолическое артериальное давление (мм. рт. ст.),

ДАД – диастолическое артериальное давление (мм. рт. ст.),

В – возраст (лет),

МТ – масса тела (кг.),

Р – рост (см).

После проведения всех расчетов по величине АП обследованного относят к одной из четырех групп:

- 1) с удовлетворительной адаптацией (АП составляет 2,1 балла и ниже);
- 2) с напряжением механизмов адаптации (АП от 2,11 балла до 3,2 балла);
- 3) с неудовлетворительной адаптацией (АП от 3,21 до 4,3 балла);
- 4) со срывом механизмов адаптации (АП от 4,31 балла и выше).

Адаптация к умственной деятельности представляет собой реакцию целостного организма. При повышении «цены деятельности» – возрастании психофизиологических затрат – результативная сторона работы в течение долгого времени может не ухудшаться. Однако это происходит за счет истощения внутренних ресурсов, увеличения периодов восстановления работоспособности.

Для того чтобы дать правильную интерпретацию наблюдаемых фактов, надо оценить состояние профессионально важных психофизиологических функций, проанализировать структурные особенности функционального состояния, сформировавшиеся в процессе умственной деятельности.

Задачей данной части работы явилось изучение особенностей состояния психофизиологических функций у лиц, занятых умственной деятельностью.

В результате исследования юноши-студенты были разделены на 2 группы по адаптационному потенциалу. В I группу с удовлетворительной адаптацией (10 человек) вошло 27 % юношей, во II группу с напряжением механизмов адаптации (26 человек) – 73 % соответственно.

Как известно, особенности учебной деятельности нередко накладывают определенный отпечаток на состояние вегетативных функций организма (21).

Наиболее характерными проявлениями влияния нагрузки на организм человека и вместе с тем

наиболее удобными для изучения являются изменения таких вегетативных функций, как сердечно-сосудистая система.

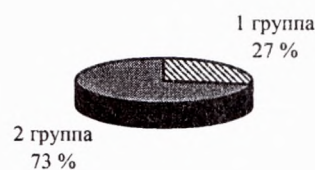

Рис. 1. Процентное распределение по величине адаптационного потенциала у юношей

Для того чтобы судить о ходе приспособительных реакций, о процессе адаптации системы кровообращения и организма в целом к изменяющимся условиям существования, к разнообразным стрессорным воздействиям, необходимо располагать информацией об активации различных уровней центральной регуляции аппарата кровообращения. Исследование сердечного ритма проводилось в два этапа: исходно и при выполнении дозированной умственной нагрузки. Вариационная пульсометрия – частный прием статистического анализа с элементами вероятностного подхода, позволяет выявить закон распределения случайного процесса, каким является ритм сердца, и охарактеризовать его количественно. В основе метода лежит классификация – построение гистограммы распределения временных характеристик частоты сердечных сокращений (пульса, RR-интервалов).

Конкретной задачей данной части работы явилось изучение особенностей реагирования сердечно-сосудистой системы человека в условиях сенсорной деятельности.

Анализ параметров сердечного ритма в покое и при выполнении дозированной умственной нагрузки у юношей в начале учебного года показал, что между группами, сформированными по уровню адаптационного потенциала, имелись выраженные различия (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения индекса напряжения и частоты сердечных сокращений в состоянии относительного покоя и при выполнении дозированной умственной нагрузки у юношей с различным адаптационным потенциалом

Группы	ИН (фон)	ЧСС (фон)	ИН (нагрузка)	ЧСС (нагрузка)
I (n=10)	68,9±10,0	79,7±2,5	210,2±45,6	87,7±2,8
II (n=26)	121,6±18,0	88,1±2,8	239,1±35,0	91,2±2,8

Таблица 2

Средние значения индекса напряжения и частоты сердечных сокращений во время экзамена и в восстановительный период у юношей с различным адаптационным потенциалом

Группы	ИН (экзамен)	ЧСС (экзамен)	ИН (восстан.)	ЧСС (восстан.)
I (n=10)	235,0±34,4	94,4±4,2	101,1±25,7	80,0±2,8
II (n=26)	155,5±28,0	102,6±8,1	146,9±21,9	86,5±2,8

Наибольшая частота сердечных сокращений в покое наблюдается у юношей II группы. Эта же тенденция сохраняется и при воздействии дозированной умственной нагрузки. У юношей I группы наблюдается незначительный прирост ЧСС в ответ на умственную нагрузку, что достоверно ниже, чем во II группе.

Исследование ИН выявило разнонаправленные колебания показателей между группами. Величина ИН, характеризующего степень напряжения регуляторных систем, как в покое, так и при умственной нагрузке, достаточно высокая у представителей II группы, что указывает на рассогласование между функциональным состоянием и долговременными адаптивными возможностями организма.

Группа лиц с напряжением механизмов адаптации, по сравнению с юношами II группы, – с удовлетворительной адаптацией, имеют высокий индекс напряжения в состоянии относительного покоя и практически не восстанавливаются после экзамена.

Итак, большинство исследователей характеризуют здоровье через состояние адаптационных процессов, которые отражают разные степени адаптации той или иной системы организма (6). «Адаптационный подход» позволяет рассматривать организм человека как динамическую, саморегулирующуюся систему (3), которая непрерывно приспосабливается к условиям окружающей среды путем изменения уровня функционирования отдельных систем и соответствующего напряжения регуляторных механизмов.

Таким образом, оценка уровня индивидуального здоровья требует комплексного подхода, включающего исследования функционального состояния, реактивности организма.

Оценка индивидуального здоровья позволяет изучить закономерности его развития под влиянием различных социально-экологических факторов и должна помочь найти пути оздоровления.

Литература

1. Агаджанян, Н. А. Здоровье студентов / Н. А. Агаджанян, В. П. Дегтярев, Е. И. Русанова. – М., 1997.
2. Агаджанян, Н. А. Сезонная динамика показателей ритмокардиограммы и температуры тела у студентов из различных климатогеографических регионов / Н. А. Агаджанян, И. В. Радыш, Ю. П. Старшинов // Эколого-физиологические проблемы адаптации: материалы VIII Междунар. симпозиума. – М., 1998.
3. Анохин, П. К. Очерки по физиологии функциональных систем / П. К. Анохин. – М., 1975.
4. Апанасенко, Г. Л. Медицинская валеология / Г. Л. Апанасенко, Л. А. Попова. – Ростов н/Д., 2000.
5. Баевский, Р. М. Оценка и классификация уровней здоровья с точки зрения теории адаптации // Вестник АМН СССР. – 1989. – № 8.
6. Баевский, Р. М. Валеология и проблема самоконтроля здоровья в экологии человека: учеб. пособие / Р. М. Баевский, А. П. Берсенева, А. Л. Максимов. – Магадан, 1996. – Ч. 1.
7. Безматерных, Л. Э. Диагностическая эффективность методов количественной оценки индивидуального здоровья / Л. Э. Безматерных, В. П. Куликов // Физиология человека. – 1998. – Т. 24. – № 3.
8. Бундзен, П. В. Здоровье и массовый спорт: проблемы и пути их решения / П. В. Бундзен, Р. Д. Дибнер // Теория и практика физической культуры. – 1994. – № 5 – 6.
9. Бутова, О. А. Морфо-функциональная оценка состояния здоровья подростков / О. А. Бутова, Н. А. Агаджанян, В. А. Батулин, Л. В. Твердыкова // Физиология человека. – 1998. – Т. 24. – № 3.
10. Ведяев, Ф. П. Типологический анализ кардиогемодинамики у юношей и девушек в покое и в условиях эмоционального напряжения / Ф. П. Ведяев, В. А. Демидов, Ю. Г. Гаевский // Физиология человека. – 1990. – Т. 16. – № 6.
11. Дильман, В. М. Большие биологические часы (введение в интегральную медицину) / В. М. Дильман. – М., 1982.
12. Дубровинская, Н. В. Психофизиология ребенка: учеб. пособие для студ. высших учебных заведений / Н. В. Дубровинская, Д. А. Фарбер, М. М. Безруких. – М., 2000.
13. Ефимова, И. В. Характеристика эмоциональной сферы как необходимый компонент здоровья студентов / И. В. Ефимова, Е. В. Будыка, Т. К. Ворончихина, Г. Л. Панова, Т. А. Турова // Организация и методика уч. процесса: материалы VII Межуниверситет. научно-метод. конф. – Ростов н/Д, 2002. – Ч. III.
14. Казин, Э. М. Использование автоматизированных систем для оценки функциональных состояний / Э. М. Казин, Е. С. Гольдшмидт, Н. А. Литвинова // Физиология человека. – 1992. – Т. 18. – № 3.
15. Кислицын, Ю. Л. Методика комплексной оценки уровня физического развития и функциональных возможностей студентов РУДН: учебно-метод. пособие / Ю. Л. Кислицын, В. С. Анищенко, И. А. Пермяков. – М., 2001.
16. Корольков, А. А. Философские проблемы теории нормы в биологии и медицине / А. А. Корольков, В. П. Петленко. – М., 1977.
17. Московченко, О. Н. Системный подход к оценке здорового образа жизни / О. Н. Московченко // Валеология. – 1999. – № 2.
18. Панина, Т. С. Анализ эффективности работы профилактического учреждения с помощью автоматизированных средств доназологической диагностики / Т. С. Панина, А. И. Федоров, Э. М. Казин // Физиология человека. – 1993. – Т. 19. – № 5.
19. Разумов, А. Н. Здоровье здорового человека (основы восстановительной медицины) / А. Н. Разумов, В. А. Пономаренко, В. А. Пискунов. – М., 1996.

20. Сонькин, В. Д. Валеологический мониторинг детей и подростков / В. Д. Сонькин, В. В. Зайцев // Теория и практика физической культуры. – 1998. – № 7.
21. Столбун, Б. М. Изменение тонуса мозговых сосудов у студентов во время экзаменов / Б. М. Столбун, М. Л. Римских, Э. И. Римских // Проблемы умственного труда. – М., 1977. – Вып. 4.
22. Судаков, К. В. Диагноз здоровья / К. В. Судаков. – М., 1993.
23. Сукманский, О. И. Определение понятий «здоровье», «болезнь», «предболезнь» и их значение для оценки адаптивных возможностей организма / О. И. Сукманский // Тез. докл. V науч. конф. патофизиол. – Рига, 1983.
24. Умрюхин, Е. А. Энергообмен и вегетативные функции у студентов при учебной и эмоциональной нагрузках / Е. А. Умрюхин, Е. В. Быкова, Н. В. Климига // Физиология человека. – 1996. – Т. 22. – № 2.
25. Фомин, В. С. Проблема измерения здоровья на основе учета развития адаптационных свойств организма / В. С. Фомин // Теория и практика физической культуры. – № 7. – 1996.
26. Шангин, А. Б. Особенности сопряжения дыхания и кровообращения у лиц молодого возраста при психоэмоциональном напряжении, вызванном экзаменационной ситуацией / А. Б. Шангин, В. И. Шостак // Физиология человека. – 1992. – Т. 18. – № 1.
27. Шаркевич, И. В. Теоретико-системный подход к оценке уровня состояния здоровья. Модель здоровья / И. В. Шаркевич, А. В. Чоговадзе, Т. Г. Коваленко, Е. Л. Смеловская // Теория и практика физической культуры. – 2000. – № 1.
28. Щедрина, А. Г. Онтогенез и теория здоровья: методологические аспекты / А. Г. Щедрина. – Новосибирск, 1989.
29. Щедрина, А. Г. Понятие индивидуального здоровья – центральная проблема валеологии / А. Г. Щедрина. – Новосибирск, 1996.
30. Юматов, Е. А. Экзаменационный эмоциональный стресс у студентов / Е. А. Юматов, В. А. Кузьменко, В. И. Бадиков // Физиология человека. – 2001. – Т. 27. – № 2.

ЭКОНОМИКА

УДК 330.322

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩНОСТИ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И РАЗВИТИЯ ЕЕ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ

С. А. Жиронкин

В ходе российских реформ усиление технологического консерватизма, отторжение инноваций в базовых отраслях, их откат к старым технологическим укладам (в частности, к третьему, доминировавшему в развитых странах в 1950-е гг.) привело к углублению отставания российской экономики в развитии индустриального и освоении постиндустриального (информационного) секторов производства. Такое отставание приняло характер структурной деградации экономики, поскольку в результате рыночных реформ негативные тенденции, имевшие место в ее структуре, не были преодолены, а еще более усилились. Во многом это можно объяснить особенностями структурных изменений в реформируемой российской экономике, находящихся в комплексной взаимосвязи и взаимообусловленности. К числу таких особенностей относятся нижеследующие.

Первой особенностью структурных преобразований российской экономики выступает инерционность структуры, доставшейся в наследство от централизованной планируемой советской экономической системы. Ее структурные перекосы и деформации достаточно изучены экономистами и включают в себя: нарушение пропорций между I и II подразделениями общественного производства (иначе называемыми – группами «А» и «Б», между

накоплением и потреблением, высокий монополизм и сырьевая направленность экономики и т. п.

Вторая особенность структурных преобразований российской экономики заключается в усилении в ней негативного сдвига в отраслевом и технологическом аспекте. Такой сдвиг не только консервирует дореформенную структуру, но еще больше примитивизирует отечественную воспроизводственную систему.

Третья особенность движения российской экономики по примитивизационному для ее структуры пути заключается в нарастании процесса «проедания» основного капитала. Он проявляется в расширении в российской экономике прослойки предприятий с отрицательным накоплением капитала, в катастрофическом устаревании используемых ими средств производства. Десятилетие реформ, начиная с 1991 г., характеризуется постоянным снижением инвестиций в основной капитал. Так, по данным Госкомстата РФ, к 1997 г. доля инвестиций в основной капитал сократилась до 24 % по сравнению с 1990 г., к 2004 г. – 34 %. Кроме того, за этот же период происходило постоянное старение производственных мощностей и промышленного оборудования, поскольку уже с самого начала рыночных реформ – с 1992 г. – ввод нового оборудования постоянно отстает от выбытия устаревшего. В 1998 г.

разница между этими показателями достигла 6,1 %. При этом за счет ввода новой техники, реконструкции и перевооружения производства в экономике обновлялось только 0,9 % мощностей. Доля оборудования возрастом свыше 10 лет в структуре промышленного оборудования возросла с 25,8 % в 1990 г. до 46 % в 1997 г. и 49 % в 2004 г. При этом износ основного капитала за тот период увеличился на 10 %, а средний возраст средств производства превысил 15 лет, при фактическом использовании большей части промышленного оборудования в течение 32 лет (1).

Четвертая особенность преобразований структуры реформируемой российской экономики заключается в сокращении в ней высокотехнологичных отраслей и деградации НИОКР. Отрицательное влияние пренебрежения со стороны российского государства и корпоративных структур углубляющимся разрывом между сырьевой и высокотехнологичной сферами в привлечении финансовых, материальных ресурсов, в экспорте укрепляет опасную тенденцию деградации наукоемких отраслей. Если общее падение объемов производства в промышленности (по данным Госкомстата РФ) в 1990-1999 гг. составило 54 %, то в наукоемких отраслях – 85 %. В дальнейшем благоприятная экономическая конъюнктура привела к увеличению объемов промышленного производства на 14,5 % за период 2000-2004 г., тогда как в сфере высоких технологий продолжается спад, который составляет, по разным оценкам, от 1,5 до 4,5 %.

Пятая особенность изменений структуры российской экономики заключается в искажении места в ней банковской системы, которое сохраняется и по сей день. Оно проявляется в том, что подавляющая часть российских коммерческих банков не могут выполнять главную функцию кредитных организаций как институтов рыночной экономики – трансформацию сбережений в кредиты и инвестиции в реальном секторе, в особенности в отраслях новой, высокотехнологичной структуры. Совокупный капитал частных российских банков оценивается Банком России в 6,2 млрд долларов, что сравнимо с капиталом одного среднего американского или японского коммерческого банка. При этом российские частные банки работают в своеобразном институциональном вакууме, в отсутствии не только институтов и инфраструктуры (обществ взаимного кредита, кредитных союзов, ссудо-сберегательных касс, инвестиционных фондов и пр.), обслуживающих движение финансового капитала в развитых странах, но и развитых источников кредитных ресурсов. Поэтому, если на начальном этапе реформ (до 1997 г.) основным источником банковских кредитных ресурсов были эмиссии денег государством, то после дефолта 1998 г. – рефинансирование Центрального банка. В связи с этим совокупный вклад российских банков в капиталовложения в основные фонды промышленности не превышает 5 % (2).

Шестая особенность негативных структурных процессов в отечественной экономике заключается в перекосах в структуре экспорта и импорта

между продукцией сырьевой, обрабатывающей и высокотехнологичной сфер. Так, если в России основной акцент в экспорте смещен в сторону нефтяной, газовой промышленности, черной металлургии, то за рубежом среди стран с развитой рыночной экономикой эти отрасли играют подчиненное положение в экспорте. Напротив, в развитых странах в экспорте доминирует машиностроение, интеллектуальные продукты. В свою очередь, доля данных отраслей в российском экспорте не превышает 3-5 % (по данным Госкомстата РФ).

Таким образом, то, что негативные структурные процессы в ходе реформ не только были сняты или ослаблены, но получили мощные импульсы дальнейшего углубления, свидетельствует о действии ловушки самоуглубляющейся сырьевой специализации российской экономики. В пользу этого свидетельствует гипертрофированное повышение доли сырьевых отраслей в экспорте, корпоративных доходах, занятости и привлечении капитала и деградация производства товаров конечного спроса, ориентированных на внутренний рынок. Вместе с резким сокращением производства наукоемкой продукции это обрекает российскую экономику на неэквивалентный внешнеэкономический обмен и нарастающее технологическое отставание.

Вместе с тем в период реформ проблема взаимосвязи развития кредитных взаимоотношений и структурной перестройки экономики является одной из самых актуальных. Среди общих качественных свойств системы национальной экономики в целом и системы кредитных отношений в частности наиболее важными являются следующие:

1. Подчиненность как кредитной системы, так и всей экономики страны закону включения в них различных элементов, исходя из различий в решаемых задачах. То есть система кредитных отношений не является случайным многообразием элементов. Следовательно, она отрицает субъектов экономики, участвующих в кредитных взаимоотношениях, но подчиненных другим целям. Например, государство как управляющая подсистема в экономике в целом функционально соприкасается с самим же собой в качестве элемента кредитной системы – источника кредитных ресурсов, кредитора. Однако поскольку роль государства в экономике страны и в системе кредитных отношений обладает различиями, соответственно решаемые задачи имеют разные инструменты и результаты. Именно поэтому подмена экономической роли государства в развитии кредитных отношений администрированием не может полностью решить проблему совершенствования государственного регулирования экономики в целом.

2. Целостность кредитной системы, которая в то же время является неотъемлемым структурным элементом национальной экономической системы, обеспечивающим ее собственную целостность. Кредитные отношения не изолированы от внешней среды – экономики страны, напротив, они тесно взаимодействуют с ней. Как часть более общего, банковская система функционирует в рамках общих и специфических законов, подчинена общим нор-

мам права. В этой связи нельзя не отметить способность системы кредитных отношений к самоорганизации. По своему характеру кредитная система является самоорганизующейся, поскольку изменение экономической конъюнктуры, политической ситуации неизбежно приводит к «автоматическому» изменению в кредитных взаимоотношениях. Так, при усилении политической нестабильности и росте неплатежеспособности субъектов рынка субъекты кредитных отношений – банки и финансовые фирмы – сокращают долгосрочные кредитные вложения в производство, уменьшают сроки кредитования, увеличивают доходы не за счет кредитования предприятий, а спекулятивной деятельности с иностранной валютой, гособязательствами, кредитными ресурсами. Напротив, в условиях становления экономической и политической стабильности банки активизируют долгосрочное кредитование, получают доходы преимущественно за счет своих процентных и дивидендных поступлений. Соответственно субъекты кредитных отношений, не реагирующие адекватно на изменения во внешней среде – системе национальной экономики – неизбежно вынуждены свернуть свои кредитные взаимоотношения и уйти с рынка.

3. Динамичность развития, означающая постоянное наполнение кредитных отношений новыми элементами – банками, фирмами-заемщиками, эмитентами долговых обязательств и пр. Это обусловлено прежде всего объективной потребностью современной экономики в кредите, ростом потребности в нем по мере продвижения рыночных реформ, развития конкурентных взаимосвязей. Кроме того, в пользу самоорганизующейся сущности системы кредитных отношений свидетельствует то, что внутри нее постоянно возникают новые связи. К числу наиболее важных из них относятся кредитные взаимоотношения между Центральным банком и коммерческими банками, между участниками рынка межбанковских кредитов, между банками и предприятиями, между банками, финансовыми компаниями и населением.

Таким образом, становление общих качественных свойств следует из развития российской системы кредитных отношений и системы национальной экономики в целом из единого источника. Этим источником выступает дореформенная система экономических взаимоотношений, лишенных рыночного начала и построенных на администрировании государства. Поэтому сам процесс выделения качественных сторон, общих для экономики страны и для ее подсистемы, каковой являются кредитные отношения, можно представить в следующем виде.

Первоначально качественные характеристики подсистемы национальной экономики (то есть системы кредитных отношений) и всей воспроизводственной системы в целом образуют единство. Поэтому на этапе рыночных преобразований система экономики страны содержит в себе предпосылки появления новых качеств, таких как инновационность, регулируемость рыночными инструментами, социализированность. Однако усиливающееся несоответствие требований, предъявляемых экономикой

в целом к ее подсистемам (материальному производству, кредитной, инвестиционной и пр.), их возможностям обеспечить достижение целей реформ (таких как разгосударствление и повсеместное развитие регулируемых рыночных отношений, повышение технологического уровня производства, рост доходов, повышение статуса России в мировой экономической системе) ведет к деформации структуры взаимосвязей в подсистемах национальной экономики, в том числе в системе кредитных отношений. Ей присущи элементы старого, которые преобразуются в устойчивые проблемы развития кредитных взаимоотношений, которые уже не могут содействовать достижению целей рыночных реформ.

Новые качественные свойства рыночных кредитных отношений, такие как конкурентная среда, управляемость экономическими методами, доступность кредита для предприятий, отрицают старые, такие как монополизация, директивное государственное вмешательство, дефицитность и пр. Поэтому потребность в структурной перестройке всей системы российской экономики лишь усиливает необходимость структурных изменений в системе кредитных отношений, исходя из общности их качественных признаков.

Затем, по мере усиления общности некоторых свойств кредитной системы и всей системы национальной экономики, в условиях нарастания структурных диспропорций, происходит появление различий в прежде едином качестве. Это означает, что новое сосуществует со старым, однако, отделяясь от него, продолжает развитие и противопоставление. То есть различия качественных свойств кредитных отношений и всей экономики в целом образуют такие противоположности, как:

- роль внутренних заимствований государства (сокращение бюджетного дефицита и содействие макроэкономической стабилизации) и существующий подход к их осуществлению (путем размещения гособязательств на денежном рынке под высокие процентные ставки);
- перспективность вексельного обращения повысить ликвидность промышленного капитала и отсутствие государственных гарантий по векселям промышленных фирм;
- повышение учетной ставки Центробанком с целью сдерживания инфляции и рост инфляции вследствие повышения издержек за счет недостатка кредита.

В результате система кредитных отношений в своем развитии начинает прямо содействовать усилению структурных диспропорций реформируемой российской экономики. Соответственно к факторам, обуславливающим взаимодействие и взаимоусиление проблем структурных преобразований подсистемы кредитных отношений и всей системы экономики, относятся следующие:

1. Инфляция. Рост инфляции выступает фактором, сдерживающим аккумуляцию сбережений банками, сокращая предельную склонность к сбережениям. В результате субъекты кредитных отношений отдаляются от кредитования промышлен-

ных фирм и предпочитают краткосрочное финансирование спекуляций с иностранной валютой, долговыми обязательствами. Кроме того, рост издержек производства и обращения за счет ускорения темпов инфляции снижает кредитоспособность промпредприятий, что еще больше отдаляет их от банковского и коммерческого кредита. В свою очередь, коммерческий кредит приобретает форму наращивания взаимных неплатежей.

2. Уровень доходов населения и его динамика. Сокращение реальных доходов выступает фактором, который, с одной стороны, сдерживает прирост кредитных ресурсов за счет частных сбережений, с другой – снижает платежеспособный спрос на продукцию отечественных предприятий. Тот факт, что средняя заработная плата в российской промышленности в 2003-2005 гг. не превышала 450 долл (а в бюджетной сфере в России – 250 долл), что на 40 % ниже, чем недельная зарплата среднего работающего в США, приводит к тому, что уровень потребления россиян (в долларовом эквиваленте) в среднем в 21 раз ниже, чем в США, в 19 раз ниже, чем в Великобритании, в 4 раза ниже, чем в Сингапуре (по данным Министерства торговли и экономического развития РФ). В результате спрос на кредит со стороны населения, несмотря на активизацию с 2001 г., все еще недостаточен. Это, в свою очередь, вызывает «цепную» реакцию в виде усиления использования кредита для финансирования фондовых спекуляций (3).

3. Налоговый прессинг на предпринимательство. Рост налогов на предпринимательскую деятельность вызывает снижение рентабельности фирм и рост их банкротств. В результате сокращается число потенциальных заемщиков кредитов и, по цепочке движения ссудного фонда, замедляется рост совокупных активов банковского сектора. Следует отметить, что не меньшую значимость в российской экономике имеет проблема неселективного, уравнительного налогообложения предприятий всех отраслей – как сырьевых, так и высокотехнологичных. Поэтому в ситуации, когда из-за значительного налогового давления на хозяйственную деятельность в отраслях перерабатывающей и высокотехнологичной сфер рентабельность их предприятий гораздо

ниже, чем в сырьевой, кредитные вложения закономерно перераспределяются в пользу последней.

4. Расходы бюджета, в которых с 2001 г. почти половину занимают выплаты по внешнему долгу и бюджетный дефицит. Это стало основным фактором, препятствующим осуществлению государственных инвестиционных расходов.

5. Изменения в политической среде российской экономики. В отличие от экономических факторов, которые определяют общность сил, вызывающих структурные преобразования всей экономики и кредитных отношений, политические факторы создают определенные условия структурных перемен. К числу основных политических факторов, влияющих на образование общих структурных проблем для всей российской экономики и ее кредитной системы, можно отнести социально-экономическую ситуацию в стране, а также состояние законодательства. В настоящее время в России законодательная нестабильность является одним из сильнейших отрицательных факторов, препятствующих активизации кредитных и инвестиционных механизмов структурной перестройки экономики.

Таким образом, кредитная система и российская экономика в целом обладают рядом общих качественных свойств: подчиненность кредитной системы и всей экономики страны закону включения в них общих элементов; целостность кредитной системы, которая является неотъемлемым структурным элементом национальной экономической системы, обеспечивающим ее собственную целостность; динамичность развития.

Литература

1. Данные официальной государственной статистики – предприятия и организации. Банк готовых документов. – М.: ГКС РФ, 2005.
2. Обзор банковской системы Российской Федерации. Раздел «Кредитные организации» (Он-Лайн-версия) за 1998 – 2001, 2002, 2003, 2005 гг. – Информационный сервер Банка России – www.cbr.ru.
3. Данные Министерства торговли и экономического развития РФ – Официальный сайт www.economy.gov.ru/document.html.

УДК 332:321

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Е. А. Корчуганова

В условиях включения российской экономики в мировое торговое пространство, стратегические цели развития страны предполагают повышение конкурентоспособности и реформирование отраслевой структуры экономики, формирование эффективных общественных институтов. При этом главенствующая роль в трансформационной экономике системы принадлежит государству: сочетание принципов экономического либерализма и совершенст-

вованние методов регулирующего воздействия власти приводит в долгосрочной перспективе к высоким темпам экономического роста, возможности приспособиться к таким вызовам времени, как глобализация и усиление конкуренции в международном масштабе.

Государство и, в частности, его представители на местах – областная администрация, влияют на эффективность развития всей экономики региона не

только посредством создания институтов и обеспечения их функций, но и за счет выравнивания межотраслевых диспаритетов и поддержки конкурентоспособности экономики региона, выводу предприятий из кризисного состояния.

Как результат политики администрации области, инвестиционный рост в Кузбассе достиг рекордных показателей (табл. 1 и 2). При этом в

структуре инвестиций доля частного капитала возросла до 70,9 %. Темпы роста инвестиций в основной капитал являются, по существу, определяющими факторами роста экономики региона, а структурная составляющая выступает в данном случае как барометр, определяющий «погоду» взаимоотношений бизнеса и власти.

Таблица 1

Динамика инвестиционных вложений в основной капитал по России и СФО
(данные Росстата по Кемеровской области)

<i>Субъект РФ (млн руб.)</i>	<i>2000 г.</i>	<i>2001 г.</i>	<i>2002 г.</i>	<i>2003 г.</i>	<i>2004 г.</i>
Республика Алтай	815	1130	1290	1186	1946
Алтайский край	6707	8420	10213	13365	15272
Красноярский край	23976	33758	31759	37196	43868
Кемеровская обл.	17380	20427	23697	28548	53348
Иркутская обл.	11384	12761	17313	22123	25339
Новосибирская обл.	10756	13346	16254	22914	24289
Омская обл.	4846	8625	13333	18932	23514
Томская обл.	8550	15632	18298	23383	23810

Таблица 2

Структура инвестиций в основной капитал по формам собственности
(в процентах к итогу) (данные Росстата по Кемеровской области)

<i>Инвестиции</i>	<i>2000 г.</i>	<i>2001 г.</i>	<i>2002 г.</i>	<i>2003 г.</i>	<i>2004 г.</i>
Инвестиции в основной капитал по формам собственности:	100	100	100	100	100
государственная	16,3	12,9	9,6	13,7	7,1
муниципальная	8,3	6,3	5,4	7,6	5,2
частная	40,7	51,7	65,3	58,9	70,9
потребительской кооперации	0,04	0,04	0,04	0,05	0,03
общественных и религиозных организаций (объединений)	0,02	0,02	0,01	0,02	0,02
смешанная российская	33,5	27,0	18,0	12,9	8,6
совместная РФ и иностранная	1,2	2,1	1,6	6,1	7,7
иностранная	0,0	0,0	0,1	0,8	0,5

Исследуя вопрос взаимоотношений бизнеса и власти, следует отметить, что это взаимодействие наиболее ярко проявляется в динамичном и существенном изменении своей структуры. С конца 90-х годов отношения бизнес-власть приобретают все более многоплановый характер. Понять сущность происходящих процессов, оценить тенденции и перспективы их дальнейшего развития возможно толь-

ко в контексте определенных общественно-исторических условий, что в конечном счете позволяет проводить качественное структурное изучение объекта исследования. В контексте вышесказанного представляет интерес изучение зависимости показателей развития региона от объемов государственной поддержки отраслей экономики (табл. 3).

Таблица 3

Поддержка отраслей экономики и основные показатели развития Кемеровской области
(млн руб.) (данные Росстата по Кемеровской области)

<i>Показатели</i>	<i>2000 г.</i>	<i>2001 г.</i>	<i>2002 г.</i>	<i>2003 г.</i>	<i>2004 г.</i>
Поддержка отраслей	5721,8	5980,1	6281	7636,3	12053
Объем промышленного производства области	103511	124888	146328	200731	289400
Предоставленные кредиты организациям	Н. д.	8063	10498	17620	21149
Финансовые вложения организаций по отраслям экономики	5820	4659	9277	15005	37268
Налог на прибыль	19791	25236	34981	41939	61930

Рассчитанные нами по данным таблицы 3, коэффициент корреляции между уровнем государственной поддержки экономики отраслей и налогом на прибыль, как одного из основных показателей наполняемости областного бюджета, составляет 0,9.

Так же рассчитаны показатели зависимости уровня частных инвестиций от динамики показателей государственной помощи в виде предоставленных кредитов и субсидий, коэффициент корреляции составляет 0,97.

Высокий уровень коэффициентов корреляции между изучаемыми характеристиками экономического положения области демонстрирует тесную взаимосвязь между проводимой администрацией стратегической политикой в сфере экономики и фактическими результатами деятельности отраслей и отдельными предприятиями в частности, подтверждая при этом многоаспектность условий экономического роста.

Рассчитанный нами по данным таблицы 3 коэффициент корреляции между уровнем государственной поддержки экономики отраслей и налогом на прибыль, как одного из основных показателей наполняемости областного бюджета, составляет 0,9.

Так же рассчитаны показатели зависимости уровня частных инвестиций от динамики показателей государственной помощи в виде предоставленных кредитов и субсидий, коэффициент корреляции составляет 0,97.

Высокий уровень коэффициентов корреляции между изучаемыми характеристиками экономического положения области демонстрирует тесную взаимосвязь между проводимой администрацией стратегической политикой в сфере экономики и фактическими результатами деятельности отраслей и отдельными предприятиями в частности, подтверждая при этом многоаспектность условий экономического роста.

В качестве одного из наиболее ярких и показательных проявлений указанной тенденции выступает активное развитие системы экономических взаимоотношений между бизнесом и властью, обеспечивающих перераспределение финансовых потоков бизнеса посредством вложений в социальную сферу города и защиту их экономических интересов со стороны администрации города.

В широком смысле возникшую систему отношений можно трактовать как особого рода рынок, на котором сталкиваются субъекты с неравной переговорной силой, что связано с наличием у власти административных и силовых ресурсов. С организационной точки зрения, это представляет собой мероприятия по улучшению внешнего вида домов и улиц, помощь детдомам и домам престарелых, больницам и т. п., с одной стороны, и снижения уровня арендной платы, налогового бремени, предоставление льготных кредитов и пр. – с другой. Увеличение вложений бизнеса на социально-экономические мероприятия может дать импульс его экономическому развитию только в рамках определенной структуры отношений – бизнес-административной системы (БАС).

Структурный анализ БАС основан на изучении совокупности прямых и обратных связей внутри саморазвивающейся системы бизнес ↔ власть (рис. 1). В левом прямоугольнике обозначена бизнес-среда, а именно: целевые рынки, конкуренты, факторы микросреды, контактные аудитории и прочие элементы, взаимодействие которых и обеспечивают в конечном счете финансовые результаты компании. Через существующую административную систему, которая играет роль своеобразного коммутатора, через который финансовые потоки бизнеса передаются населению территории в виде удовлетворения его нужд по развитию учреждений образования и здравоохранения, дворовых территорий, строительству детских и спортивных сооружений, клубов и т. п.

В свою очередь, население контактирует с бизнесом как потребитель частных благ, и с властью, как потребитель общественных благ.

Решающая роль в формировании БАС и обеспечении необходимых институциональных условий для ее проведения в жизнь принадлежит региональным органам власти и муниципалитетам.

Усиление взаимного влияния между государством и бизнесом делает особенно актуальной проблему формирования и накопления социального капитала, развития устойчивых и плодотворных связей между бизнесом и властью. При этом в содержании коммуникаций не должно быть абсолютно ничего случайного. Для большинства фирм вопрос не в том, поддерживать ли взаимоотношения или нет, а в том, сколько и как именно тратить в этой сфере.

Современный бизнес управляет сложной системой социальных взаимосвязей с властью. Если рассматривать процесс коммуникации с позиции Ф. Котлера¹, то он включает в себя девять составляющих элементов (рис. 2). Основные участники коммуникации – отправитель и получатель. Орудия коммуникации – обращение и средства распространения информации. Четыре элемента являются основными: кодирование, расшифровка, ответная реакция и обратная связь. Последний из девяти элементов – случайные помехи в системе – представляет значительный интерес с позиции анализа качества этого взаимодействия. В лице отправителя выступает бизнес.

Кодирование – процесс предоставления вида помощи обществу (в натуральном или денежном выражении).

Обращение – объем данного вида помощи, передаваемого бизнесом.

Средства распространения – каналы коммуникации, по которым обращение передается от отправителя к получателю.

Расшифровка – процесс, в ходе которого получатель – общество, в лице своего представителя – власти, придает значение полученной помощи.

¹ Котлер Ф. Основы маркетинга. – СПб.: АО «Корунна», 1994. – С. – 445.

Ответная реакция – набор откликов получателя, возникших в результате контакта с обращением.

Обратная связь – часть ответной реакции (в виде административного, финансового или материального ресурса), которую администрация доводит до сведения фирмы.

Помехи – появление в процессе коммуникации незапланированных отклонений от прогнозируемых бизнесом ответных реакций со стороны власти.

Подобная система бизнес-администрированных коммуникаций изначально предполагает не только обмен деятельностью в различных формах, но прежде всего в результате качества и количества ответной реакции получателя меру участия отправителя в процессе взаимоотношений бизнес-власть.

Таким образом, внутри единой бизнес-административной системы области существует несколько подсистем:

- частных предпринимателей;
- для малого и среднего бизнеса;
- для крупного бизнеса.

Иными словами, для каждой отдельной подсистемы существует свое качественно отличное распределение ролей и функций в процессе взаимодействия системы бизнес-власть, то есть ролевая функция и есть уже качественно определенная мера коммуникации. Не случайно основная доля вложений в социально-инвестиционной деятельности приходится на предприятия крупного и среднего бизнеса. И дело не только в безусловно больших финансовых возможностях крупных предприятий, сколько – в условиях ненадежности информации об эффективности социальных инвестиций для мелкого бизнеса и частного предпринимательства, т. е. наличия большого уровня помех в процессе коммуникации бизнеса и власти. Таким образом, в целях повышения эффективности взаимоотношений бизнес ↔ власть требуется устранение неопределенностей в системе, установления единых норм и правил для всех участников процесса коммуникации, что в конечном счете способно обеспечить согласование стратегических интересов государства, бизнеса и общества, служить основой для стабильного развития отечественной экономики.

Рис. 1. Система взаимодействия бизнеса и общества

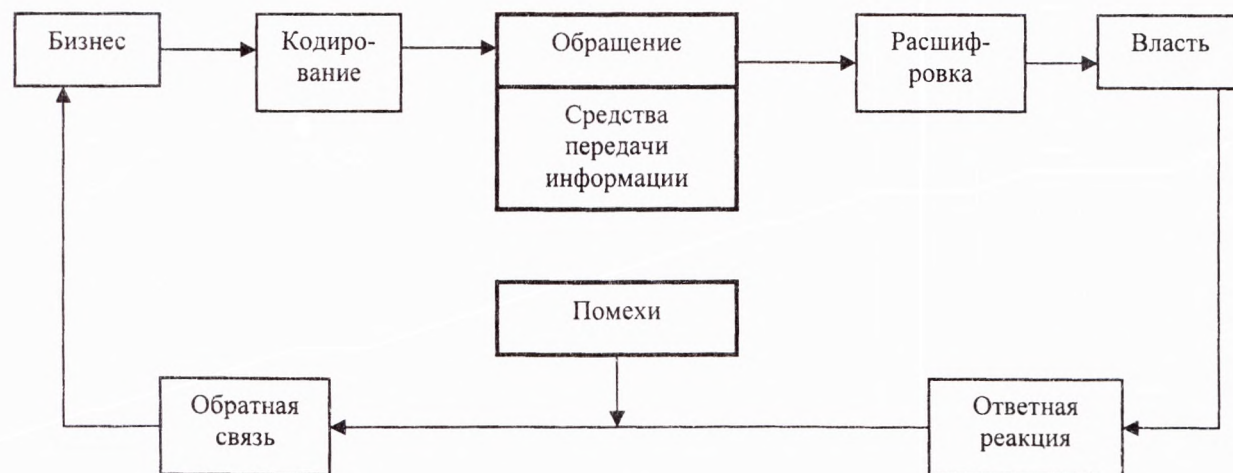
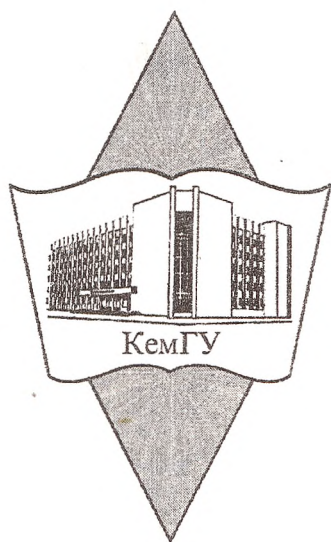

Рис. 2. Система, представляющая элементы процесса коммуникации бизнеса и власти

ВЕСТНИК

BULLETIN

**КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 4 (28)

**OF KEMEROVO
STATE UNIVERSITY**

Issue 4 (28)

**КЕМЕРОВО
2006**